

РОЗА
ЛЮКСЕНБУРГ

КРИЗИС
СОЦИАЛ-
ДЕМОКРАТИИ

СВЯДОЖЕННИИ
СТАТУС
К. ЛЕВИНА

КРАСНАЯ КОЛЫ

Г. П. П.

1 2 3 4

Роза Люксембург

Кризис

социал-демократии

Предисловие ко второму изданию

Выпущенная в свое время под псевдонимом Юниуса брошюра Розы Люксембург имеет свою историю и сама является частицей истории: отчасти благодаря обстоятельствам, при которых она появилась, отчасти благодаря той частице действительности, которую она так кристаллически-ярко отразила.

Роза Люксембург написала свою брошюру в апреле 1915 г. За несколько недель перед этим она была водворена в "Королевскую Прусскую Женскую тюрьму", на Барнимштрассе в Берлине. Там она должна была отбыть год заключения, к которому она была приговорена судебной палатой во Франкфурте на Майне перед началом войны, в феврале 1914 года за свою смелую борьбу против милитаризма. В ее борьбе, осуждении и печальном эпилоге, в зародыше заключалось все то, что вскоре затем показало себя воочию ясное понимание Розой Люксембург надвигавшейся империалистической грозы и необходимости для пролетариата с величайшей энергией беззаветно броситься на борьбу с ней; смелость и самопожертвование, с которым она во имя интернационального социализма вела борьбу против врага; острый капиталистический классовый инстинкт, с которым буржуазный мир, беззастенчиво пользуется всеми средствами для защиты милитаризма и которому историческое развитие, придало особенную изобретательность, направленную к сохранению капитализма во что бы то ни стало; позорная

капитуляция немецкой социал-демократии, вернее ее прошлого, перед милитаризмом и империализмом!

Действительно: широкие пролетарские массы горели желанием вступить в борьбу против милитаризма и империализма. Если их классовое сознание не знало еще ясно своего смертельного врага, то их здоровое классовое чутье угадывало, подозревало его. И как светом прожектора был ярко освещен на их горизонте милитаризм в его исторической сущности, благодаря осуждению Розы Люксембург за высказанное этим смелым вождем убеждение, — что пролетариат не должен повиноваться приказанию идти на убийство своих братьев других национальностей. Потрясающее, подхлестывающее действие обвинительной речи еще более усугублялось речью (Розы) перед Франкфуртским судом, классическим образцом политической защиты, ставящей на место мелочного юридического рассмотрения вины, наказания и меры наказания — борьбу за твердо и научно обоснованными идеал социализма. Могучая волна решительного боевого настроения поднялась в пролетарских массах. Было очевидной обязанностью для всякой хоть сколько-нибудь предусмотрительной политически руководящей верхушки социал- демократии использовать, поднять это боевое настроение, чтобы дать большую битву милитаризму и империализму, чтобы нанести им тягчайший удар. Но руководящая верхушка социал-демократии снова с очевидностью показала, что по своим взглядам она далеко не стоит на несокрушимой сторожевой башне этого принципиального марксистского понимания, дающего правильный взгляд на факты и их развитие и делающего возможным верное на правление познания, воли и поступков.

И при существовавшем положении она предъявила свое свидетельство о бедности, свидетельство о том, что у нее отсутствовало решительно все необходимое для настоящего политического руководства. Она отказалась от необходимого, очевидного и вполне осуществимого — от превращения разразившихся повсюду со стихийной силой выступлений протеста против приговора франкфуртской судебной палаты в объединенное могучее массовое движение против империализма и милитаризма. Партийные вожди выступили со своим: "Назад! назад! дон Родриго!", как с гордой клятвой социал-демократии. Они старались задушить начавшееся, без их услуг, движение. И это в атмосфере горячего возмущения не только по поводу суда над Люксембург, но по поводу триумфа сабли в скандальном процессе против "маленького лейтенанта" Форстнер-Цаберн, по поводу кровавого приговора Эрфуртского военного суда, осуждавшего на долгое заключение каждого рабочего за самые мельчайшие повинности, по поводу многочисленных и ужасающих случаев дурного обращения с солдатами, которые, благодаря предстоящему второму процессу против Розы Люксембург, должны были появиться перед светом гласности из темных карцеров казарм и солдатских камер — если не изменяет память, свидетелями по этому процессу вызывалось до 30.000 потерпевших солдат.

Но конечно! К этому времени быстро прогрессирующая кретинизация и обуржуазивание социал-демократии, а также ее смертельный страх перед массовым движением привели уже к сложению оружия перед милитаризмом и империализмом; лишь с помощью активного и пассивного соучастия социал-демократической фракции рейхстага и всей

социал-демократии в целом могло произойти то, что в 1913 году на политической арене мог пройти с успехом чудовищный обман "юбилейного подарка миролюбивому королю Вильгельму II", что правительство смогло без помехи приготовить империалистическую «предупредительную» войну 1914 года с ее вооружением и колоссальным увеличением войск, на что было потребовано и получено одобрение, и с миллиардным военным займом — первым военным кредитом для планомерного победного шествия немецкого капитала через Балканы в Багдад и др. "места под солнцем". Фракция рейхстага облегчила буржуазной оппозиции утвердительный кивок на военные вооружения. Она дала свое благословение на военные кредиты и увеличение государственного подоходного налога под предлогом обременения одних имущих. Она помчалась за дурачки выряженным чучелом "новоориентирующейся финансовой политики" и предоставила на произвол судьбы борьбу с крепким, закованным в железо империализмом.

Поступки и попустительства фракции в рейхстаге оказались решающими для поведения всей партии, за исключением немногих активных и критически мыслящих кружков. Социал-демократия не сумела отразить массовым действием наглое нападение властолюбивого империализма.

Таким образом, создалась, с одной стороны, уверенность в своей победе и безопасности у милитаристических и империалистических кругов, не боявшихся вмешательства пролетарских масс в осуществление своих планов, с другой стороны, парализующая инертность в рядах самих этих масс, даже разоружение перед лицом угрожающей опасности.

Коротко говоря, социал-демократия допустила образование той атмосферы военщины, которая в 1914 году подавляла все политические и моральные протесты рабочего класса против преступной войны. Не надо забывать, что в то время в социал-демократии царила политика центра, тактику которого

Карл Каутский старательно пытается представить в наши дни пролетариату, как необходимое условие его победы. Не надо забывать, что как раз этот проповедник "чистого марксизма" построил своей совершенно не марксистской теорией о налогах тот ослиный мост, по которому фракция рейхстага пришла к соглашению на военный заем и на повышение государственного подоходного налога. При существовавших условиях партийные верхи, хотя бы перепрыгнув через собственную тень, должны были употреблять все усилия, чтобы использовать для серьезной борьбы против империализма и милитаризма настроение масс, создавшееся вследствие франкфуртского приговора. Позорное банкротство социал- демократии в августе 1914 года наложило свою печать на все события, приведшие в феврале 1915 года в тюрьму Розу Люксембург, а также и на все связанные с ними и последовавшие за ними; однако, этой горячей сторонницей коммунизма все же была начата убежденная и самоотверженная борьба против внутреннего упадка.

После первой отсрочки наказания, Роза Люксембург была поразительно быстро взята под арест. Не было обращено внимание на то, что она несомненно не оправилась еще от последствий тяжелой болезни и что врачи опасались серьезного вреда для ее здоровья от тюремного режима. Почему буржуазному обществу было так необходимо выполнение этого приговора? В то время

привратники тюрем и смиренных домов открыли свои двери перед ворами, обманщиками, растлителями, банкротами, клятвопреступниками и убийцами. Империалистическая бойня в целях сохранения и поддержания капиталистического, эксплуататорского господства в Германии сделала чистыми, как снег тех, которые хотя и погрешили против закона буржуазного общества, но оставались все же, в своих преступлениях, истинными детьми этого общества. Роза Люксембург была его противницей. Трижды противницей, т. к. и после начала войны с ее уст звучал всемирный Интернационал вместо "Германия, Германия, превыше всего", распеваемого социал — демократией. Тюрьма в гораздо меньшей степени была возмездием за прежнее "преступное деяние" и в гораздо большей степени оковами для бойца в настоящем. Ибо Роза Люксембург с первого же дня мобилизации отдалась борьбе против империализма и его чудовищного преступления. Как только стало известно вотирование фракцией рейхстага военных кредитов, Роза Люксембург вместе с немногими друзьями подняла знамя восстания против предательства Интернационала и социализма. Два обстоятельства помешали этому восстанию достигнуть широчайшей известности. Борьба должна была начаться против вотирования социал-демократами военных кредитов и должна была вестись таким образом, чтобы не быть задавленной прижимками и ухищрениями осадного положения и цензуры. Кроме того и прежде всего, она несомненно имела бы значение лишь в том случае, если бы протест был заявлен значительным количеством видных социал-демократических борцов. Мы стремились обставить дело так, чтобы с протестом солидаризировалось возможно больше руководящих

товарищей, которые выступали бы во фракции и в партийных кругах с резкой, уничтожающей критикой политики 4-го августа. Предприятие это стоило большой головоломки, большого количества бумаги, писем, телеграмм и дорогого времени, но результат его оказался далеко не соответствующим затраченным трудам. Из всех горячих на словах критиков социал-демократического большинства лишь Карл Либкнехт с Розой Люксембург и Франц Меринг вместе со мной отважились выступить против подавляющего волю и убеждения идола партийной дисциплины.

Понятно, что дни кажущегося затишья были не чем иным, как временем горячего вооружения для борьбы со смертельным врагом грудь с грудью. Роза Люксембург была вдохновительницей этого вооружения и борьбы. Ее ясное историческое мировоззрение показывало сомневающимся, неуверенным, в хаосе кровавого тумана мировой войны, ясную дорогу достижения социализма. Ее бурная, никогда не ослабевающая энергия подстегивала уставших и унывающих, ее мужественная, самоотверженная смелость заставляла стыдиться пугливых и робких. Смелый дух, горячее сердце, сильная воля «маленькой» Розы Люксембург были могучей двигающей силой небольшого знамени верных, которые во имя международного социализма бросились на борьбу с преступной мировой войной и ее роковыми спутниками — социал-патриотизмом и гражданским миром. Ни болезнь, ни осадное положение, даже ни самое тяжелое — подавляющая отчужденность масс — не могли помешать Розе Люксембург бороться словом и пером с националистическим военным социализмом социал-демократического большинства и с шаткой в своем основании, медлительной оппозицией, которая

начала группироваться вокруг Каутского и фракционного меньшинства, за душу и сочувствие немецкого пролетариата. Целью ее страстного стремления было — привести пролетариат на почве ясного, всеобъемлющего, обоснованного миропонимания к международному социализму, поставить его, как сознательного классового борца, против империализма, довести классовую борьбу пролетариата до той напряженности, которую требовало существующее историческое положение.

Роза Люксембург почти закончила первый номер «Интернационала», когда наступил момент ее ареста. Это было накануне нашей совместной поездки в Голландию, где мы подготовляли намеченную Интернационалом конференцию женщин-социалисток и, вообще, крепче затягивали нити интернационального объединения, стремясь как можно тесней связать наши международные связи. Вместо того, чтобы переехать с Розой голландскую границу, я должна была теперь навестить Розу в тюрьме на Барнимштрассе. Отбывание наказания, подобно разящей молнии, разбило боевые планы ближайшего времени. Но Роза Люксембург не позволила аресту быть минутой отдыха для ее врага. Она не могла бороться. Упрямо, смело ответила она на постигшее ее насилие. Действительно, ее неукротимая воля превратила место жестокого заключения в место духовной свободы. Работы политического характера были ей строго запрещены. Потихоньку с большими трудностями, под строгим наблюдением надзирающего глазка излагала она под видом дозволенных научных и литературных занятий свои глубокие, основные расхождения с социал-демократией, скупно используя на это каждую минуту времени, каждую искру света. Усталость, болезнь исчезали перед силой внутреннего

убеждения. Она переносила самое тяжелое, самое мучительное: бесчисленное количество раз приходилось ей прерывать ход своих мыслей, она не была уверена, что не будет захвачена при работе, и что у нее не будет отнята возможность довести свою работу до конца. Окончанием мучительнейшего душевного напряжения была для нее минута, когда, она смогла, наконец, написать заключительное слово в рукописи и последние ее листы, с изобретательностью Одиссея, переправить через верные руки за пределы тюрьмы. Перед воротами женской тюрьмы веял наполненный дымом разрушения воздух мировой войны, смешанный с запахом разложения безудержно разнуздавшегося инстинкта наживы и ростовщичества — почтеннейшего эксплуататора и защитника буржуазного порядка. Бушевало всеми средствами лжи, насилия, низости, доведенное искусственно до белого каления, "стремление к победе". Месяц за месяцем шла социал-демократия по кровавому пути братоубийства, как послушная последовательница заповедей империалистической буржуазии, подражая ей с грубыми вариантами, разбивая все данные клятвы международной солидарности, попирая ногами социалистические идеалы; она стояла, как серая, затаившая дыхание, бесформенная масса, в затхлости и инертности будней, пробегавших над убийствами и преступлениями империализма, вместо того, чтобы противиться ему твердо и сознательно. В стоячем воздухе этого времени появилась брошюра Юниуса, подобная порыву вихря, предсказывающую освежающую грозу.

И она означала гораздо больше. Она уже была частью освежающей грозы самопонимания, когда немецкая социал-демократия, немецкие рабочие начали

возвращаться к историческим задачам пролетариата, начали преодолевать в международной классовой борьбе империализм и капитализм, осуществляя социализм. Она ускорила процесс пробуждения пролетариев от социал-патриотического угара войны и гражданской идиллии, процесс собирания, на основе классовой борьбы, вокруг знамени международного социализма. Ясно, твердо, как гранит, научно-обоснованно и глубоко она выражала и направляла чувства, мысли и волю, бродившие уже в пролетарских массах сначала робко и в одиночку, затем все яснее, настойчивее охватывая все более широкие круги этих масс.

Брошюра Юниуса направляла сознание, стремление к действию революционного авангарда немецкого пролетариата, и как раз тех влиятельных кругов, которые являются посредниками широких масс, руководящими ими духовно и политически. Она давала как раз то, что было нужно этим кругам, что требуется авангарду: ясный взгляд на переплетающиеся, перепутывающиеся события дня, ясные перспективы будущего, ясный, определенный лозунг.

Каутский превратился из вождя в соблазненного (игра слов: Fuhrende- Verfuhrrende). В своей лавчонке «марксистских» формул он не находил ничего годного для оправдания постыдного предательства партийного большинства. За неимением ничего более подходящего, изобрел он известную теорию двух душ социалистического Интернационала, являющегося "орудием для мира, а не для войны" и основные положения которого поэтому соответственно конкретной обстановке гласят: "пролетарии всех стран, соединяйтесь"! или же "пролетарии всех стран, убивайте друг друга"! "Как животное на скудном пастбище",

бродил он, колеблясь между веселыми логическими карточными домиками и менторскими словопостроениями, пытаюсь оправдаться своим авторитетом в политике 4-го августа. Его поздняя оппозиция была полна противоречий, неправильна в своей основе, слаба. Роза Люксембург в своей брошюре Юниуса вела процесс против этой политики. Последовательно, неумолимо, уничтожающе она доказала, беспрецедентное в истории, банкротство социал-демократии, и ее доказательствами были не формулы, но события, голые факты. Она отнимала почву у всех легенд и ходячих оправданий социал-патриотизма, и обнажая причины и действующие силы империалистической войны, разоблачала ее сущность и ее цели.

Несмотря на большие трудности, возникшие вследствие ее ареста, Роза Люксембург собрала ценный, законченный материал для своих тезисов. Ее исключительное мастерство в применении исторического материализма, как метода исследования, освещает и располагает этот материал, а ее диалектическое понимание истории наполняет его трепещущей жизнью. Лейтмотив брошюры Юниуса заключается в следующем положении последней главы: история возникновения настоящей войны началась не с июля 1914 года, но десятки лет тому назад, в течение которых с необходимостью естественного закона связывались нити за нитями, пока густая сеть империалистической мировой политики не опутала пять частей света, пока не создался могучий исторический комплекс явлений, корни которого коренятся в пучинах экономического существования, верхние же ветви которого простираются в неясно-брезжущий новый мир".

Возникший из капиталистического развития империализм выступает перед нами в своих проявлениях и действиях с грубой беспринципностью и беспощадностью, со своими чудовищными неутолимыми аппетитами, со своими могучими средствами, как вершитель совсем иных чудес, "отличных от египетских пирамид и готических соборов", по выражению коммунистического манифеста. Он придает противоречию, создавшемуся вследствие войны 1870-71 года между Германией и Францией, новое, глубокое содержание, он разрешает старые мировые противоречия политических интересов между европейскими великими державами и создает новые спорные области между ними. Он втягивает Соединенные Штаты и Японию в свой фарватер. Распространяя грязь и кровь, он шагает по земному шару, уничтожая всякую культуру и превращая целые поработанные народы в рабов капитала. В Египте, Ливии, Персии, Китае, на островах и на всех берегах Тихого Океана, на Балканах, полено за поленом, нагромождает международный империализм горючий материал для мирового пожара. Поздно появившийся на свет, но полный предприимчивости немецкий империализм, зажег спровоцированным ультиматумом Сербии 1914 года и превентивной войной горючий материал капиталистической культуры. Неудержимо влекла его жажда миллионов со стороны немецкого финансового капитала, — наиболее сконцентрированного и наилучше организованного финансового капитала всего мира, который мечтал об эксплуатации Турции и Малой Азии, а жажда наживы военной промышленности давала ему преступную свободу, очень слабо обуздываемую

самодержцем Вильгельмом II и преступной слабостью буржуазной оппозиции.

Роза Люксембург сумела проследить в своей брошюре с пластической очевидностью империалистический характер войны и ее цели, так же как в своем большом научном сочинении "Аккумуляция капитала" она основательно и остроумно проследила последние корни империализма в их политических разветвлениях. Срывая с войны ее идеологическую оболочку и представляя ее, как голый факт капиталистического предприятия, как торговлю международного капитала жизнью и смертью, она так же беспощадно срывает кусок за куском идеологические лохмотья социал-демократической политики. В свежей атмосфере научного исследования общих исторических явлений и их взаимоотношений распадаются, подобно истлевшему фитилю, разглагольствованию о "борьбе за культуру царизма", о "защите отечества" и т. д. С очевидностью доказывает Роза Люксембург, что в теперешних империалистических кругах совершенно исчезло понятие о решительной, доблестной, патриотической, оборонительной войне. Социал-демократическая военная политика появляется во всем своем отвратительном безобразии банкротства гибнущей обуржуазившейся социал-патриотической рабочей партии, которая продала гордое революционное право первенства пролетариата гораздо дешевле, чем за предлагавшуюся Каутским чечевичную похлебку — за кайзеровскую фразу: "я не знаю партий, я знаю только немцев", за честь вступления в национальные звонари.

Брошюра Юниуса делает выводы относительно долга и значения социалистической самокритики; эти выводы наиболее замечательны из всего, что создано

этим чистым и сильным социалистическим чувством и мышлением. Глубокое, пылкое убеждение требует высокой, строгой меры для наших поступков, как социалистов; с пророческой силой рисует оно великие светозарные перспективы, открываемые социализмом. Приближающийся великий час мирового переворота должен застать великое поколение пролетариата, закалившегося в смене побед и поражений своей революционной борьбы, в огне беспощадной самокритики для триумфа социализма. Конец брошюры Юниуса составляет единое целое с ее началом. Он рассматривает мировую войну, как приготовление дороги для мировой революции. Победа или поражение в этой громадной борьбе влечет за собой, как для борющихся империалистических групп, так и для пролетариата заинтересованных стран, одно и то же следствие-неизбежный крах капиталистического порядка и суд мировой революции над ним. Роза Люксембург писала это в марте и апреле 1915 года. Задолго до того, как мужественный русский пролетариат под решительным руководством большевиков взял в свои руки колокол социалистической революции, задолго до того, как в Германии и в объединенной Гамбургской монархии появились первые слабые предвестники близкой революционной бури. Все, что мы пережили с тех пор, что пережила отчасти и сама Роза Люксембург, свидетельствует о том, как остро и правильно предвидела она в брошюре Юниуса пути исторического развития.

Может быть, как раз по этому поводу тот или иной читатель спросит с сожалением, или с порицанием, почему же не указала она в перспективе на возможность русской революции, почему она не высказалась о

средствах и методах борьбы пролетариата в начинающиеся революционные периоды. Конечно, уже в 1915 году могучие очертания революции вырисовывались все яснее и определенней из кипящего хаоса мировой борьбы. Однако, ни один признак не указывал еще на то, где и когда она начнет свое победоносное шествие. Русская революция должна была явиться темой для второй брошюры, план которой Роза Люксембург уже бегло набросала. Но преступление немецкого культурного милитаризма отняло у нас эту уже намеченную работу, которая дала бы нам исследование и оценку методов и приемов борьбы русской революции. Конечно, не на манер Каутского в виде твердой схемы, в которую, как в Прокрустово ложе, укладывается ее развитие. Нет! Изложение Розы Люксембург подобно живому творящему потоку исторического развития: "исторический момент вызывает каждый раз соответствующую форму народного движения и сам создает себе новые, изобретает неизвестные до сих пор средства борьбы, определяет и обогащает арсенал народа, не заботясь о всевозможных предписаниях партий". При революции дело "таким образом, не в забавных предписаниях и рецептах технического характера, но в политическом лозунге, в ясности политических задач, интересов пролетариата". В согласии с этим взглядом Роза Люксембург исследовала в свое время уже испытанный метод революционной борьбы рабочего класса: массовую стачку, которую она первая признала в ее историческом значении "классической формой движения пролетариата во времена революционного брожения". Настоящие события придают ее брошюре, впервые указавшей дорогу для правильной оценки этого метода борьбы, новое, еще

большее значение, они дадут ей миллионы читателей и сочувствующих, миллионы готовых к борьбе и действию.

Брошюра Юниуса является исключительно ценным сокровищем наследства, оставленного Розой Люксембург пролетариату Германии и всего мира в вопросе теории и тактики его освободительного движения; сокровища, блеск которого болезненно напоминает о громадной и незаменимой потере, понесенной нами. Все, что сказано о ней здесь, есть лишь сухое название для целого сада цветущих, ярких, благоухающих цветов. Как будто бы Роза Люксембург, в предчувствии своего близкого конца, довела в брошюре Юниуса до высшего напряжения все силы своего гения: образованный, глубокий, пылкий и независимый ум теоретика, бесстрашную, пылкую страстность убежденного и смелого борца революции, внутреннее богатство и блестящую способность к обобщению непрерывно борющегося человека и художественную способность восприятия. Все прекрасные качества, которыми в избытке одарила ее природа, проявились, когда она писала эту брошюру. Писала... действительно ли только писала? Ах, нет, переживала в глубине своей души. Как в уничтожающей критике социал — демократического предательства, так и в воодушевляющей перспективе раскрепощения и натиска пролетарской революции, в отчеканенности слов, в стремительности к своей цели, в охватывающих, железом спаянных построениях мысли, в остроумном сарказме, в яркости изображения, в благородном, чистом пафосе, во всем чувствуется, что все это омыто кровью горячего сердца Розы Люксембург, что это говорит стальная воля Розы Люксембург, что здесь все ее существо. Брошюра Юниуса есть выявление крупной человеческой личности, целиком и без остатка

отдавшейся большому, величайшему делу. В ней приветствует нас после своей смерти Роза Люксембург, идущая впереди мирового пролетариата, только теперь правильно направляющегося по своему пути страданий в обетованное царство социализма.

В ореоле, окружающем ее имя, выступает другая крупная личность. Она должна быть вызвана из потемок, в которых она скрывается вследствие той скромности, которая является признаком истинного достоинства и самопожертвования личностью на службе идеала. Это — Лео Иогихес Тышко. В течение 20-ти лет он был связан с Розой Люксембург необычайной общностью идей и борьбы, скрепленной сильнейшей силой: пылкой, пожирающей страстью к революции двух исключительных душ. Немногие знали Лео Иогихеса и лишь немногие из них могли оценить его по достоинству. Он выступал, обыкновенно, как организатор, претворяющий из теории в практику политические идеи Розы Люксембург, но во всяком случае, как организатор первого ранга, как гениальный организатор. Но этого мало. Обладая широким основательным общим образованием, владея научным социализмом, как немногие, с пронизательным диалектически направленным умом, Лео Иогихес был непогрешимым критиком Розы Люксембург и ее дела; временами он был ее бодрствующей теоретической и практической совестью, он часто был также более дальнзорким и более подвижным, тогда как Роза была более пронизательной и впечатлительной. Он был одним из тех, в настоящее время еще очень редких мужчин, которые могут переносить рядом с собой в верном и счастливом товариществе крупную женскую личность, не считая ее существование и развитие оскорблением и

обузой для своего я. Истинный революционер, в благороднейшем значении этого слова, без противоречия между сознанием и делом. Много своего лучшего внес Лео в дело жизни Розы Люксембург. Его неослабная, несокрушимая энергия и его творческая критика не мало содействовала тому, что брошюра Юниуса была создана так скоро и так мастерски, и его железной воле обязаны мы тем, что она была отпечатана и распространена, несмотря на все исключительные трудности осадного положения. Контрреволюционеры знали, что делали, когда через несколько недель после убийства Розы Люксембург они умертвили также и Лео Йогихеса, якобы при "попытке к побегу" в той же самой Моабитской тюрьме, из которой убийца Розы был увезен среди бела дня в элегантном частном автомобиле.

Брошюра Юниуса была индивидуальным революционным подвигом. Она должна возбудить революционное массовое действие, массовый подвиг. Она полна того динамита духа, который взорвет буржуазный порядок. Вырастающее на его месте социалистическое общество будет единственным памятником, достойным Лео Йогихеса и Розы Люксембург. Революция, ради которой они жили и умерли, уже работает над созданием этого памятника.

Клара Цеткин,

Май 1919 г.

I

Сцена совершенно переменялась. Шестинедельный поход на Париж превратился в мировую драму; массовая бойня превратилась в утомительное повседневное занятие, не имеющее лозунга ни «вперед», ни «назад». Буржуазное государственное искусство поймано в тиски из своего собственного железа. Вызванных однажды духов не могут вставить исчезнуть.

Туман рассеялся. Исчезли патриотические крики на улицах, скачка на позолоченных автомобилях, фальшивые, перегоняющие друг друга телеграммы об отравленных холерными бактериями колодцах, о бросающих на всех улицах Берлина бомбы русских студентах, о летающих над Нюрнбергом французах; исчезли уличные эксцессы публики, разыскивающей шпионов; беснующиеся толпы людей в кондитерских, где в высочайшие цилиндры бьет оглушительная музыка и патриотическое пение; городскому населению надоело представлять собой чернь, готовую доносить, оскорблять женщин, кричать ура и подстегивать самих себя диким криком и бредом; несколько очистилась атмосфера ритуальных убийств, воздух Кишенева, когда городской на углу улицы являлся единственным представителем человеческого достоинства.

Правительство отсутствует. Немецкие ученые, "блуждающие лемуры", давно уже выговорились, поезда рекрутов уже не сопровождаются более громким восторгом бегущих за ними молодых женщин, солдаты уже не приветствуют народ радостной улыбкой из окон своих вагонов; они тихо проходят по улицам, где с

раздраженными лицами снует по своим обычным делам публика.

В сырой атмосфере свинцового дня звучит другой хор: хриплый крик коршунов и гиен с поля битвы: "десять тысяч полотниц для палаток, гарантированных предписанием, могут быть немедленно доставлены". 100.000 кило сала, какао в порошке, кофе-сурогат и чистого кофе! Гранаты, вертящиеся скамейки, патронташи, посредничество по женитьбе с женами убитых, кожаные пояса, посредничество по снабжению войск — первые попавшиеся предложения! Погруженное в августе и сентябре патриотически настроенное пушечное мясо гниет в Бельгии, Вогезах, в Мазурах на полях, удобренных мертвыми костями, на которых мощно расцветает прибыль. Кажется, жатва будет скоро собрана в житницы. Через океан протягиваются тысячи жадных рук, чтобы принять в ней участие.

Торговля тучнеет на развалинах. Города превращаются в кучи мусора, деревни — в кладбища, поля в пустыни, население в нищих, церкви в конюшни; права народов, государственные соглашения, союзы, святые слова, высшие авторитеты разрываются в клочья; каждый властелин "милостью божьей" становится аферистом и предателем, каждый дипломат — величайшим негодяем по отношению к своим коллегам с враждебной стороны, каждое правительство клеймит величайшим презрением другое; муки голода в Венеции, Лиссабоне, Москве, Сингапуре; чума в России, нищета и отчаяние повсюду!

Пристыженное, обесчещенное, по колена в крови, запачканное грязью стоит перед нами буржуазное общество. Оно показывает свое подлинное лицо, не в

скромном и привлекательном виде культурности, философии, этики, мира и государственного права, но в образе хищного животного, — в шабаше анархии, в гибели культуры и человечества.

Посреди этого шабаша ведьм произошла мировая катастрофа, — капитуляция интернациональной социал-демократии. Самое ужасное и нелепое, что только могло произойти для пролетариата — это дать себя обмануть и провести таким образом. "Демократ, — (т. е. революционный мещанин) говорит Маркс, — выходит также непорочно из самого позорного положения, насколько невинно он туда попадает; с приобретенным убеждением, что он должен победить, но не потому, что он и его партия отступят от своей старой точки зрения, но, наоборот, потому что переменяются обстоятельства". Современный пролетариат выходит иначе из исторического испытания. Его ошибки так же гигантски-велики, как и его задачи.

Дорогу, по которой он должен идти, ему не может указать ни раз навсегда предусмотренная схема, ни какой-либо непогрешимый руководитель. Его единственный учитель — исторический опыт, его тернистый путь к освобождению покрыт не только неизмеримыми страданиями, но и бесчисленными ошибками. Цель его пути — его освобождение — зависит от того, сумеет ли пролетариат научиться на своих собственных ошибках. Самокритика — беспощадная, резкая, доходящая до корня вещей, самокритика является живительным светом и воздухом пролетарского движения. Падение социалистического пролетариата и настоящую, мировую войну не имеет себе равного, оно является несчастьем для всего человечества. Но социализм погибнет только тогда, если мировой

пролетариат не захочет понять глубины этого своего падения и ничему из этого не научится.

В настоящее время стоит под вопросом весь последний 45-ти летний период развития современного рабочего движения. То, что мы переживаем теперь, есть критика и подведение итогов под результатами нашей работы в течение почти половины столетия.

Могила Парижской Коммуны завершила собой первую фазу рабочего движения в Европе и первый Интернационал. Началась новая фаза... Вместо революций, восстаний, баррикад, после которых пролетариат каждый раз снова впадал в свое пассивное состояние, завязалась систематическая повседневная война, использование буржуазного парламентаризма, массовых организаций, объединение экономической борьбы с политической и социалистического идеала с упорной защитой ближайших интересов дня. Впервые дело пролетариата и его эмансипации осветилось путеводной звездой строго-научного учения.

Вместо сект, школ, утопий, экспериментов, производившихся в каждой отдельной стране, на свой собственный страх и риск, появилось объединяющее интернациональное теоретическое учение, охватывающее все времена и все страны. Марксистское познание дало всему рабочему классу компас в руки, чтобы правильно держаться у кормила событий дня и чтобы направлять свою повседневную боевую тактику к неизменной конечной цели.

Немецкая социал-демократия была носительницей и хранительницей этого нового метода. Война 1870 года и поражение Парижской Коммуны перенесли центр тяжести рабочего движения в Германию. Как Франция

была классическим государством первой фазы пролетарской классовой борьбы, как Париж был в то время бьющимся окровавленным сердцем европейского рабочего класса, так немецкие рабочие стали авангардом второй фазы. Ценой бесчисленных жертв, непрестанной черной работой они построили свои сильные и прочные организации, создали большую прессу, средства образования и просвещения, объединили вокруг себя могущественные массы избирателей, добились многочисленных представителей в парламенте. Немецкая социал-демократия стала истинной носительницей марксистского социализма. Она занимала с полным правом исключительное место руководительницы и учительницы второго Интернационала. Фридрих Энгельс в 1895 году писал в своем знаменитом предисловии к книге Маркса "Борьба классов во Франции": "Что бы ни произошло в других странах, немецкая социал-демократия занимает исключительное место и поэтому, по крайней мере, в ближайшем будущем, имеет особую задачу. Два миллиона избирателей, которых она посылает к урнам, вместе со стоящими за ними, не являющимися еще избирателями, молодыми мужчинами и женщинами, образуют многочисленную компактную массу, мощное ядро интернациональной пролетарской армии". Немецкая социал-демократия была, как писала Венская Рабочая Газета от 5 августа 1914 года: "драгоценным камнем в организации классово-сознательного пролетариата". По ее следам все энергичнее и энергичнее шла французская, итальянская, бельгийская социал-демократия, развивалось рабочее движение Голландии, скандинавских стран, Швейцарии, Соединенных Штатов. Славянские же страны — Россия и социал-демократия Балкан — смотрели на нее с

безграничным, лишенным почти всякой критики, удивлением. Во втором Интернационале немецкое "мощное ядро" играло руководящую роль. На конгрессах, на заседаниях Интернационала, на социалистическом бюро все прислушивались к мнениям немцев. Да. Германская социал-демократия всегда решительно выступала как раз в вопросе борьбы против войны и империализма. "Нельзя отнять у нас, немцев" то, что нам удавалось определять направление политики Интернационала. Такое отношение к немецкой социал-демократии было преобладающим и среди международного пролетариата. Со слепым доверием он отдался руководству удивительной, мощной немецкой социал-демократии, она была гордостью каждого социалиста и ужасом для господствующих классов всех стран.

И что же мы пережили в Германии, когда наступило великое историческое испытание? Глубочайшее падение, громадную катастрофу. Нигде не были организации пролетариата так всецело отданы на службу империализма, нигде не переносилось так безропотно военное положение, нигде не была так задавлена пресса, так задушено общественное мнение, не была так абсолютно прекращена экономическая и политическая борьба рабочего класса, как в Германии.

Немецкая социал-демократия была не только наиболее сильным отрядом, она была мыслящим мозгом Интернационала. И поэтому, даже в случае падения, в ней должен был начаться процесс самоанализа и самоопределения. Долгом чести было для нее спасение международного социализма, т.-е. беспощадная самокритика. Ни одна другая партия, ни один класс буржуазного общества не осмелился бы показать всему

миру в ясном зеркале критики свои собственные ошибки и собственную свою слабость; ведь это зеркало отражает одновременно стоящие перед ним исторические трудности, и стоящую позади него историческую неизбежность. Но рабочий класс должен всегда бесстрашно смотреть в глаза правде, если даже она является для него горьким самоосуждением; его слабость — только в заблуждении, и строгий закон истории возвращает ему его силы, обеспечивая ему окончательную победу.

Строжайшая критика — не только право на существование, но и высочайший долг рабочего класса. На нашем борту мы несем величайшие сокровища человечества, хранителем которых поставлен пролетариат. И в то время, как буржуазное общество, посрамленное и опозоренное кровавой оргией, идет навстречу своей гибели, международный пролетариат должен, — и он это сделает — снова подняться на ноги и поднять золотые сокровища, которые он в диком потоке мировой войны уронил на дно в минуту замешательства.

Одно несомненно: мировая война является мировым переворотом. Сплошная нелепость — представлять себе дело так, что нам надо лишь переждать войну, как заяц переживает в кустах конца грозы, чтобы снова побежать своей старой рысцой. Мировая война изменила условия нашей борьбы, и нас самих больше всего. Не потому, что законы капиталистического развития, война на жизнь и смерть между капиталом и трудом потерпели какое-нибудь изменение или ослабление. Уже теперь во время войны спадают маски и зияют старые, знакомые черты. Но темп развития получил, благодаря извержению империалистического вулкана, громадный толчок. Острота противоречий внутри общества,

огромность задач, выдвигающихся в непосредственной близости перед пролетариатом — заставляют казаться нежной идиллией все, происходившее до сих пор в истории рабочего движения.

Эта война была предназначена историей для того, чтобы мощно форсировать дело пролетариата. В работе Маркса, открывшего своим пророческим взором так много грядущих исторических событий в "Классовой борьбе во Франции" есть следующее место:

"Во Франции мещанин делает то, что обыкновенно делает индустриальный буржуа (борьба за парламентские права); рабочий делает то, что обыкновенно является задачей мелкого бюргерства (борьба за демократическую республику). А задача рабочего? Кто разрешит ее? Никто. Она не разрешается во Франции, она только провозглашается во Франции. Она не может быть разрешена нигде в национальных рамках. Классовая война во Франции превращается в мировую войну, в которую вмешиваются нации. Разрешение ее задач начнется лишь в тот момент, когда вследствие мировой войны, пролетариат станет во главе того народа, который господствует над мировым рынком, во главе Англии. Революция, которая найдет здесь не свой конец, но свое организующее начало — не скоро-гибнущая революция. Теперешнее поколение подобно евреям, которых Моисей вел через пустыню. Оно не только должно завоевать новый мир, но оно должно погибнуть, чтобы дать место людям, годным для нового мира".

Это было написано в 1850 году, в то время, когда Англия была единственной развитой капиталистической страной, и когда наиболее организованный английский

пролетариат, казалось был призван, благодаря экономическому подъему своей страны к международному руководству рабочим классом. Если подставить на место Англии — Германию, — то слова Маркса будут гениальным предсказанием настоящей мировой войны. Она предназначена для того, чтобы поставить немецкий пролетариат во главе народа и положить "организуемое начало" для всеобщего международного столкновения между трудом и капиталом за власть в государстве.

А разве мы представляли себе как-нибудь иначе роль пролетариата в мировой войне? Вспомним, как мы обычно рисовали себе происходящее сейчас незадолго перед этим:

"Затем наступает катастрофа. Во всей Европе начнется всеобщий поход, в котором 16, 18 миллионов человек, цвет всевозможных наций, вооруженные лучшими орудиями убийства, выступят, как враги, друг против друга. Но, по моему убеждению, за большим походом наступит большая пертурбация. Она возникнет не благодаря нам, но сама по себе. Вы доведете дело до крайности, вы добьетесь катастрофы. Вы пожнете то, что посеяли. Сумерки богов буржуазного мира приближаются. Будьте уверены, они приближаются".

Так говорил наш фракционный оратор Бебель при Мароккских дебатах в рейхстаге.

Официальная листовка партии "Империализм или социализм?", которая несколько лет тому назад распространялась в тысячах экземпляров, заканчивалась следующими словами:

"Таким образом, борьба против империализма все более и более вырастает в решительную борьбу между

трудом и капиталом. Военная опасность, дороговизна и капитализм, с одной стороны; мир, благоденствие для всех, социализм-с другой! Так поставлен вопрос. История идет навстречу большим событиям. Пролетариат должен непрерывно работать над своей мировой задачей — увеличивать силу своих организаций и ясность своего сознания. Удастся ли ему своими усилиями спасти человечество от ужасов мировой войны, или же капиталистический мир не сможет уйти из истории иначе, чем появился, путем насилия и крови: исторический момент найдет рабочий класс готовым, и все должно быть готово".

В официальном "Справочнике для избирателя социал-демократа" во время последних выборов в рейхстаг 1912 года можно прочитать на стр. 42 относительно предполагавшейся мировой войны следующее:

"Посмеют ли наши властители и господствующие классы толкнуть народы в это несчастье? Разве не вырвется крик ужаса, гнева и возмущения у народов и разве не положат они конец этому избиению? Разве они не спросят себя: для кого, для чего это делается? Разве мы безумцы, чтобы поступать таким образом, или позволить, чтобы с нами так поступали? Кто может спокойно подумать о возможности великой европейской войны, тот не может прийти к другим выводам, кроме изложенных выше. Ближайшая европейская война будет игрой ва-банк, какую еще не видал свет, и она будет, несомненно, последней войной".

Таким языком и такими словами добивались наши теперешние делегаты рейхстага своих ста десяти мандатов.

Летом 1911 года, когда прыжок «Пантеры» на Агадир^[1] и шумная травля немецких империалистов усилили опасность европейской войны в ближайшем будущем, международное собрание в Лондоне приняло следующую резолюцию:

"Немецкие, испанские, английские, голландские и французские делегаты рабочих организаций заявляют о своей готовности противодействовать всякому объявлению войны всеми доступными для них средствами. Все упомянутые национальности обязуются выступать, согласно решениям своих национальных и интернациональных конгрессов, против всех преступных поползновений господствующих классов".

Когда в 1912 году происходил международный конгресс в Базеле, и когда по Мюнстеру протянулась длинная процессия рабочих делегатов, все присутствовавшие содрогнулись перед величием надвигающихся событий, и в груди всех возникло общее героическое решение.

Хладнокровный, скептически настроенный Виктор Адлер воскликнул:

"Товарищи, самое важное это то, что здесь мы находимся перед общим источником нашей силы, отсюда мы черпаем силу для того, чтобы каждый из нас сделал в своей стране все, что может, в той форме и теми средствами, которые у нас есть, и со всей имеющейся у нас силой для борьбы с преступной войной. Если это будет сделано, война будет сорвана. И если это может быть сделано, и если это действительно должно быть

---

¹ Агадир — мароккский порт, куда в 1911-м году был демонстративно послан германский крейсер "Пантера".

сделано, то мы должны постараться положить этому конец.

Это настроение воодушевляет весь Интернационал.

Мы можем лишь с ужасом думать о том, что смерть, пожары и эпидемия могут охватить Европу; в нашей груди поднимаются лишь чувства возмущения и отвращения. Мы спрашиваем: "разве сейчас люди, рабочие, все еще овцы, которые молча позволяют вести себя на бойню?"

Трульстра говорил от имени "мелких наций" и также от имени Бельгии:

"Свою кровь и свое имущество отдают пролетарии малых стран в распоряжение Интернационала во всем, что он ни предпримет для устранения войны. Мы выражаем уверенность, что если господствующие классы великих держав призовут детей своего пролетариата к оружию, чтобы утолить жажду господства своих правительств кровью и землей малых народностей, то сыновья пролетариата под могучим влиянием своих пролетарских родителей, классовой борьбы и пролетарской прессы трижды задумаются, прежде чем заставят пострадать в угоду культуроненавистническим замыслам, нас, своих друзей, своих братьев".

И Жорес так закончил свою речь, после которой он должен был прочитать от имени интернационального Бюро манифест против войны:

"Интернационал олицетворяет все честные силы на земле, и когда ударит роковой час, когда мы должны будем пожертвовать собою, это сознание будет нас укреплять и поддерживать. Не для виду, но из глубины

нашего существа мы заявляем, что мы готовы на всякие жертвы".

Это была торжественная клятва. Весь мир направил свои взоры на Мюнстер в Базеле, где громко и торжественно звучал призыв к грядущей великой битве между армией труда и могуществом капитала.

3-го декабря 1912 года социал-демократический фракционный оратор Давид говорил в немецком рейхстаге:

"Я утверждаю, что это были лучшие часы в моей жизни. Когда колокола Мюнстера сопровождали звоном шествие социал-демократов, когда красные знамена выстроились вокруг алтаря церкви и звуки органа приветствовали представителей народов, которые хотели провозгласить мир, я пережил чувство, которого я никогда не забуду... Вам должно быть ясно, что происходит сейчас. Масса перестает быть бессмысленным безвольным стадом. Этого еще не бывало в истории. Раньше массы слепо бросились бы друг на друга, следуя за теми, кто заинтересован в войне и позволили бы вовлечь себя в массовую бойню. Это кончается. Массы перестают быть безвольным орудием и охранителями чьих-либо военных интересов".

Еще за неделю до начала войны 1914 г. немецкая партийная пресса писала:

"Мы не марионетки, мы со всей энергией боремся против системы, превращающей людей в безвольное орудие слепо бушующей стихии капитализма, который намерен превратить жаждущую мира Европу в дымящуюся бойню. И если несчастье будет идти своим путем, если объединенное стремление к миру немецкого и интернационального пролетариата, обнаруживающееся

в крупных выступлениях последних дней, окажется не в состоянии предотвратить мировую войну, то эта война должна быть, по крайней мере, последней, она должна стать сумерками богов капитализма". (Франкфуртский «Фолькштимме» — "Голос народа").

Еще 30-го июля 1914 года восклицал центральный орган социал-демократии:

"Социалистический пролетариат снимает с себя всякую ответственность за события, которые вызовут ослепленные до потери сознания господствующие классы. Он знает, что для него новая жизнь загорится как раз на их развалинах. Вся ответственность падает на властителей сегодняшнего дня.

Для них дело идет о том — быть или не быть! Мировая история — всемирный суд!"

И вот 4-го августа 1914 года произошло неслыханное, беспрецедентное.

Разве могло так быть? Происшествия такого рода, конечно, не игра случая, в основе их должны лежать глубокие и широкие объективные причины. Но эти причины могут лежать также в ошибках руководительницы пролетариата- социал- демократии, в недостатке нашего боевого духа, нашего мужества, верности нашим убеждениям. Научный социализм научил нас понимать объективные законы исторического развития. Люди строят свою историю не по собственному желанию. Но они строят ее сами. Пролетариат в своих поступках зависит от степени зрелости общественного развития, но и общественное развитие не происходит независимо от пролетариата. Пролетариат является его творцом и причиной в такой же степени, как его продуктом и следствием. И если мы не можем

перескочить через общественное развитие, как человек через свою тень, то мы! можем все же ускорить или замедлить его.

Социализм — первое народное движение в мировой истории, которое ставит себе целью и призвано к этому историей, внести в общественный строй людей здравый смысл, последовательную мысль и свободную волю; поэтому Фридрих Энгельс называет окончательную победу социализма прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы. Но этот «прыжок» также связан железными законами истории, тысячей ступенек предыдущего, мучительного и чересчур медленного развития. Он никогда не может быть выполнен, если в горючий материал, созданный развитием и материальными условиями, не будет брошена зажигающая искра осознанной воли народных масс. Победа социализма не явится, как рок с неба; она может быть завоевана лишь в результате продолжительных могучих столкновений между старыми и новыми силами. Столкновений, в которых интернациональный пролетариат под руководством социал-демократии сумеет взять в руки собственную свою судьбу, укрепиться в руководстве общественной жизнью и из безвольного мяча в руках истории превратится в ее зоркого кормчего.

Фридрих Энгельс сказал как-то: буржуазное общество стоит перед дилеммой: или переход к социализму, или возвращение к варварству. Что означает возвращение к «варварству» на высоте нашей европейской цивилизации? Мы, конечно, все читали и, не задумываясь, повторяли эти слова не подозревая их ужасающего значения. Один взгляд вокруг в этот момент показывает нам, что означает возвращение буржуазного

общества к варварству. Эта мировая война и есть возвращение к варварству. Триумф империализма приводит к уничтожению культуры — временному в течение современной войны, и окончательному, если начавшийся период мировых войн будет без помехи доведен до последних ступеней своего развития. Таким образом, мы находимся сейчас, как предсказал Фридрих Энгельс за целое поколение-40 лет тому назад-действительно перед выбором: или триумф империализма и гибель старой культуры, как в старом Риме — вымирание, опустошение, дегенерация, большое кладбище; или же победа социализма, т.-е. сознательная борьба международного пролетариата против империализма и его метода — войны. Это есть дилемма мировой истории — или-или — весы которой, вздрагивая, колеблются перед решением сознательного пролетариата. Будущность культуры и человечества зависит от того, бросит ли пролетариат свой меч с мужественной решимостью на одну из чаш. В этой войне победил империализм. Его окровавленный меч убийцы народов с большим перевесом потянул чашу весов в пропасть горя и позора. Но все горе и весь позор могут быть уравновешены в том случае, если мы из войны и в войне постигнем, каким образом может пролетариат из слуги в руках господствующих классов превратиться в господина своей судьбы.

Дорого оплачивает современный рабочий класс познание своего исторического назначения. Дорога к Голгофе его классового освобождения усеяна ужасающими жертвами. Июньские борцы, жертвы коммуны, мученики русской революции — без конца кружится хоровод кровавых теней. Но они пали на поле чести; они, как писал Маркс о героях коммуны,

"увековечены в великом сердце рабочего класса". Сейчас гибнут миллионы пролетариев всех наречий на поле позора, братоубийства, самоубийства с рабской песней на устах. Мы не избегли даже этого. Мы действительно уподобились евреям, которых Моисей вел через пустыню. Но мы все еще не погибли, и мы победим, если мы не разучились учиться. А если теперешняя руководительница пролетариата социал-демократия не умеет учиться, она должна погибнуть, "чтобы дать место людям, годным для нового мира".

II

"В настоящий момент мы стоим перед железным фактом войны. Нам угрожают ужасы вражеской оккупации. Мы должны сейчас решать вопрос — не за или против войны, но вопрос о средствах, необходимых для защиты страны. В случае победы русского деспотизма, запятнавшего себя кровью лучших людей своего народа, многое, если не все, ставится на карту для нашего народа. Эту опасность надо отразить, обеспечить культуру и независимость нашей собственной страны. Мы были правы, постоянно повторяя: мы не оставим в момент опасности под ударами нашу родину, мы чувствуем себя вместе с тем в согласии с Интернационалом, который всегда признавал за народами право на самостоятельность и самозащиту, и также единодушно с Интернационалом мы осуждаем завоевательную войну. Исходя из этих оснований, мы вотировали требуемые военные кредиты".

Такой декларацией фракция рейхстага дала 4-го августа пароль, который должен был определить поведение немецкого пролетариата во время войны. Отечество в опасности, национальная оборона, народная война за существование — вот лозунги, данные парламентским представительством социал-демократии. Все остальное явилось затем простым следствием: поведение партийной и профессиональной прессы, патриотический рев масс, гражданский мир неожиданный роспуск Интернационала — все было лишь неизбежным следствием направления, данного рейхстагом. Если, действительно, дело идет о существовании нации и свободы, если она может быть защищена только путем

бойни, если война является святой обязанностью народа — тогда все само собой понятно, и тогда все допустимо. Кто признает цель, должен признавать и средства. Война — методическое, организованное чудовищное убийство, но для систематического убийства нормальный человек должен быть несколько одурманен. Это с давних пор излюбленный метод всех ведущих войну. Зверству поступков должно соответствовать зверство помыслов и настроения, так как они должны подготавливать и сопровождать первое. Отсюда *Wahre Jakob* (юмористический орган немецкой социал-демократии) от 28-го августа с картинками немецкого «молотильщика», партийные листки в Хемнице, Гамбурге, Киле, Франкфурте, Кобурге и т. д. В их патриотическом пыле — в стихах и прозе — соответствующий и необходимый ядовитый наркотик для пролетариата, который якобы может спасти свое существование и свободу, лишь разрывая смертоносным железом грудь русских, французских и английских братьев. Эти шовинистические листки во всяком случае последовательнее тех, которые пытались сочетать разрушающую горы и долины войну с человечностью, убийство с братской любовью, смирение с методами войны.

Но если лозунг, данный фракцией рейхстага 4-го августа, правилен, тогда этим вынесено осуждение рабочему Интернационалу не только в вопросе об этой войне, но и вообще. Впервые с самого начала Существования современного рабочего движения открылась пропасть между заповедями интернациональной солидарности и интересами свободы и национального существования народов; впервые мы стоим перед открытием, что свобода и независимость народов властно требуют, чтобы пролетарии различных

наций убивали и уничтожали друг друга. До сих пор мы жили в убеждении, что интересы наций и классовые интересы пролетариев гармонически соединяются, что они тождественны, что их невозможно привести в противоречие друг с другом. Это было основой нашей теории и практики, душой нашей агитации в народных массах. Неужели мы впали в этом кардинальном пункте нашего мировоззрения в громадную ошибку? Мы стоим перед вопросом существования международного социализма.

Мировая война не первое испытание наших международных принципов. Первое испытание постигло нашу партию 45 лет тому назад. Тогда 21 июля 1870 г.

Вильгельм Либкнехт и Август Бебель сделали в Северо-немецком рейхстаге следующие историческое заявление:

"Современная война-война династическая, предпринимаемая в интересах династии Бонапарта, так же, как война 1866 г., велась в интересах династии Гогенцоллернов. Требуемые для ведения войны денежные средства мы не можем вотировать, так как это было бы вотумом доверия прусскому правительству, которое, благодаря своему поведению в 1866 году, подготовило эту войну.

Одновременно мы не можем и отказать в требуемых денежных средствах, так как это могло бы быть истолковано, как согласие с позорной и преступной политикой Бонапарта.

Как принципиальные противники всякой династической войны, как социалисты-республиканцы и члены международного общества рабочих, которое без различия национальности борется со всеми

эксплуататорами и стремится объединить в большой братский союз всех угнетенных, мы не можем ни прямо, ни косвенно высказываться за настоящую войну, и потому мы воздерживаемся от голосования, высказывая одновременно уверенность, что народы Европы, наученные настоящими несчастными обстоятельствами, употребят все усилия, чтобы завоевать себе право на самоопределение и устранить существующее господство классов и сабель, как причину всех государственных и общественных несчастий".

Этим заявлением представители немецкого пролетариата поставили его дело ясно и недвусмысленно под знак Интернационала, и отказались признать за войной против Франции характер национальной освободительной войны. Известно, что в воспоминаниях о своей жизни Бебель говорит, что он голосовал бы против военных кредитов, если бы он при голосовании знал то, что стало известно в ближайшие годы.

Таким образом, в той войне, которую вся буржуазная общественность и громадное большинство народа считало тогда, под влиянием работы Бисмарка, "обусловленной жизненными национальными интересами Германии", вожди социал-демократии заняли следующую позицию: жизненные интересы нации и классовые интересы пролетариата тождественны и направлены против войны. Только теперешняя мировая война, только заявление социал-демократической фракции от 4-го августа 1914 года впервые открыли ужасную дилемму: здесь свобода — там международный социализм.

Однако, основной факт заявления нашей парламентской фракции, основное изменение направления пролетарской политики было, во всяком

случае, внезапным откровением. Оно было просто эхом, отголоском на тронную речь и речь канцлера от 4-го августа. "Нас влечет не стремление к завоеваниям,"-говорилось в тронной речи — "нас одушевляет непреклонная воля сохранить для себя и для будущих поколений данное нам богом место. Из предоставленных вам печатных материалов, вы увидите, как мое правительство, и прежде всего мой канцлер, старались избежать крайности до самой последней минуты. Вынужденные к самозащите с чистой совестью и чистым сердцем мы беремся за меч". А Бетман-Гольвег объявил: "Милостивые государи, мы теперь ведем личную оборону. А в нужде не бывает выбора. Кто находится в такой опасности и борется за свое святое-святых, тот должен думать лишь о том, как бы продержаться. Мы боремся за плоды нашей мирной работы, за наследие великого прошлого и за наше будущее". Таково как раз и содержание социал-демократической декларации: 1) мы все сделали для сохранения мира, война навязана нам другими, 2) так как война уже началась — то мы должны защищаться, 3) в этой войне для немецкого народа все поставлено на карту. Декларация нашей парламентской фракции есть только несколько иная стилизация правительственной декларации. Как первая ссылается на дипломатические старания Бетман-Гольвега и телеграмму кайзера, так фракция ссылается на мирные демонстрации социал-демократии перед началом войны. Как тронная речь далеко отстраняет от себя стремления к завоеваниям, так фракция отклоняет завоевательную войну, ссылаясь на социализм. И когда кайзер и канцлер восклицают: "Мы боремся за наше святое-святых! Я не знаю никаких партий, я знаю только немцев", — эхо

социал-демократической декларации отвечает: "Для нашего народа все поставлено на карту. В минуту опасности мы не оставим под ударами наше отечество". Социал-демократическая декларация отличается от своего правительственного образца лишь в одном пункте: главной причиной своего отношения к русскому деспотизму она выставляет опасность для свободы Германии. В тронной речи по отношению к России выражается сожаление: "С тяжелым сердцем я должен был мобилизовать свою армию против соседа, с которым она так часто билась вместе на одном поле сражения. С глубоким прискорбием вижу я разбитой дружбу, так верно хранимую Германией". Социал-демократическая фракция перефразирует мучительный разрыв верно хранимой дружбы с русским царизмом в фанфаронаду освобождения от деспотизма; и в том единственном пункте, где она проявляет самостоятельность по отношению к правительственной декларации, она использует революционные преимущества социализма, чтобы облагородить, демократизировать войну, придать ей национальное величие.

Все это социал-демократия, как уже сказано, обнаружила весьма неожиданно 4-го августа. Все, что она говорила до сего дня и до начала войны, является полным противоречием фракционной декларации. Так «Форвертс» писал 25-го июля в день, когда был опубликован австрийский ультиматум Сербии, из-за которого и загорелась война:

"Безответственные круги, имеющие влияние во дворце и берущие там перевес, хотят войны. Они хотят войны — это слышится в течение недель в диком крике черно-желтой продажной прессы. Они хотят войны —

австрийский ультиматум Сербии делает это ясным и открытым для всего мира...

Из-за того, что под выстрелами безумного фанатика пролилась кровь Франца Фердинанда и его супруги, должна пролиться кровь тысяч рабочих и крестьян, должно совершиться чудовищное преступление... Австрийский ультиматум Сербии — это фитиль, при помощи которого будет зажжена Европа со всех четырех концов.

Этот ультиматум как по форме, так и по своим требованиям до такой степени возмутителен, что если Сербское правительство малодушно уступит этой ноте, оно должно будет считаться с возможностью быть низвергнутым народными массами между обедом и десертом...

Преступлением шовинистической прессы Германии является то, что она старательно подстрекала свою верную союзницу в ее воинственных стремлениях, и уже без сомнения, г. Бетман-Гольвег обещал г. Бертольдту прикрытие тыла. Но в Берлине играют такую же опасную игру, как и в Вене..."

Лейпцигский «Фольксцейтунг» (Народная газета) писала 24-го июля:

"Австрийская военная партия... ставит все на карту, так как военному и национальному шовинизму нечего терять ни в одной стране света. В Австрии шовинистические круги обанкротились более, чем где бы то ни было... Их националистические завоевания должны восстановить их хозяйственное разорение, а грабеж и убийства войны — должны пополнить их кассы".

Дрезденский «Фольксцейтунг» (Народная газета) высказывался в тот же день:

"Воинствующие круги на венском ристалище виновны за те окончательные поводы, которые дали возможность Австрии предъявить требования Сербии.

Пока австрийское правительство не имело этой возможности, оно было не право перед всей Европой в своих провокаторских, оскорбительных нападках на Сербию, и только тогда, когда была доказана сербская вина, когда перед глазами сербского правительства было подготовлено сараевское злодеяние, выставленные нотой требования далеко перешли всякие нормальные границы. Только разнузданные военные аппетиты могут заставить одно правительство предъявлять такие требования к другому". "Мюнхенская почта" полагает 25-го июля:

"Эта австрийская нота является актом, подобного которому не было во всей истории последних 2-х столетий. Она кладет в основание своего иска, содержание которого неизвестно до сих пор европейскому общественному мнению, и не подтверждено до сих пор открытым судом над убийцами наследной четы, такие требования по отношению к Сербии, принятие которых было бы самоубийством для этого государства..."

Шлезвиг-Гольштинский Фольксцейтунг заявлял 24-го июля:

"Австрия провоцирует Сербию, Австро-Венгрия хочет войны, готовится преступление, которое может залить кровью всю Европу.

Австрия играет ва-банк, она осмеливается на провокацию против Сербского государства, которую

последнее, если только оно не совсем безоружно, вряд ли потерпит...

Каждый культурный человек должен самым решительным образом протестовать против этого преступного поведения австрийских властелинов. Долг пролетариата прежде всего и всех людей, стремящихся хоть сколько-нибудь к культуре и миру — приложить все силы к тому, чтобы помешать последствиям разразившегося в Вене кровавого безумия".

Магдебургский «Фольксштимме» (Голос Народа) говорил 25-го июня:

"Любое сербское правительство, которое хоть в самой слабой степени вздумало бы удовлетворить эти требования, было бы тотчас же свергнуто как парламентом, так и народом. Поведение Австрии тем более возмутительно, что Бертхольд выступает перед Сербией, а следовательно, и перед Европой, с совершенно голословными утверждениями.

Итак, сейчас может вспыхнуть ни более ни менее, как мировая война. Не может быть иначе, когда хотят нарушить покой целой части света. Но этим путем нельзя ни достигнуть каких-либо моральных побед ни убедить в своем праве несогласных с ним. Необходимо, чтобы пресса, а затем и правительства Европы энергично и недвусмысленно призвали к порядку тщеславных, зарвавшихся венских государственных мужей".

Франкфуртский «Фольксштимме» (Голос Народа) писал 24-го июля:

"Опираясь на подстрекательство клерикальной прессы, оплакивающей во Франце Фердинанде лучшего своего друга и готовой отомстить за его смерть

сербскому народу, опираясь на часть государственных германских разжигателей войны, язык которых со дня на день становится все более и более угрожающим и общепринятым, австрийское правительство позволило увлечь себя до такой степени, что предъявило Сербии ультиматум, который не только по своему языку превышает все границы дерзости, но и содержит в себе требования, выполнение которых для сербского правительства в худшем случае невозможно".

Эльберфельдская "Свободная Пресса" писала в тот же день:

"Телеграмма официального агентства Вольфа передает австрийские требования к Сербии. Из них явствует, что венские властители изо всех сил рвутся к войне, так как то, что требуется в представленной Белграду ноте, является уже своего рода протекторатом Австрии над Сербией. Крайне необходимо, чтобы берлинская дипломатия дала понять венским подстрекателям, что Германия не шевельнет пальцем для поддержки этих чрезмерных требований, что, таким образом, придется сократить австрийские аппетиты".

И "Бергише Арбейтерштимме" в Золингене:

"Австрия хочет конфликта с Сербией и использует злодеяние в Сараеве, как предлог для того, чтобы обвинить морально Сербию, но это делается слишком грубо, чтобы можно было обмануть общественное мнение Европы...

Если венские подстрекатели думают, что при конфликте, в который может быть втянута Россия на помощь может прийти тройственный Союз с Италией и Германией — то это лишь пустые иллюзии. Италии было бы очень выгодно ослабление конкурента на Адриатике и

на Балканах, и она наверное и пальцем не шевельнет для поддержки Австрии. В Германии же правители, как бы ни были они глупы, — не отважатся поставить в игру, ради преступной самодержавной политики Габсбургов, жизнь, хотя бы одного солдата, если они не хотят вызвать против себя народного гнева".

Так относилась к войне вся, без исключения, наша партийная пресса за одну неделю до ее начала. Дело шло не о существовании и свободе Германии, но о преступной аванюре австрийской военной партии; не о самозащите, не о национальной обороне и навязанной святой войне во имя собственной свободы, но об открытой провокации, о явной угрозе чужой, сербской, самостоятельности и свободе.

Что же произошло 4-го августа? Что смогло перевернуть вверх ногами это резко выраженное и повсюду распространенное воззрение социал-демократии? Ко всему прежнему прибавился лишь один факт: представленная и этот день германским правительством рейхстагу "белая книга", где на 4-ой странице стояло:

"При таких обстоятельствах Австрия должна была придти к заключению, что ни с чувством достоинства, ни с чувством самосохранения монархии несовместимо терпеть долее в бездействии выходки по ту сторону границы. Императорское и королевское правительство известило нас о своих воззрениях и запросило нашего мнения. От чистого сердца мы дали уверения нашему союзнику в своем единомыслии с этой оценкой положения и заверили, что всякое действие, которое он сочтет необходимым предпринять для того, чтобы положить конец направленному против существования

монархии движению в Сербии, найдет наше сочувствие. При этом мы были хорошо осведомлены, что решительное военное наступление Австрии против Сербии выдвинет на сцену Россию и, благодаря этому, вследствие нашего союзного договора, может и нас вовлечь в войну. Однако, будучи осведомлены о жизненных интересах Австро-Венгрии, поставленных на карту, мы не могли ни посоветовать нашему союзнику несовместимой с его достоинством уступчивости, ни отказать ему в нашей поддержке в этот тяжелый момент. Мы тем менее могли это сделать, что и нашим интересам, вследствие постоянной подкапывающейся деятельности Сербии угрожала несомненная опасность. Если бы Сербии при помощи России и Франции и в дальнейшем удавалось нарушать спокойствие соседней монархии, то это вызвало бы окончательное распадение австрийской монархии и подчинение объединенных славянских областей русской державе, благодаря чему стало бы невозможным сохранить положение немецкой расы в Средней Европе. Морально ослабленная, разложившаяся Австрия не сможет уже более быть для нас союзницей, на которую мы могли бы рассчитывать и на которую мы могли положиться, как это необходимо для нас в виду все более и более угрожающего поведения наших западных и восточных соседей. Поэтому мы предоставили Австрии полную свободу в ее отношениях к Сербии. В приготовлениях к этому мы не принимали никакого участия".

Эти слова лежали перед социал-демократической фракцией 4-го августа; слова, представляющие собой единственно важное и решающее место всей "Белой книги"; лаконическое заявление немецкого правительства, перед которым все остальные желтые,

серые, голубые и оранжевые книги совершенно не важны и не нужны для объяснения дипломатической подготовки войны. В руках фракции рейхстага был ключ к оценке положения. Вся социал-демократическая печать за неделю перед этим кричала, что австрийский ультиматум — это преступная провокация мировой войны и надеялась на умиротворяющее, сдерживающее влияние немецкого правительства на венские воинствующие круги. Вся немецкая социал-демократия и вся немецкая общественность были убеждены, что немецкое правительство со времени австрийского ультиматума в поте лица своего трудилось над сохранением европейского мира. Вся социал-демократическая пресса считала, что этот ультиматум явился для немецкого правительства, как и для немецкого общества, молнией с голубого неба. Белая книга заявляла коротко и ясно: 1) что австрийское правительство на свое выступление против Сербии имело согласие Германии, 2) что немецкое правительство было в совершенстве осведомлено о том, что выступление Австрии приведет к войне с Сербией и в дальнейшем к европейской войне, 3) что немецкое правительство не только не склоняло Австрию к уступчивости, но, наоборот, заявило, что уступчивая, ослабленная Австрия не может более быть достойным Германии союзником, 4) что немецкое правительство заверило Австрию, перед ее выступлением против Сербии, в своей готовности оказать при всех обстоятельствах поддержку в войне и, наконец, 5) что немецкое правительство не удержало за собой даже контроля над решительным ультиматумом Австрии Сербии, от которого зависела мировая война, но предоставило Австрии "полную свободу действий".

Все это узнала наша фракция рейхстага 4-го августа. И еще один новый факт узнала она из уст правительства в тот же день, что немецкие войска уже вступили в Бельгию. Из всего этого социал-демократическая фракция заключила, что вопрос стоит об оборонительной войне Германии против чужеземного нашествия, о существовании родины, о культуре и освободительной войне против русского деспотизма.

Могла ли немецкая закулисная сторона войны и прикрывающие ее кулисы, могла ли вся дипломатическая игра, сопровождавшая объявление войны, крики о бесчисленных врагах, которые все покушаются на жизнь Германии, стремятся ее ослабить, унижить, подчинить, могло ли все это быть неожиданностью для немецкой социал-демократии, могло ли это предъявить слишком высокие требования к ее методу мышления и критической проницательности? Меньше всего это могло быть как раз с нашей партией. Она пережила уже две больших войны и из них почерпнула памятный урок.

Всякий, изучивший историю, знает теперь, что первая война в 1866 года против Австрии планомерно и задолго подготовлялась Бисмарком; что его политика с самого начала вела к разрыву, к войне с Австрией. Кронпринц, впоследствии король Фридрих, сам записал в свой дневник от 14-го ноября того года это намерение канцлера.

"Он (Бисмарк) имел твердое намерение, с момента занятия, своей должности, довести Германию до войны с Австрией, но опасался говорить тогда или, вообще, слишком рано об этом с его величеством, пока не сочтет момент подходящим".

"С этим признанием", — говорит Ауер в своей брошюре "Празднование Седана и социал-демократии", "сравните воззвание короля Вильгельма к своему народу: Отечество в опасности! Австрия и большая часть Германии выступила с оружием против нас. Прошло немного лет с тех пор, как я, по свободному решению и не думая ни о каком несправедливом деле, протянул императору Австрии руку союзника, в момент, когда стоял вопрос об освобождении немецкой страны от чужого господства. Но мои надежды были обмануты. Австрия не может забыть, что ее императоры когда то владели Германией. В молодой, но могучей развившейся Пруссии она естественно видит не союзника, но опасного для себя соперника. Пруссии — думает она — надо противодействовать во всех ее стремлениях, так как то, что выгодно Пруссии — вредно для Австрии. Старая бесчестная зависть зажглась снова ярким пламенем: Пруссия должна быть ослаблена, уничтожена, обещана. По отношению к ней недействительны более никакие соглашения, немецкие союзные князья не только восстанавливаются против Пруссии, но и побуждаются к разрыву союза. Куда бы мы ни обратились, по всей Германии, мы видим себя окруженными врагами, победный клич которых: "Унижение Пруссии"!

Чтобы призвать божье благословение на эту войну, король Вильгельм повелел организовать 18-го июня всеобщее молебствие и покаяние по всей стране, при чем он сказал: "богу не было угодно, чтобы мои старания сохранить для моего народа блага мира увенчались успехом".

Не был ли для нашей фракции, если только она не совсем забыла историю своей собственной партии, весь

официальный аккомпанемент, сопровождавший объявление войны 4-го августа ожившим воспоминанием давно известных слов и мелодий?

И не только это. В 1870 году последовала война с Францией. С ее началом в истории неразрывно связан один документ — Эмская депеша, документ, который представляет собой классический пример для всего буржуазного искусства создания войны, и который вместе с тем является достойным внимания эпизодом в истории нашей партии. Это был старый Либкнехт, это была немецкая социал-демократия, которая сочла своей задачей и обязанностью открыть и показать народным массам: "как делается война".

"Делание войны" исключительно и всецело для защиты угрожаемого отечества, вообще, не было изобретением Бисмарка. Он следовал лишь со свойственной ему педантичностью старому, всеобщему, действительно международному рецепту буржуазного государственного искусства. Где и когда происходила хоть одна война, с тех пор, как так называемое общественное мнение играет некоторую роль в соображениях правительств, чтобы военная партия не была бы вынуждена вынуть меч из ножен против своего соперника с тяжелым сердцем и всецело и исключительно для защиты отечества? Легенда также необходима для ведения войны, как свинец и порох. Игра стара. Ново лишь то, что в этой игре принимает участие социал-демократическая партия.

III

Еще более глубокие причины, еще более глубокая проницательность приготовили нашу партию к тому, чтобы понять истинную сущность, истинные цели этой войны и ни в коем случае не дать захватить себя врасплох. Обстоятельства и действующие силы, приведшие к 4-му августу 1914 года, не представляли ни для кого тайны. Мировая война шаг за шагом непрерывно подготавливалась в течение десятилетий с полной откровенностью при ярком свете дня. И если в настоящее время многие социалисты мрачно требуют уничтожения "тайной дипломатии", состряпавшей за кулисами эту чертовщину, то они приписывают ей совершенно незаслуженно тайную силу, уподобляясь язычнику, наказывающему своего идола за наступление грозы. Так называемые вершители судеб различных государств теперь, как и прежде, являются лишь шахматными фигурами, которыми двигают могучие исторические события и побуждения. И если кто-нибудь старался и был способен в течение всего этого времени ясно уразуметь эти события и побуждения-то это была немецкая социал-демократия.

Две линии в развитии новейшей истории привели прямиком к теперешней войне. Одна ведет от периода конституирования, так называемых, национальных государств, т. е. современных капиталистических государств, от Бисмарковской войны против Франции. Война 1870 года, бросившая, благодаря аннексии Эльзас-Лотарингии, французскую республику в объятия России, разделившая Европу на два враждебные лагеря и открывшая эру безумного состязания военных

вооружений, приготовила первый горючий материал для теперешнего пожара. Когда войска Бисмарка стояли еще во Франции, Маркс писал Брауншвейгскому комитету.

"Тот, кто не совсем одурачен поднявшимся в настоящее время криком или же не заинтересован в том, чтобы одурачивать немецкий народ, должен видеть, что война 1870 года также неизбежно подготавливает в будущем войну между Россией и Германией, как война 1866 года — войну 1870 г. Я говорю неизбежно, необходимо, за исключением непредвиденного случая преждевременной вспышки революции в России. Если этот невероятный случай не наступит, то война между Россией и Германией должна уже теперь рассматриваться, как совершившийся факт (*un fait accompli*). От настоящего поведения немецких победителей исключительно зависит, будет ли нужна или не нужна эта война. Если они возьмут Эльзас и Лотарингию, то Франция и Россия будут воевать с Германией. Излишне перечислять многочисленные бедственные последствия этой войны".

Это пророчество было тогда осмеяно; союз России с Германией считали настолько крепким, что казалось безумием даже подумать о том, что самодержавная Россия может заключить союз с республиканской Францией. Защитники этого воззрения считались истинными безумцами. И все-таки все предсказанное Марксом сбылось до последней буквы. "Именно это", говорит Ауэр в своем "праздновании Седана"-и есть социал-демократическая политика, которая ясно видит то, что есть, и этим отличается от обычной политики, которая слепо бросается на брюхо перед каждым успехом".

Но, конечно, это не должно пониматься таким образом, что возмездие, которое с 1870 года должно было постигнуть Бисмарковский грабеж, неотвратимо влекло Францию к столкновению с немецким государством, что теперешняя война является «реваншем» за Эльзас-Лотарингию. Эта националистическая легенда удобна для воинствующих кругов, рассказывающих о мрачной, жаждущей мести Франции, которая, якобы, не может забыть "своего поражения", как Бисмарковские охранители Пруссии говорили о низверженной принцессе Австрии, которая "не могла забыть" своего прежнего превосходства над "прекрасной замарашкой Пруссией". В действительности месть за Эльзас-Лотарингию была лишь театральной бутафорией нескольких патриотических шутов, старым гербом которых был "Lio Belfort".

В политике Франции аннексия была уже давно изжита ее место было занято новыми заботами, и ни правительство, ни какая хотя сколько-нибудь серьезная партия не думали о войне с Германией за имперскую землю. Если проделка Бисмарка была первым поводом для мирового пожара, то скорее всего в том смысле, что она, с одной стороны, толкала как Германию, так и Францию и вместе с ними всю Европу на путь состязания в вооружениях, с другой же стороны, подготавливала, как свое неизбежное следствие, союз Франции с Россией и Германии с Австрией. Этим было дано громадное подкрепление русскому царизму, как движущей силе мировой политики — тотчас же за этим началось систематическое соперничество Пруско-Германии и республиканской Франции за благосклонность России — здесь было заложено политическое объединение немецкого государства с Австро-Германией, завершением

которого, как это видно из слов "Белой книги", и является настоящая война.

Таким образом, война 1870 года имела своим следствием как внешнюю политическую группировку Европы на пепле немецко-австрийского соперничества, так начало формального господства милитаризма в жизни европейских народов. А это господство и эта группировка наполнили затем историческое развитие совсем новым содержанием. Другая линия, приводящая к теперешней мировой войне и блестяще доказывающая пророчество Маркса, ведет от событий международного характера, до которых Маркс уже не дожил: от империалистического развития за последние 25 лет.

Расцвет капитализма, имевший место в новокапиталистической Европе после периода войн шестидесятых и семидесятых годов, и достигший после преодоления долгой депрессии, вызванной грюндерской лихорадкой и крахом 1873 г., высшей точки своего развития в момент наиболее благоприятной конъюнктуры девяностых годов, — открыл, как известно, новый период бури и натиска в жизни Европейских государств: борьбу за некапиталистические страны и зоны мира. Уже с 80-х годов заметно новое, исключительно энергичное стремление в колонии. Англия заботится о Египте и создает себе в Южной Африке могущественное колониальное государство; Франция занимает Тунис в Северной Африке и Тонкий в Восточной Азии; Италия занимает Абиссинию; Россия доводит до конца свои завоевания в Средней Азии и рвется в Манчжурию; Германия приобретает в Африке и на Южном море первые колонии, наконец, в хоровод вступают Соединенные Штаты и приобретают вместе с Филиппинами прочные связи и интересы в Восточной

Азии. Этот период лихорадочного расхватывания Азии и Африки, который, начиная с китайско-японской войны в 1895 г., вызвал почти непрерывную цепь кровавых войн, завершился большим китайским походом и русско-японской войной 1904 г.

Эти один за другим следующие события создали новые, внеевропейские противоречия со всех сторон: между Италией и Францией в Северной Африке, между Францией и Англией в Египте, между Англией и Россией в Центральной Азии, между Россией и Японией в Китае, между Соединенными Штатами и Японией в Тихом океане, — постоянно колышущееся море, приливы и отливы острых противоречий и кратковременных союзов, напряжений и ослаблений, когда каждые два года грозила разразиться частичная война между европейскими державами, но каждый раз все же опасность устранилась. Для каждого было тогда ясно: 1) что, тайно в тиши ведущаяся капиталистическими государствами за спиной азиатских и африканских народов, война всех против всех рано или поздно приведет к общему столкновению, что дующий из Азии и Африки ветер ударит когда-нибудь на Европу ужасающей бурей тем более, что неизменным осадком африканских и азиатских захватов было возрастающие вооружения в Европе; 2) что европейская мировая война разразится тогда, когда частичные и меняющиеся противоречия между европейскими государствами найдут свою центральную точку, преобладающее единое противоречие, на котором они смогут сгруппироваться. Такое положение создалось с выступлением немецкого империализма.

В Германии появление империализма, происшедшее в очень короткий период, можно наблюдать в его чистом

виде. Беспрецедентное с самого существования государства развитие крупной промышленности и торговли вызвало здесь в 80-х годах две характерные отличительные формы аккумуляции капитала: беспрецедентное во всей Европе развитие картелей, образование и концентрацию банковских организаций. Последние организовали в государстве тяжелую индустрию, т. е. непосредственно заинтересованную в снабжении государства военным вооружением, и в империалистических предприятиях (железные дороги, эксплуатация залежей и т. д.) ветвь капитала, являющуюся влиятельнейшим фактором в государстве. Это объединило финансовый капитал в самостоятельную силу, с большой, всегда напряженной энергией, которая, властно распоряжаясь индустрией, торговлей и кредитом страны, одинаково влиятельная как в частном, так и государственном хозяйстве, бесстрашно и порывисто расширяющаяся, вечно алчущая прибыли и применения, безличная и потому неуловимая, отважная и беспощадная, международная по своему происхождению, все свои способности направила на мировой театр, как на арену, предназначенную для ее действия.

Если к этому прибавить энергичный порывистый в своей политической инициативе личный состав представителей финансового капитала, слабый, неспособный ни к какой оппозиции, парламентаризм, присовокупить все слои буржуазии, объединенные ненавистью к рабочему классу, окопавшиеся за спиной правительства, то можно представить себе, что этот молодой, полный сил, не имеющий на своем пути никаких препятствий, империализм, выступивший на мировой арене с чудовищным аппетитом, когда весь мир

был почти уже разделен, очень быстро сделался причиной всевозможных осложнений.

Это тотчас же сказалось в радикальном изменении военной политики империи в конце девяностых годов двумя колоссальными закладками флотов в 1898 и 1899 годах, которые означали внезапное и беспримерное удвоение военного флота, рассчитанный почти на двадцать лет план постройки морских сооружений. Это было не только полное изменение финансовой и торговой политики империи — таможенный тариф 1902 года был только тенью, следовавшей за закладкой обоих флотов — но, в дальнейшем своем логическом развитии, изменение и социальной политики, и всех внутренних классовых и партийных взаимоотношений. Закладка флотов означала прежде всего демонстративную перемену курса внешней политики империи, существовавшей с основания империи. В то время, как политика Бисмарка покоилась на положении, что Империя есть и должна остаться сухопутной страной, немецкий же флот представлялся, самое большое, средством для защиты берегов, — государственный секретарь Гольманн уже в 1897 г. объявил в бюджетной комиссии рейхстага: "для береговой защиты нам не надо флота; берега защищают себя сами" — теперь была выставлена совсем новая программа: Германия должна стать первой страной как на суше, так и на море. Этим, как на цель вооружения, было указано на поворот от континентальной политики Бисмарка к мировой политике, от защиты к нападению. Язык фактов был так ясен, что в Германском рейхстаге появился необходимый комментатор. Тогдашний лидер центра — Либер, — уже 11 марта 1896 г., после известной речи кайзера в день 25-тилетнего юбилея Германской империи, развившего

новую программу, являвшуюся предвестницей увеличения флота- говорил о "безбрежных морских планах", против которых следует бороться самым решительным образом. Другой лидер центра — Шедлер-воскликнул в рейхстаге 23 марта 1898 г.: "Народ придерживается того взгляда, что мы не можем быть первой державой на суше и на море. Насколько мне это известно, мы этого совсем и не хотим. Да, милостивые государи, вы находитесь все же перед началом этого, и началом очень солидным". А когда пришло время дальнейших вооружений, тот же Шедлер говорил в рейхстаге 8-го февраля 1900 г., указывая на все предшествующие заявления, что не предполагается якобы никакого нового увеличения флота: "И сегодня эта новость, которая означает не более, не менее, как создание мирового флота для поддержки мировой политики путем удвоения нашего флота на протяжении почти двух десятилетий". Само правительство вообще открыто высказывалось за политическую программу нового курса. 11-го декабря 1899 года Ф. Бюлов, тогдашний государственный секретарь министерства иностранных дел, сказал при утверждении второго увеличения флота: "Если англичане говорят о

Greater Britain (о великой Британии), если французы говорят о nouvelle France (о новой Франции), русские включают в свои границы Азию, то и мы имеем права на "великую Германию"... Если мы не создадим себе флота, который будет в состоянии защищать нашу торговлю и наших подданных за границей, наши миссии и безопасность берегов, то мы нарушим жизненные интересы страны... в ближайшем столетии немецкий народ будет или молотом или наковальней". Если отбросить цветы красноречия о защите берегов, миссии,

и торговли, то останется истинная программа: увеличение Германии, политика молота по отношению к другим народам.

Против кого направлялась в первую голову эта провокация — было совершенно понятно. Новая агрессивная и морская политика должна была сделать Германию конкурентом первой морской державы — Англии. Так она и была понята в Англии. Реформа флота и сопровождавшие ее программные речи вызвали в Англии большое беспокойство, которое с тех пор не затихало. В марте 1910 года снова говорил при морских дебатах в нижней палате лорд Роберт Сесиль: он спрашивает у всех, можно ли представить себе какую-либо иную причину для создания Германией колоссального флота, кроме ее намерения предпринять войну с Англией? Соперничество на море, продолжавшееся с обеих сторон почти полтора века, напоследок лихорадочная постройка дредноутов и сверхдредноутов — это была уже война между Германией и Англией. Закладка флота 11 декабря 1899 года была объявлением войны, которое Англия возвратила 4 августа 1914 г.

Кстати сказать, эта война на море не имела ничего общего с экономической конкуренцией за мировой рынок. "Английская монополия на мировом рынке", которая, якобы тормозила капиталистическое развитие Германии, и о которой сегодня так много болтают, принадлежит к царству патриотических военных легенд, не отказавшихся от все еще лелеемого французского «реванша». С 80-ых годов эта «монополия» стала, к великой скорби английских капиталистов, "старой сказкой". Индустриальное развитие Франции, Бельгии, Италии, России, Индии, Японии и, прежде всего,

Германии и Соединенных Штатов положили конец этой монополии, существовавшей с первой половины 19 столетия до 60-ых годов. В течение последнего столетия одна страна за другой выступала на ряду с Англией на мировом рынке, капитализм естественно и стремительно развивался в капиталистическое мировое хозяйство.

При этом английское морское господство, которое сейчас мешает спокойно спать многим социал-демократам, уничтожение которого кажется этим добрякам крайне необходимым для благополучия международного социализма, это морское господство — следствие расширения британской империи на 5 частей света — так мало мешало до сих пор немецкому капитализму, что тот, находясь под его «игмом», с поразительной быстротой вырос в весьма здорового малого с толстыми щеками. Да, как раз сама Англия и ее колонии явились главной опорой для расцвета немецкой крупной промышленности, тогда как Германия с своей стороны является для Британской империи важным и незаменимым покупателем. Слишком удаленные от того, чтобы стоять на дороге друг у друга, британский и немецкий капитализм в высшей степени содействовали друг другу и были взаимно связаны широким разделением труда, что обуславливалось, главным образом, английской свободной торговлей. Таким образом, немецкому товарообмену и его интересам абсолютно не требовалось изменения фронта в немецкой политике и сооружения флота.

Так же мало приводили теперешние немецкие колониальные владения к опасному мировому столкновению и к мировой конкуренции с Англией. Немецкие колонии не нуждались в серьезной морской силе для своей защиты, т.-к., по своему положению, они

не могли внушать никому, особенно же Англии, зависти к Германской империи. То, что сейчас во время войны они заняты Англией и Японией — и украденное, таким образом, переменило своего хозяина — есть неизбежное следствие и мероприятие войны, точно так же, как аппетиты немецкого империализма неудержимо стремятся теперь в Бельгию, тогда как раньше ни один человек, находящийся в здравом уме, не осмелился бы строить планы занятия Бельгии. За обладание юго-восточной и юго-западной Африкой не только никогда не могло произойти войны ни на море, ни на суше между Англией и Германией, но уже перед самым началом войны было готово и зафиксировано любовное соглашение между Германией и Англией, по которому должно было произойти дружелюбное разделение между обеими державами португальских колоний в Африке.

Развертывание морских сил под флагом мировой политики с немецкой стороны дало новый и мощный толчок империалистическому развитию Германии. При помощи первоклассного флота и параллельное его созданием поспешно, наперегонки увеличивавшегося войска, был создан впервые аппарат будущей политики, направление и цель которой открывали окна и двери неисчислимым возможностям. Постройка флота и вооружение сделались сами по себе грандиозным «делом» для немецкой крупной индустрии, они открывали неограниченные перспективы для мировых операций картелей и банковского капитала. Этим обеспечивалось стечение различных буржуазных партий под знамена империализма. Примеру национал-либералов, как ядра империалистической тяжелой индустрии, следовал центр, который тотчас же

после вотирования им в 1904 г. увеличения флота, — так громко провозглашенного флотом мировой политики, — превратился окончательно в правительственную партию. В вотировании мародерского закона о флоте, в проведении голодного таможенного тарифа — за центром последовали свободомыслящие, колонну замыкали юнкера, из упрямого противника увеличения флота и постройки канала превратившиеся в энергичных наездников и паразитов морского милитаризма, колониального грабежа и связанной с ним тарифной пошлины. Выборы в рейхстаг 1907 года, так называемые "готтентотские выборы", показали, что вся буржуазная Германия в своем пароксизме империалистического одушевления сплотилась под одним знаменем, что Германия Бюлова чувствует себя призванной выступить в качестве мирового молота. И эти же выборы, со всей погромной атмосферой — пролог для Германии 4-го августа — являлись вызовом не только немецкому рабочему классу, но и всем капиталистическим государствам, сжатым кулаком, угрожающим всем вместе и никому в отдельности.

IV

Важнейшим полем для операции немецкого империализма сделалась Турция. Его проводником здесь стал немецкий банк с его колоссальными операциями в Азии, стоявшими в центре немецкой восточной политики. В пятидесятых и шестидесятых годах в Азиатской Турции господствовал, главным образом, английский капитал, который построил железные дороги из Смирны и взял в аренду первый участок Анатолийской дороги до Исмида. В 1888 году на сцену появился немецкий капитал и получил от Абдул Гамида в эксплуатацию построенный Англией участок и для постройки новый участок от Исмида до Ангоры, с разветвлениями на Скутари, Бруссу, Конию и Кесарию. В 1899 году немецкий банк потребовал концессии на постройку и эксплуатацию гавани недалеко от Хайдар-паши и особых преимуществ в гавани в отношении торговли и таможенных пошлин. В 1901 году турецкое правительство передало немецкому банку концессию на большую Багдадскую дорогу к Персидскому заливу, в 1907 году концессию на осушение озера Каравиран и орошение долины Кома.

Оборотная сторона этого громадного и "миролюбивого культурного дела"- «мирное» и основательное разорение мало-азиатского крестьянства. Расходы на грандиозные предприятия, естественно, ссужаются немецким банком; пек средством разветвленной системы общественного кредита, Турецкая империя становится на вечные времена должником г. г. Сименса, Гвиннепа, Гельфериха и т. д., как это было уже раньше с английским, французским и австрийским капиталом, этот кредитор не только будет

выкачивать постоянно громадные суммы из государства, чтобы получить проценты за ссуды, но должен иметь гарантию в получении необходимой выручки от построенных таким образом дорог. Новейшие средства и методы капиталистической эксплуатации прививались здесь к совершенно отсталому, в большей своей части натуральному, к примитивному крестьянскому хозяйству. На истощенной почве этого хозяйства, старательно высасываемого в течение столетий восточной деспотией, едва производящего незначительный избыток сверх государственных поборов для прокормления крестьянства, железные дороги естественно не могут давать достаточного оборота и прибыли. Торговля и пассажирское движение, соответственно хозяйственному и культурному состоянию страны, — весьма не развиты и могут возрасть лишь очень медленно. Сумма, недостающая для создания необходимой капиталистической прибыли, ежегодно возмещается железнодорожному обществу турецким правительством в форме, так называемой, "гарантии с километра". По этой системе проводились дороги в Европейской Турции австрийским и французским капиталом, и эта же система проводится теперь в Азиатской Турции в предприятиях немецкого банка. Как залог и обеспечение, что необходимые платежи будут произведены, турецкое правительство предоставило в виде гарантии европейскому капиталу, так называемые, "правительственные Средства обеспечения общественного кредита", главный источник государственных доходов в Турции — десятину с целого ряда провинций. С 1893 до 1910 года турецкое правительство таким образом «возместило» за Ангорскую дорогу и за участок Эски-шегир-Кониа около 90

миллионов франков. Все еще уплачиваемая турецким правительством своему кредитору «десятина» является старым натуральным крестьянским налогом в зерне, в баранах, в шелке и т. д. Десятина собирается не прямо, а по системе откупов, на манер известных сборщиков податей дореволюционной Франции, которым государство передает предполагающийся доход с того или другого вилайета (провинции) с аукциона. Когда десятина достается какому-нибудь спекулянту или компании, то он продает десятину каждого отдельного санджака округа) другим спекулянтам, которые свою часть снова распродают целому ряду более мелких агентов. Так как каждый стремится вернуть свои затраты и получить как можно больше барыша, то, по мере приближения к крестьянину, десятина лавинообразно возрастает. Если откупщик ошибся в своих расчетах, то он старается вознаградить себя за счет крестьянина. Последний, почти постоянно находящийся в долгу, с нетерпением ждет момента, когда он сможет продать свою жатву. Когда же он снимет свой хлеб, он должен часто по целым неделям откладывать молотьбу в ожидании, когда заблагорассудится сборщику податей взять себе любую часть. Откупщик, который обыкновенно в одно и то же время является и продавцом зерна, пользуется положением крестьянина, у которого может сгноить на поле всю жатву, чтобы вынудить у него жатву по более низкой цене, а против недовольных может всегда обеспечить себе поддержку чиновников, особенно же муктара (управляющего округом). Если не находится сборщика податей, то десятины собираются правительством в натуре, свозятся в магазины и предоставляются капиталистам, как должное «возмещение». Вот внутренний механизм

"хозяйственного возрождения Турции", вследствие культурной работы европейского капитала.

Такими операциями достигается, следовательно, двойной результат. Мало- азиатское крестьянство становится объектом для хорошо организованной системы эксплуатации в интересах и выгодах европейского, в данном случае прежде всего немецкого, финансового и индустриального капитала. Соответственно этому растет сфера интересов Германии в Турции, дающих основание и повод для "охраны Турции". Одновременно турецкое правительство становится высасывающим аппаратом, необходимым для экономической эксплуатации крестьянства, становится послушным орудием, вассалом немецкой внешней политики. Значительно ранее турецкая финансовая налоговая политика стояла уже под европейским контролем. Немецкое же влияние распространилось и на военную организацию.

Из всего сказанного ясно, что в интересах немецкого империализма лежит усиление Турецкой империи, так же, как и охрана ее от преждевременного разложения. Ускоренная ликвидация Турции привела бы к ее разделению между Англией, Россией, Италией, Грецией и т. д., благодаря чему пропала бы единственная почва для широких операций немецкого капитала. Это вызвало бы грандиозное увеличение сил России и Англии, а также и укрепление государств Средиземного моря. Таким образом, для немецкого империализма было выгодно сохранить удобный аппарат "независимого турецкого государства", «неделимость» Турции до тех пор, пока она, разложенная внутри немецким капиталом, как это было проделано Англией в Египте и Францией в Марокко, не упала бы, как спелый

плод, в лоно Германской империи. Говорит же известный идеолог немецкого империализма Пауль Ротбах совершенно честно и открыто:

"По самой природе вещей, совершенно неизбежно, что Турция, окруженная со всех сторон жадными соседями, найдет свою опору в державе, имеющей возможно меньшие территориальные интересы на востоке; это-Германия. Исчезновение Турции для нее так же явилось бы большим ущербом. Если главными наследниками Турции будут Россия и Англия, то ясно, как на ладони, что оба государства вследствие этого значительно расширят свое могущество. Если даже Турция была бы разделена так, что порядочный кусок перепал бы и нам, то это вызвало бы для нас затруднения без конца, т. к. Россия, Англия и, в известном смысле, Франция и Италия являются соседями турецких владений и будут занимать и защищать свои части или со стороны суши, или со стороны моря, или же обоими этими путями. Наоборот, — мы не связаны прямым путем с Востоком... Немецкая малая Азия или Месопотамия могут стать действительностью лишь в том случае, если предварительно, по крайней мере, Россия, а с ней вместе и Франция будут принуждены к отказу от своих существующих в настоящее время целей и идеалов, т. е. после того, как исход мировой войны решительно склонится на сторону немецких интересов" ("Война и немецкая политика").

Германия, которая 8 ноября 1898 г. торжественно поклялась в Дамаске перед тенью великого Саладина защищать и охранять магометанский народ и зеленое знамя пророка, в течение многих лет усердно поддерживала правительство кровавого султана Абдул Гамида, а после некоторого короткого периода

отчуждения продолжала это же делать и при младотурецком режиме. Миссия занималась, кроме прибыльных операций немецкого банка, главным образом, реорганизацией и муштровкой турецких солдат под руководством немецких офицеров с фон-дер-Гольц-паша во главе. Вместе с модернизированием войска, на спину крестьянства, естественно, навьючивались новые тяготы, и открывались новые блестящие дела для Круппа и немецкого банка. Одновременно турецкий милитаризм становился частью прусско-немецкого милитаризма, опорой немецкой политики на Средиземном море и в Малой Азии.

Что предпринятое Германией "возрождение Турции", есть не что иное, как эксперимент с гальванизацией трупа, лучше всего показывает судьба турецкой революции. В своей первой стадии, когда в младотурецком движении перевешивал идеологический элемент, когда оно лелеяло возвышенные планы и мечты о действительно радостной весне и обновлении Турции, оно решительно направило свои симпатии на Англию, в которой оно видело идеал современного либерального государства, в то время как Германия, выступая в роли официального, давнишнего защитника режима старого султана, казалась противником младотурок. Революция 1908 года была как бы банкротством немецкой восточной политики, это именно так повсюду и понималось, а низвержение Абдул Гамида казалось низвержением немецкого влияния. Однако, по мере того, как младотурки, достигнув власти, обнаруживали свою полную неспособность ко всякой коренной экономической, социальной и национальной реформе, по мере того, как все более выдвигалась их националистическая позиция, они с естественной

необходимостью возвращались к прадедовским методам господства Абдул Гамида, т. е. к периодически организуемой кровавой бане между враждующими подчиненными народами и к безграничному восточному угнетению крестьянства, как к двум основным методам государственной политики. Вместе с тем искусственная поддержка этого насильнического режима стала снова главной заботой «младотурок» и вскоре привела также и во внешней политике к традициям Абдул Гамида — к союзу с Германией.

Каждому, и особенно, германской социал-демократии было давно известно, что при сложности национальных противоречий, разрывающих турецкую империю: армянский, курдский, сирийский, арабский, греческий (с недавнего времени еще албанский и македонский) вопросы, при сложности экономико-социальных проблем в различных частях империи, при зарождении сильного, жизнедеятельного капитализма в соседних молодых Балканских государствах и прежде всего при условии существования в Турции в течение многих лет разлагающего господства международного капитала и международной дипломатии, что при всем этом истинное возрождение турецкого государства есть совершенно безнадежное предприятие и что все попытки восстановить гнилые, рассыпающиеся кучи развалин представляют из себя реакционную затею. Уже по поводу большого Критского восстания в 1896 году в партийной прессе происходило основательное обсуждение восточной проблемы, которое привело к пересмотру точки зрения, установленной когда-то Марксом во время турецкой войны и к окончательному отрицанию "неделимости Турции", как наследия Европейской реакции. Никем не был так быстро и так

правильно понят младо-турецкий режим в отношении своего внутреннего социального бесплодия и своего контрреволюционного характера, как немецкой социал-демократической прессой. И действительно, идея, что для оживления такой развалины, как Турецкое государство, будет достаточно проворных военных инструкторов и плохеньких стратегических железных дорог для проведения скорой мобилизации-есть чисто прусская идея ^[2].

---

² 3 декабря 1912 года, после первой Балканской войны, социал-демократический фракционный оратор Давид, выступая в рейхстаге, закончил свою речь следующим образом: "Вчера здесь говорилось, что немецкая восточная политика была хорошая политика. Господин рейхсканцлер думает, что мы оказали Турции много ценных услуг, а господин Бассерманн сказал, что мы заставили Турцию предпринять разумнейшие реформы. О последних мне ничего не известно (одобрении на скамьях социал-демократов), что же касается ценных услуг, то я мог бы поставить о последних вопросительный знак. Почему Турция пала? То, что там пало — это было юнкерское правительство, подобное тому, которое мы имеем в Остэльебии, ("правильно!" на скамьях социал-демократов. Смех справа). Падение Турции подобно падению манджурского аристократического правительства в Китае. С помещичьими правительствами, кажется, вообще, повсюду дело идет к концу (крики на скамьях социал-демократов: "верно!"). Они не отвечают более современным потребностям.

Я говорю, положение в Турции до известной степени подобно положению в Остэльебии. Турки — правящая кучка завоевателей, лишь незначительное меньшинство. Среди них есть и не турки, принявшие магометанскую религию; истинные природные турки — ничтожное меньшинство, каста завоевателей, которые обыкновенно занимают руководящие должности, — как и в Пруссии юнкера в правительстве, в дипломатии, в войске; это-каста, экономическое положение которой опирается на крупное землевладение; на возможность распоряжаться зависящими от нее крестьянами, как раз, как в Остэльебии: каста, которая по отношению к этим последним, принадлежащим к другой нации и религии, по отношению к болгарским и сербским крестьянам проводила такую же беспощадную помещичью политику, как в Остэльебии наши сияги (смех). Пока Турция имела натуральное хозяйство-это еще куда ни шло; тогда этот полк земельных владельцев еще кое-как можно было терпеть, т. к. тогда землевладелец не так еще стремится к эксплуатации подвластных ему. Он доволен, если может хорошо пожить и хорошо поесть. Но по мере того, как Турция, благодаря соприкосновению с Европой, переходила к современному денежному хозяйству, давление турецкого юнкерства на своих крестьян становилось все невыносимей. Оно довело крестьянство наконец до истощения, и

Уже летом 1912 года младо-турецкое правительство должно было уступить место контр-революции. Первым актом турецкого «возрождения» в этой войне был государственный переворот, уничтожение конституции, т. е. и в этом отношении формальное возвращение к правительству Абдул Гамида.

Выдрессированный немцами турецкий милитаризм оказался банкротом уже в первой балканской войне. Настоящая же война, в неверную пучину которой турки были втянуты, как защитники Германии, какой бы исход

значительная часть крестьянства обратилось в нищих. Многие сделались разбойниками — это комитатчи (смех справа). Турецкое юнкерство не только вело войну против внешнего врага, нет, в обстановке этой войны против внешнего врага происходила в Турции крестьянская революция. Вот что и переломило туркам позвоночник, и вот причина крушения их юнкерской системы.

Говорят, что в то время немецкое правительство оказало Турции большие услуги — но лучшей услуги, которую оно могло оказать Турции и младо-турецкой системе, оно все же не оказало. Оно должно было посоветовать туркам провести те реформы, провести которые Турция была обязана по Берлинскому протоколу, действительно освободить своих крестьян, как это сделала Болгария и Сербия. Но как же могла это сделать немецкая прусская юнкерская дипломатия?

Инструкции, полученные г. Маршалль из Берлина, во всяком случае не были таковы, чтобы можно было оказать младотуркам действительную хорошую услугу. То, что могли дать эти инструкции — я совсем не говорю о военных делах — это гот известный дух, который они внесли в турецкий офицерский корпус, дух "элегантного, лощеного офицерства" (одобрения на скамьях социал-демократов), дух, оказавшийся в высшей степени губительным для турецкой армии в течение этой войны. Говорят, что на полях сражения находили трупы офицеров в лакированных башмаках и т. д. Привилегированное положение по отношению к народным массам и, в первую голову, по отношению к солдатской массе, надменность и фанаберия офицеров в конце подорвали доверие к нам в турецкой армии, и вполне понятно, что этот дух вызвал, в конце концов, внутреннее разложение армии.

Милостивые государи, в вопросе о том, кто виноват в крушении Турции, мы, очевидно, придерживаемся различных мнений. Конечно, пресловутый прусский дух не всецело виновен в этом крушении, он лишь содействовал ему и его ускорял. Главной причиной были экономические условия, как я уже это изложил".

она ни имела, с неотвратимой неизбежностью приведет к окончательной ликвидации Турецкой империи.

Позиция немецкого империализма — и лежащие в основе ее интересы немецкого банка — привели германскую империю на востоке к полному противоречию со всеми другими державами. И прежде всего с Англией. Последней пришлось уступить своему немецкому сопернику конкурирующие предприятия и вместе с ними жирную капиталистическую прибыль в Анатолии и Месопотамии, за что она, правда, в конце концов, вознаградила себя; а направление стратегических дорог и усиление турецкого милитаризма под влиянием немцев угрожало наиболее уязвимому месту мировой политики Англии: месту перекрещивания дорог в центральную Азию, Персию, Индию, с одной стороны, в Египет — с другой стороны.

"Англия, — писал Робах в своей "Багдадской дороге", — лишь в одном месте может быть атакована и уязвима для Европы: в Египте. Вместе с Египтом Англия не только потеряла бы господство над Суэцким каналом и связь с Индией и Азией, но весьма вероятно также и свое влияние в Центральной и Восточной Африке. Занятие Египта магометанской державой, какой является Турция, — могло бы оказать опасное влияние не только на 60 миллионов магометанских подданных Англии в Индии, но также на Афганистан и Персию. Турция же, имея сеть железных дорог в Малой Азии и Сирии, проводя Анатолийскую дорогу, при помощи которой она вполне могла отразить нападение Англии из Месопотамии, увеличивая и улучшая свою армию, и, вообще, прогрессируя в своем хозяйстве и финансах, несомненно, должна иметь виды на Египет".

А в своей книге "Война и немецкая политика", появившейся в начале войны, он говорит:

"Багдадская дорога с самого начала предназначена к тому, чтобы непосредственно связать Константинополь и важнейшие военные пункты Турецкой империи в Малой Азии-с Сирией и провинциями Ефрата и Тигра. Конечно, предусматривалось и то, что эта дорога, в соединении с частью проектировавшимися, частью проводившимися или уже проведенными дорогами в Сирии и Аравии, сделает возможным передвижение турецких войск по направлению к Египту. Никто не будет отрицать, что при возможности заключения немецкого союза и при различных других предположениях, осуществление которых было менее простой вещью, чем союз, Багдадская дорога для Германии означала своеобразное страхование".

Так откровенно говорил полуофициальный лидер немецкого империализма о плане и намерениях последнего на Востоке. Таким образом получила немецкая политика свои определенные широкие очертания, весьма прогрессивную и захватническую, с точки зрения предшествовавшего мирового политического равновесия, тенденцию и очевидный уклон против Англии. Таким образом, немецкая восточная политика явилась комментарием к проводившейся в 1899 года морской политике.

В настоящее время Германия поставила себя своей программой "неделимости Турции" в противоречие с Балканскими государствами, для которых историческое существование и внутреннее развитие связано с ликвидацией Турции. Наконец, она поставила себя в противоречие и с Италией, империалистические

аппетиты которой направлены прежде всего на турецкие владения. На Мароккской конференции в 1905 г. Италия уже стояла на стороне Англии и Франции. А происшедшая шестью годами позже Триполитанская экспедиция Италии, давшая сигнал к первой балканской войне, явилась уже полным разрывом с Италией, распадом тройственного союза, изоляцией немецкой политики также и с этой стороны.

В другом направлении немецкие стремления к расширению проявили себя на западе — в Мароккской аванюре. Нигде не сказалось с такой резкостью отклонение от прежней немецкой политики, как здесь: как известно, Бисмарк поддерживал колониальные стремления Франции, лишь бы отвлечь ее внимание от Эльзас-Лотарингии, являвшейся пунктом континентального пожара. Новейший курс немецкой политики целил как раз против французских колониальных расширений. Положение в Марокко сложилось, однако, совсем иначе, чем в Азиатской Турции. Для осуществления немецких капиталистических интересов в Марокко было очень мало подходящих условий. Немецкие империалисты пытались во время Мароккского кризиса использовать претензии Ремшейдерской капиталистической фирмы «Маннесмана», ссудившей мароккскому султану деньги и получившей за это концессию на железную руду как бы в обеспечение "насущных отечественных интересов", однако, общеизвестный факт, что каждая из конкурировавших в Марокко капиталистических групп, как Маннесмана, так и общество Круппа, Шнейдера, представляли из себя чисто международное смешение немецких, французских и испанских предпринимателей, помешал говорить о "немецкой сфере интересов". Тем

симптоматичнее была решительность и настойчивость, с которой немецкая империя неожиданно заявила в 1905 году о своей претензии на участие в урегулировании мароккских дел, а также протест против французского влияния в Марокко. Это было первое ее столкновение с Францией в вопросах мировой политики. В 1895 году Германия вместе с Францией и Россией помешала победоносной Японии воспользоваться своей победой над Китаем в Симонессках. Пятью годами позже она двинулась рука об руку с Францией и всей международной фалангой в разбойничий поход на Китай. Теперь в Марокко проявилась совсем иная ориентация немецкой политики по отношению к Франции. В Мароккском кризисе, который на протяжении 7 лет дважды стоял на границе войны между Германией и Францией, дело не шло уже ни о «реванше», ни о каких-либо континентальных противоречиях между обоими государствами. Здесь проявилось совсем новое противоречие, создавшееся вследствие того, что немецкий империализм перешел через черту французского. Кризис разрешился тем, что Германия удовлетворилась областью французского Конго и дала согласие на то, что не будет иметь и защищать в Марокко никаких собственных интересов. Как раз поэтому последнее немецкое выступление в Мароккском вопросе имеет знаменательное политическое значение; Именно неопределенность непосредственных целей и притязаний изобличает всю немецкую мароккскую политику, ее безграничные аппетиты, нащупывание и поиски добычи — она представляла собой явно выраженный курс на войну с Францией.

Противоположность между обоими государствами проявилась в полном свете. Там медленное

индустриальное развитие, остановившийся рост народонаселения, государство ранть, создающее, главным образом, заграничные финансовые общества, отягощенное большими колониальными владениями, которые оно удерживает с большим трудом и стараниями; здесь-молодой, сильный, стремящийся на первое место капитализм, который рыщет по свету в поисках колоний. О завоевании английских колоний — нечего было и думать. Таким образом, алчность немецкого капитализма могла быть направлена кроме Азиатской Турции, прежде всего, на французское наследство. Это наследство к тому же представляло удобную приманку для того, чтобы сделать Италию, за счет Франции, безвредной для австрийских наступательных тенденций на Балканах и, при помощи общих интересов, прикрепить ее к тройственному союзу. Ясно, что немецкие притязания в Марокко должны были в высшей степени беспокоить французский империализм, если принять во внимание, что Германия, укрепившись в какой-либо части Марокко, могла всегда в любом месте зажечь пожаром все северо-африканские владения Франции, население которых находилось в хроническом состоянии войны с французскими завоевателями. Окончательное отступление и успокоение Германии устраняло лишь эту непосредственную опасность, но все же сохраняло всеобщее беспокойство во Франции, и создавшееся противоречие в мировой политике ^[3].

---

³ В течение многих лет производившаяся в кругах немецкого империализма шумная травля Франции по поводу Марокко, также не могла ослабить беспокойства Франции. Старо-немецкий союз громко защищал план аннексии Марокко, конечно исходя из названных интересов Германии, и распространял прокламацию, написанную его председателем-Генрихом Классом под заголовком "Западное Марокко- немецкое!". Когда после торговли за Конго, профес. Шимам выступил в Крейццейтунг с оправданием сделок министерства иностранных дел и

Своей Мароккской политикой Германия не только вступила в противоречие с Францией, но также снова и непосредственно столкнулась с Англией. Здесь в Марокко, в непосредственной близости от Гибралтара, где находится второй важнейший пункт перекрещивания дорог Британской империи, имеющих мировое политическое значение, неожиданное появление немецкого империализма с его претензиями, с его избыточной энергией, проявленной при этом выступлении, должно было быть понято, как демонстрация против Англии. Даже формально протест Германии направлялся прямо против сделки Франции и Англии относительно Марокко и Египта 1904 г., и немецкое требование ясно и лаконически заявляло, что Англия должна быть устранена от Мароккских дел. Неизбежный результат преследования ни для кого не мог быть тайной. Сложившееся тогда положение прекрасно обрисовано в одной из лондонских корреспонденции "Франкфуртской газеты" от 8 ноября 1911 г.:

"Вот следствие: 1000000 негров на Конго, и вопли негодования и ярости в "коварном Альбионе". Вопли

отказа от Марокко, «Почта» напала на него следующим образом:

"Г. профессор Шиман, по происхождению русский, во всяком случае не чисто немецкого происхождения. Его нельзя осуждать за то, что он холодно и насмешливо относится к тем вопросам, которые затрагивают самым чувствительным образом патриотическую гордость и национальное сознание в груди каждого истинного немца. Суждение чужестранца, который говорит о патриотическом биении сердца, о мучительном сжимании души немецкого народа, как о пустой политической фантазии, как о каком то забавном недоразумении, должно тем более вызывать наш справедливый гнев и презрение, что тот чужестранец пользуется гостеприимством немецкого государства, как преподаватель Берлинского университета. Мы преисполняемся глубокой скорбью, при мысли о том, что этот человек, который осмеливается так оскорблять в руководящем органе немецкой консервативной партии чувства немецкого народа, и вместе с тем является учителем и советчиком нашего кайзера в политических вопросах-с правом или без права считается как бы говорящим от имени кайзера.

Германию, конечно, не трогают, но что будет с нашими взаимоотношениями с Англией, т. к. то, что сейчас есть, не может более продолжаться, существующее положение или должно привести, по всем историческим вероятностям, к ухудшению, т. е. к войне, или же должно быть в ближайшее время изменено к лучшему... Экскурсия "Пантеры," как снова удачно выражается берлинский корреспондент «Франкфуртской» газеты, была подводным ударом, показавшим Франции, что Германия еще существует... Относительно действия, которое должно было оказать здесь это выступление, в Берлине ни в коем случае не могли сомневаться; по крайней мере, здешние газетные корреспонденты нисколько не сомневались, что Англия энергично выступит на французской стороне. Как может "Норд-дейтше Альгемейне Цейтунг" все еще утверждать, что Германия имеет дело "только с одной Францией". В течение нескольких столетий в Европе наблюдается постоянно возрастающая чувствительность по отношению к политическим интересам. Когда кого-нибудь угнетают, то на основании политических законов, управляющих нами, одни преисполняются радостью, другие заботою. Когда два года тому назад, происходила боснийская торговля между Австрией и Россией, Германия появилась на сцене в "блестящем вооружении", хотя в Вене, как говорили потом, охотнее остались бы одни... Совершенно непонятно, каким образом могли думать в Берлине, что англичане, которые только что пережили период решительного антинемецкого настроения, позволят сразу убедить себя, что наши отношения с Францией совсем их не касаются. Вопрос ведь шел, в конце концов, о власти, т. е. подводный толчок, как бы ни был он дружелюбен,

представляет из себя нечто довольно ощутительное. Никто не может предсказать, как скоро за этим последует удар кулаком в зубы. С тех пор положение стало несколько менее критическим. В момент, о котором говорил Ллойд-Джорж — как мы знаем, наверное, — грозила явная опасность войны между Германией и Англией... Как будто бы в результате политики, которую проводил сэр Эдвард Грей и его последователи, о правильности которой здесь не место распространяться, можно было ожидать от них другого поведения в Мароккском вопросе. Нам кажется, что если в Берлине поступают таким образом, то уже вследствие одного этого берлинская политика осуждена на неудачу".

Таким образом, империалистическая политика в передней Азии, как и в Марокко, создала конфликт Германии с Англией и Францией. Каким же образом сложились взаимоотношения Германии с Россией? Что лежит в основе этого столкновения? При погромном настроении, неизбежно возраставшем в немецком обществе за ближайшие недели войны, верили всему. Верили, что бельгийские женщины протыкают глаза раненым немцам, что казаки едят стеариновые свечи и разрывают за ноги на куски младенцев, верили также, что целью русской войны является аннексия немецкой империи, уничтожение немецкой культуры и установление абсолютизма от Варты до Рейна и от Киля до Мюнхена.

Соц. — демократический "Хемницер-Фольксштимме" писал 2 августа:

"В этот момент мы все чувствуем обязанность прежде всего бороться против русского кнута. Немецкие женщины и дети не должны стать жертвами русского

зверства, немецкая страна не должна быть жертвой казаков. Ведь, если победит Антанта, в Германии будут хозяйничать не английский гувернер и не французский республиканец, но русский царь. Поэтому мы защищаем в данный момент все, что принадлежит немецкой культуре и немецкой свободе, против беспощадного варварского врага".

Франкфуртская «Тагеспост» восклицала в этот же день:

"Мы не хотим, чтобы казаки, которые заняли все пограничные пункты, проникли в нашу страну и принесли гибель нашим городам. Мы не хотим, чтобы русский царь, миролюбию которого социал-демократия не поверила даже в день объявления его мирного манифеста, и который является злейшим врагом русского народа, — господствовал бы хоть над одним немцем".

Кенигсбергская «Фольксцейтунг» ("Народная газета") писала 3 августа:

"Никто из нас, будь это военнообязанный или нет, ни на одну минуту не может сомневаться, что пока продолжается война, он должен сделать все возможное, чтобы удержать далеко от наших границ позорный царизм, т. к. если он победит, тысячи наших товарищей будут брошены в ужасные русские тюрьмы. Под русским скипетром не может быть и намека на право самоопределения народа; не может существовать социал-демократическая пресса, будут запрещены все союзы и собрания, и поэтому никому из нас не может придти в голову мысль, следует или не следует допускать, чтобы победила Россия. Сохраняя наше отрицательное отношение к войне, мы все должны

стремиться охранить себя от произвола тех негодяев, которые управляют Россией".

На отношении немецкой культуры к русскому царизму, являющемуся основанием для поведения социал-демократии в этой войне, мы еще остановимся. Что же касается стремления царя к аннексии немецкой империи, то это так же мыслимо, как то, что Россия хочет аннексировать Европу или луну; в этой войне вопрос о существовании стоит лишь для двух государств: для Бельгии и Сербии. Против обоих направлены немецкие пушки с воплями, что дело идет о существовании Германии. С людьми, верующими в существование ритуальных убийств, как известно, не может быть никаких дискуссий. Для людей же, которые следуют известной политической точке зрения, а не инстинктам черни, и не ходячим шовинистическим выдумкам, рассчитанным на чернь, должно быть ясно, что русский царизм также преследует цели аннексии Германии, как и аннексии луны. Во главе русской политики стоят отъявленные негодяи, но не сумасшедшие, и политика абсолютизма, при всех своих свойствах, имеет то общее со всякой другой политикой, что она действует не в безвоздушном пространстве, но в мире реальных возможностей, где вещи твердо стоят на своих местах. Что же касается опасения арестов и пожизненной ссылки немецких товарищей в Сибирь, так же как распространения русского абсолютизма на Германскую империю, то государственные деятели кровавого царя, при всех своих внутренних недостатках, являются лучшими материалистами, чем наши партийные редакторы: эти

государственные деятели, конечно, знают, что политическая форма государства не может вводиться

всегда по желанию, но что всякая государственная форма соответствует определенному экономическо-социальному основанию; они знают на своем собственном горьком опыте, что даже в России социальные отношения переросли их господство. Они знают, наконец, что господствующая реакция в каждой стране может проводиться и переноситься в соответствующей форме; что немецким классовым и партийным взаимоотношениям соответствует разновидность абсолютизма Гогенцоллернского полицейского государства и прусской трех-классной избирательной системы. При объективном рассмотрении положения, нет никаких оснований беспокоиться, что русский царизм серьезно вздумает покушаться, даже в невероятном случае своей полной победы, на эти продукты немецкой культуры.

В действительности, противоречия между Россией и Германией были совсем иные. Столкновение произошло не в области внутренней политики, которая, вследствие общности тенденции и внутреннего сродства в течение столетий, создала традиционную дружбу между обоими государствами, но как раз вопреки и несмотря на солидарность этой внутренней политики, — в области внешней мировой захватнической политики.

В России, так же, как и в других западных государствах, империализм складывается из различных элементов; но его сильнейшим побудителем является не экономическое расширение жаждущего своего применения капитала, как в Германии и Англии, но политические интересы государства. Действительно, русская индустрия, как это, вообще, типично для капиталистического производства, при несовершенствах своего внутреннего рынка стремилась к экспорту на

Восток — в Китай, в Персию, в Среднюю Азию, и царское правительство стремится всеми силами использовать этот вывоз, как удобный предлог для своих агрессивных целей. Однако, государственная политика является здесь активной, а не пассивной силой. С одной стороны, в завоевательных тенденциях царизма проявляется традиционное стремление к расширению могущественного государства, народонаселение которого достигло в настоящее время 170,000,000 чел. и которое ищет из хозяйственных и стратегических побуждений выхода к свободным морским путям, к Тихому океану на востоке, к Средиземному морю на юге. С другой стороны, сюда примешивается также жизненный интерес абсолютизма — необходимость во всеобщей борьбе великих держав занять почетное место на арене мировой политики, чтобы обеспечить себе финансовый кредит в капиталистических странах, без которого царизм абсолютно не может существовать. Наконец, сюда так же, как и во всех других монархиях, присоединяются династические интересы, которые, при все более обостряющемся противоречии интересов широких масс с формой правления, требуют внешнего раздражителя для отвлечения от внутренних затруднений, — средство, являющееся излюбленным в искусстве государственной политики.

Современные буржуазные интересы, как фактор империализма, играют в царской империи все большее и большее значение. Молодой русский капитализм, естественно, не успевший при абсолютистском режиме и не вышедший еще из стадии примитивного хищничества, стоит, однако, перед блестящим будущим, вследствие неизмеримых естественных богатств гигантской империи. Не подлежит никакому сомнению, что, как только будет

устранен абсолютизм, Россия быстро разовьется в передовое современное капиталистическое государство, если, конечно, — это позволит ей международное состояние классовой борьбы. Предчувствие этого будущего, первые, так сказать, проблески этого стремления к расширению и заставляют русскую буржуазию преисполняться твердыми империалистическими стремлениями и с горячностью заявлять при разделе мира о своих притязаниях. Это историческое стремление находит себе поддержку в весьма крупных интересах русской буржуазии в настоящее время. Прежде всего, — это интересы промышленности, производящей предметы вооружения, и смежных с ней; широко объединенная тяжелая индустрия также играет в России большую роль; во-вторых, это — враждебность к внутреннему врагу, к революционному пролетариату, которая особенно поднимает в глазах русской буржуазии ценность милитаризма и отвлекающего действия мировой политики, прикрепляя буржуазию к контрреволюционному режиму. Империализм буржуазных кругов России вырос в грозовой атмосфере революции и, вследствие этого, с особенной резкостью поддерживает традиционную внешнюю политику царизма.

Главной целью, как традиционной политики, так и appetитов русской буржуазии, в данное время являются Дарданеллы, которые, по известному выражению Бисмарка, представляют из себя ключи к русским владениям на Черном море. Для достижения этой цели Россия, начиная с 18-го столетия, вела целый ряд кровавых войн с Турцией, взяв на себя миссию освобождения Балкан и уложив под Измаилом, Наварином, Синопом, Силистрией, Севастополем,

Плевной и Шипкой громадные горы трупов. Защита славянских братьев и христиан от турецкого насилия сыграла для русского мужика роль такой же военной легенды, какую играет сейчас у немецкой социал-демократии защита немецкой культуры и свободы от русского насилия. Русская буржуазия гораздо больше вдохновлялась видами на Средиземное море, чем Маньчжурской и Монгольской миссиями. Русская буржуазия, главным образом, потому и критиковала так японскую войну, что видела в ней авантюру, отвлекавшую русскую политику от важнейшей ее задачи — на Балканах. Несчастливая японская война усилила это настроение русской буржуазии, хотя и в другом отношении. Расширение русского могущества в Восточной и Центральной Азии до Тибета и по направлению к Персии должно было в сильнейшей степени беспокоить растущий английский империализм. Опасаясь за громадную индийскую империю, Англия, со все возрастающим недоверием, следила за расширением царских владений в Азии. Действительно, англо-русский антагонизм в Азии в начале столетия являлся сильнейшим политическим конфликтом в международных отношениях, и весьма вероятно, что и после настоящей войны он остался бы своего рода фокусом для будущего империалистического развития. После катастрофического поражения России в 1904 году и разразившейся революции положение изменилось. Вследствие явного ослабления царизма, последовали переговоры с Англией, которые в 1907 году привели к сделке, относительно общего заслона в Персии и дружелюбных отношений в Средней Азии; благодаря этому дорога для крупных предприятий на Среднем востоке оказалась для России закрытой, и ее энергия

направилась с еще большей силой на прежнюю цель — на балканскую политику. И здесь то, после целого столетия верной и крепкой дружбы с немецкой культурой, царская Россия впервые попала в мучительное противоречие с последней. Дорога к Дарданеллам вела через труп Турции. Германия же считала в течение последнего десятилетия важнейшей задачей своей мировой политики — неделимость Турции. Конечно, методы русско-балканской политики менялись самым различным образом, и в течение некоторого времени Россия — огорченная неблагодарностью освобожденных балканских славян, которые уклонялись, от вассального подданства России — защищала так же программу "неделимости Турции", правда, с молчаливой оговоркой, что раздел ее будет отложен до благоприятного момента. Во всяком случае, окончательная ликвидация Турции соответствует теперь планам России так же, как и английской политике, стремящейся, в целях укрепления своих позиций в Индии и Египте, объединить в большое магометанское государство под английским скипетром области, лежащие между Индией и Египтом — Аравию и Месопотамию. Таким образом русский империализм на Востоке, также, как раньше английский, натолкнулся на немецкий империализм, который под видом защитника Турции занял на Босфоре пост привилегированного эксплуататора турецкого разложения^[4].

---

⁴ В январе 1908 г., по сообщению немецкой прессы, русский либеральный политик Петр — фон — Струве писал: "Теперь можно сказать, что нас существует лишь одна дорога для создания великой России эта дорога следующая: направление всех сил в ту область, которая доступна для реального влияния русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, имеющие выход к Черному морю. Здесь мы имеем истинный базис для нашего неоспоримого хозяйственного господства — людей, каменный уголь и железо. На этом реальном базисе и только на нем может быть создана путем

Но еще острее, чем с Германией, русская политика на Балканах столкнулась с Австрией. Австрийский империализм является политическим дополнением немецкого, его сиамским близнецом и вместе с тем его фатумом.

Германия, изолированная со всех сторон в своей мировой политике, находит себе союзника лишь в Австрии. Союз с Австрией, уже довольно старый, заключенный Бисмарком в 1879 г., с тех пор совершенно изменил свой характер. Как антагонизм с Францией, так и союз с Австрией в течение последнего столетия

неустанной культурной работы, поддерживаемой во всех направлениях государством, действительно хозяйственно сильная Россия.

В начале настоящей войны, еще до выступления турок, Струве писал: "У немецких политиков имеется оригинальная турецкая политика, на которой они строят свои идеи и планы — "египтизирование Турции" под защитой Германии. Босфор и Дарданеллы должны сделаться немецким Суэцким каналом. Уже перед турецко-итальянской войной, вытеснившей турок из Африки, и перед балканской войной, которая выкинула турок из Европы, у Германии определенно имелось намерение сохранить Турцию и ее независимость в интересах хозяйственного и политического укрепления Германии. После упомянутых войн ее намерение изменились лишь постольку, поскольку обнаружилась крайняя слабость Турции. При таких обстоятельствах союз фактически должен был превратиться в протекторат или же в опеку, которая окончательно должна была низвести Османскую империю на уровень Египта. Совершенно ясно, что с русской точки зрения немецкий Египет на берегах Черного и Мраморного морей являлся совершенно недопустимым. Нет ничего удивительного, что русское правительство немедленно выступило с протестом против первых шагов этой политики; против миссии генерала Лимана фон-Сандерса, который должен был не только реорганизовать турецкую армию, но стать во главе армейского корпуса в Константинополе. Формально Россия получила в этом вопросе удовлетворение, фактически же положение ничуть не изменилось. При таких обстоятельствах в декабре 1913 г. война между Россией и Германией была весьма возможна. Происшествие с военной миссией Лимана фон-Сандерса обнаружило политику Германии, направленную к «египтизированию» Турции.

Уже этого нового направления германской политики было бы достаточно, чтобы вызвать вооруженный конфликт между Германией и Россией. Таким образом, уже в декабре 1913 г. мы вступили в эпоху назревания конфликта, который неизбежно должен был принять характер мирового конфликта".

наполнились новым содержанием. Бисмарк думал исключительно о сохранении границ, установленных войнами 1864-70 гг. Заключенный им тройственный союз имел исключительно консервативный характер, именно в том смысле, что он требовал окончательного отказа Австрии от вступления в союз немецких государств, примирения с положением, созданным Бисмарком, признания национального расщепления Германии и военной гегемонии великой Пруссии. Балканские тенденции Австрии были Бисмарку так же чужды, как и южно-африканские приобретения Германии. В своих "Мыслях и воспоминаниях" он говорит:

"Естественно, что население Дунайского бассейна имеет потребности и желания, которые выходят за границы настоящей монархии: и немецкая имперская конституция показывает дорогу, каким образом Австрия может примирить политические и материальные интересы, существующие между восточной границей румынского народа и бухтой Каттаро. Но в привычки германского государства не входит принуждение своих подданных теми или иными способами к осуществлению добрососедских пожеланий".

То же самое он однажды высказал своей получившей широкое распространение фразой, что Босния для него не стоит костей одного померанского гренадера. Что Бисмарк, действительно, не собирался предоставить тройственный союз к услугам австрийской жажды расширения, лучше всего показывает заключенное в 1884 г. с Россией "предохранительное соглашение", по которому Германская империя в случае войны России с Австрией, обязывалась не только не

выступать на стороне последней, но, наоборот, сохранять "благожелательный нейтралитет".

С тех пор, как в немецкой политике произошел империалистический переворот, изменились также ее отношения к Австрии. Австро-Венгрия лежит между Германией и Балканами, т. е. по дороге к центру немецкой политики. Иметь Австрию своей противницей при всеобщей изоляции, в которую поставила себя Германия своей политикой, означало бы для Германии отказаться от всех своих планов мировой политики. С другой стороны, в случае ослабления или распада Австро-Венгрии — что было бы равнозначуще немедленной ликвидации Турции и громадному усилению России, балканских государств и Англии — национальное единство и сила Германии были бы сохранены, но огонь империалистической политики Германской империи был бы окончательно затушен^[5].

Спасение и сохранение Габсбургской монархии логически является второй задачей немецкого империализма, как же, как сохранение Турции-является ее первой задачей.

Австрия же представляет собою постоянный очаг войны на Балканах. С того времени, как в непосредственной близости от Австрии начал происходить процесс распада Турции и одновременно образование и укрепление Балканских государств, начался также антагонизм между Габсбургским

---

⁵ В империалистическом листке "Почему возникла война" мы читаем: "Россия уже значительно ранее соблазняла нас, предлагая нам немецкую Австрию — те десять миллионов немцев, которые при нашем национальном объединении 1866 г. и 1870-71 гг. остались за бортом. Если мы ей выдадим старую монархию Габсбургов, то мы получим награду измену"

государством и его молодыми соседями. Ясно, что развитие жизнедеятельных молодых самостоятельных государств в непосредственной близости от монархии, состоящей, главным образом, из осколков национальностей, входящих в эти государства, господствовать над которыми она могла только при строжайшей диктатуре — ясно, что все это могло только ускорить разложение и без того расшатанной монархии. Внутренняя нежизнеспособность Австрии проявилась как раз в ее Балканской политике и главным образом по отношению к Сербии. Австрия, несмотря на свои империалистические аппетиты, которые беспорядочно направлялись то на Солоники, то на Дураццо, не могла аннексировать Сербию даже и тогда, когда Сербия еще не приобрела того расширения сил и границ, которых она достигла после обеих балканских войн. Присоединением Сербии Австрия опаснейшим образом усилила бы одну из своих наиболее непокорных южно-славянских национальностей, которую она и так с трудом могла обуздывать, при своем грубом и бессмысленном реакционном режиме^[6]. Австрия не могла допустить самостоятельного нормального развития Сербии, а также она не могла извлечь из нее выгоды путем нормальных

---

⁶ Кельнская газета писала после убийства в Сараеве, т. е. накануне войны, когда карты немецкой политики не были еще открыты: "У непосвященных в настоящее положение может возникнуть вопрос, почему Австрия, несмотря на все благодеяния, оказанные ею Боснии, не только не любима в стране, но как раз наоборот, встречает сильную ненависть со стороны сербов, которые составляют 42 % народонаселения? Ответ может быть понятен только тому, кто действительно знает этот народ и существующие там взаимоотношения; чужой человек, привыкший к европейским понятиям и отношениям, вряд ли его поймет. Ответ прост и ясен: управление Боснии по своей конструкции и по своим основным идеям было совершенно не годным и в этом виновато, действительно достойное наказания, непонимание истинного состояния страны, которое наблюдается еще и сейчас по прошествии целого поколения со времени оккупации".

торговых отношений, так как Габсбургская монархия представляла собой не политическую организацию буржуазного государства, но развратный синдикат кучки общественных паразитов, которые стремятся ко всевозможному использованию государственных средств, пока еще держится гнилая постройка монархии. В интересах венгерских аграриев и в целях искусственного повышения цен на сельскохозяйственные продукты, Австрия запретила Сербии ввоз в австрийские пределы скота и фруктов и, таким образом, отняла у земледельческой страны главную возможность вывоза ее продуктов; в интересах австрийской картельной индустрии она принудила Сербию добиться на востоке, посредством союза с Болгарией, выхода к Черному морю, — а на западе, путем завоевания гавани в Албании-выхода к Адриатическому морю. Балканская политика Австрии метила таким образом на удушение Сербии; одновременно она была направлена на то, чтобы устранить возможность сближения и внутреннего прогресса балканских государств, представляя для них постоянную опасность. Так, австрийский империализм непрерывно угрожал возможности развития балканских государств-то аннексией Боснии, то своими притязаниями на Новобазарский санджак и на Салоники, то своими притязаниями на албанские берега. В угоду этим австрийским тенденциям, а также вследствие конкуренции с Италией, было создано среди немецких княжеств чучело "независимой Албании", представлявшей с первого часа своего существования клубок интриг империалистических противников.

Таким образом, империалистическая политика Австрии за последние столетия превратилась в тиски для нормального прогрессивного развития на Балканах, и

сама собой привела к неизбежной дилемме: или Габсбургская монархия или капиталистическое развитие балканских государств. Балканы, только что освободившиеся от турецкого господства, увидели перед собой новую задачу — устранить со своей дороги Австрию. Ликвидация Австро-Венгрии есть историческое продолжение распада Турции и вместе с тем является требованием исторического процесса развития.

Но эта проблема не имела другого разрешения, кроме войны, и именно войны мировой. За Сербией, конечно, стояла Россия, для которой отказ от ее влияния на Балканы и от роли защитницы, означал отказ от всей ее империалистической программы на Востоке. В полном противоречии с австрийской политикой, русская политика стремилась к объединению балканских государств и, конечно, под русским протекторатом. Балканский союз, победоносная война которого в 1912 году с Европейской Турцией, принесла колоссальные разрушения, был делом России и, главным образом, являлся орудием последней против Австрии. Хоть Балканский союз, несмотря на все старания России, распался вскоре после второй балканской войны, но развившаяся в этой войне победоносная Сербия была подготовлена к тому, чтобы стать союзником России и смертельным врагом Австрии. Германия, связанная судьбой Габсбургской монархии, была принуждена прикрывать каждый шаг ее, в высшей степени реакционной Балканской политики и, таким образом, вступать во все более острые противоречия с Россией.

Австрийская балканская политика в дальнейшем вела к противоречию и с Италией, которая живо заинтересована в ликвидации Австрии так же, как и Турции. Империализм Италии нашел себе в итальянских

владениях Австрии самый удобный и популярный предлог для своих стремлений к расширению, которые, при новом положении вещей на Балканах, направлялись на противоположные албанские берега Адриатики. Тройственный союз, получивший сильный толчок в триполитанской войне, был окончательно выведен из равновесия кризисом, разыгравшимся со времени последних балканских войн, и еще более обострил отношения центральных держав со всем миром. Германский империализм, прикованный к двум разлагающимся трупам, бросился по прямой дороге к войне.

Все дальнейшее было уже predetermined: Австрия, как активная сила, стремилась уже много лет с фатальной быстротой к своему уничтожению. Ее господствующая клерикально-военная клика, с эрцгерцогом Францем-Фердинандом во главе и его помощником бароном Шлюмецким, явно искала предлога для разрыва. В 1909 году для того, чтобы вызвать необходимый военный подъем в немецких странах, был сфабрикован при помощи профессора Фридмана известный документ, который разоблачал грандиозный и ужасный заговор сербов против Габсбургской монархии и имел лишь тот маленький недостаток, что был выдуман от начала до конца. Несколько лет спустя старательно распространялось известие о зверском убийстве австрийского консула Прохаско в Ускюбе, явившееся искрой, брошенной в ящик с порохом, несмотря на то, что Прохаско, здоровый и веселый, разгуливал по улицам Ускюба. Наконец, произошло убийство в Сараеве, так долго ожидавшееся, так страстно желанное. "Никогда еще ни одна кровавая жертва не имела столь искупляющих и освобождающих последствий, как

эта"-радовались лидеры немецких империалистов. Австрийские империалисты радовались еще больше и решили использовать эрцгерцогские трупы, пока они еще были свежи ^[7].

После поспешного обмена мнениями с Берлином была состряпана война, и посланный ультиматум должен был поджечь капиталистический мир со всех четырех концов. Причины и поводы к войне уже давно назрели. Положение, которое мы сейчас переживаем, было готово уже 10 лет тому назад. Каждый год и каждое

---

⁷ "Почему возникла немецкая война" стр. 21. Орган клики эрцгерцога "Великая Австрия" неделя за неделей писал зажигательные статьи в таком духе; "Смерть наследника престола, эрцгерцога Франца Фердинанда может быть достойным и соответствующим образом отомщена лишь выполнением политического завещания этой невинной жертвы так несчастно сложившихся обстоятельств на юге империи.

В течении 6 лет мы ожидали окончательных разрешений тех тягостных осложнений, которые так мучительно давали себя чувствовать в нашей политике.

Мы знаем, что новая великая Австрия, счастливая, освобождающая свои народы, великая Австрия может возродиться только после войны, и потому мы хотим войны.

Мы хотим войны, так как убеждены, что только через войну возможно радикальное и быстрое осуществление нашего идеала: сильная великая Австрия, где при солнечном свете великого и радостного будущего расцветет, даря свободу и культуру балканским народам, австрийская государственная идея и сознание ее высокого призвания.

С тех пор как умер Великий, сильная рука и непреклонная воля которого бодрствовали над великой Австрией, с тех пор мы все более и более возлагали надежду только на войну.

Это последняя карта, на которую мы все ставим.

Возможно, что возбуждение, вспыхнувшее в Австрии и Венгрии, против Сербии, вследствие этого убийства, поведет к выступлению против Сербии, а впоследствии и против России.

Эрцгерцог Франц Фердинанд, как один из немногих, мог только подготовить, но не провести это выступление. Можно надеяться, что его смерть будет кровавой жертвой, необходимой для того, чтобы империалистическое воодушевление охватило всю Австрию.

политическом событии приближали его шаг за шагом; турецкая революция, аннексия Боснии, мароккский кризис, экспедиция в Триполи, обе балканские войны; все военные приготовления последнего времени производились прямо с расчетом на эту войну, как сознательные приготовления к неизбежному общему столкновению. В течение последних лет настоящая война пять раз висела на волоске: летом 1905, когда Германия в первый раз в решительной форме заявила притязания в мароккском вопросе. Летом 1908, когда Англия, Россия и Франция после встречи монархов в Ревеле хотели предъявить ультиматум Турции по поводу македонского вопроса, а Германия приготовилась, в целях защиты Турции, броситься в войну, которой однако на этот раз помешала неожиданно вспышка турецкой революции^[8]. В начале 1909 года, когда Россия ответила мобилизацией на австрийскую аннексию Боснии; а Германия в ответ на это уведомила Петербург по всей форме, что она готова вступить в войну на стороне Австрии. Летом 1911 года, когда была послана «Пантера» в Агадир, что неизбежно вызвало бы объявление войны, если бы Германия не уступила в мароккском вопросе удовлетворившись Конго и, наконец, в начале 1913 г., когда Германия, в виду предполагаемого вступления России в Армению, вторично, с соблюдением всех формальностей, заявила в Петербурге о своей готовности начать войну.

Таким образом, война висела в воздухе в течение 8 лет. Если она все время отодвигалась, то исключительно потому, что каждый раз та или другая из

---

⁸ Что касается немецких политиков, то им, конечно, было известно о том, что должно было произойти, и в настоящее время, конечно, не является тайной, что немецкий флот, как и все европейские флоты, находился тогда в состоянии боевой готовности. «Робах» "Война и немецкая политика" стр. 32.

заинтересованных сторон не была готова со своими военными приготовлениями. Теперешняя война собственно была готова еще при посылке «Пантеры» к мароккским берегам в 1911 г. — без убийства герцогской четы, без французских летчиков над Нюрнбургом и без вступления русских в Австрию. Германия отложила тогда ее до более благоприятного для нее момента. Здесь также не мешает познакомиться с чистосердечным признанием немецких империалистов. "Делавшиеся со стороны так называемых старых немцев во время мароккского кризиса 1911 г. упреки в слабости немецкой политики можно опровергнуть простым указанием на то, что, когда мы посылали «Пантеру» в Агадир, постройка северо-восточного канала находилась в разгаре своих работ, что укрепление Гельгоlanda до размеров большой крепости требовало еще много времени для своего окончания, и что наш флот в отношении дредноутов и вооружения стоял в значительно менее благоприятном отношении к английской морской силе, чем это было три года спустя. Как канал, так и Гельголанд и боевые силы флота были по сравнению с теперешним 1914 годом или слишком отсталыми или, вообще, негодными к войне. В подобном положении было бы совершенным безумием вызывать решительную войну, зная заранее, что в дальнейшем будет для этого достаточно много благоприятных возможностей" ^[9].

Сначала нужно было привести в боевую готовность немецкий флот и провести через рейхстаг большое военное вооружение. Весной 14 года Германия почувствовала себя готовой к войне, в то время, как Франция в то время еще работала над своим трехлетним

---

⁹ Рорбах "Война и немецкая политика", стр. 41.

сроком службы, а у России не была закончена ни морская программа, ни сухопутное войско. Надо было энергично использовать положение. "Для нас, Германии и Австрии", пишет о положении 1914 г. тот же Рорбах, который не только является крупным защитником империализма в Германии, но стоя в тесном соприкосновении с руководящими политическими кругами, может считаться также их полуофициальным представителем — "для нас главная забота состояла на этот раз в том, чтобы не быть морально вынужденными, вследствие временной и притворной уступчивости России, ждать до тех пор, пока не окажутся готовыми Россия и Франция" (стр. 83). Другими словами, главная забота в июле 1914 г. заключалась в том, чтобы не увенчались успехом «миролюбивые» действия немецкого правительства, чтобы Россия и Сербия не пошли на уступки. Дело шло на этот раз о том, чтобы принудить к войне. И дело удалось. "С глубокой скорбью мы видим разбитыми наши неустанные стремления к сохранению всеобщего мира"... и т. д.

То, что немецкие батальоны вступили в Бельгию, что германский рейхстаг был поставлен перед совершившимся фактом войны и военного осадного положения, ни в коем случае не было неожиданностью, событием, которое в своей политической связи могло бы показаться неожиданным для социал-демократической фракции. Начавшаяся официально 4-го августа война была та самая война, которая в течение десятилетий подготавливалась непрерывно немецкой и международной империалистической политикой, приближение которой немецкая социал- демократия также неустанно предсказывала из года в год в течение десятилетия; та самая, которую социал-демократические парламентарии,

газеты и брошюры многократно клеймили, как наглое политическое преступление, не имеющее ничего общего ни с культурой, ни с национальными интересами, являющееся скорее противоположностью того и другого.

И, на самом деле, в этой войне вопрос идет не о "существовании и свободном развитии" Германии, как говорит декларация социал-демократической фракции, ни о немецкой культуре, как пишет социал-демократическая пресса, но о теперешних прибылях немецкого банка в азиатской Турции и о будущих прибылях Маннесманов и Круппов в Марокко, о существовании австрийской реакции — этой "кучи организованного гниения", которая называется Габсбургской монархией, как писал «Форвертс» 25-го июля 1914 г., вопрос стоит о венгерских сливах и свиньях, о параграфе 14-ом, о культуре Фридмана Прохаско, о господстве турецких башибузуков в Малой Азии, о контрреволюции на Балканах.

Большая часть нашей партийной прессы была нравственно возмущена, что противники Германии пользуются в войне "цветными и дикими" — неграми, сиксами, маори. Но эти народы играют в настоящей войне почти ту же самую роль, что и социал-демократические пролетарии европейских стран; и если маори горят желанием, по сообщению Рейтера, разбивать черепа во славу английского короля, то они проявляют такое же сознание своих собственных интересов, как немецкая социал-демократическая фракция, которая смешала сохранение Габсбургской монархии, Турции и кассы немецкого банка с существованием свободы и культуры немецкого народа. Но между обоими, конечно, существует крупная разница:

маори действуют, повинясь своему инстинкту людоедов,
а не марксистской теории.

V

Но царизм! Это он сыграл решающую роль при определении позиции партии в первый момент войны. Социал-демократическая фракция дала в своей декларации лозунг против царизма, социал-демократическая пресса тотчас же сделала из этого борьбу за культуру всей Европы.

Франкфуртский Фольксштимме писал 31-го июля по этому поводу:

"Немецкая социал-демократия уже давно считала царизм кровавой опорой европейской реакции: с того момента, когда Маркс и Энгельс следили проницательным взором за каждым движением этого варварского правительства, и до настоящего дня, когда оно наполняет тюрьмы политическими преступниками и вместе с тем дрожит перед каждым рабочим выступлением. Теперь пришло время рассчитаться с этим ужасным правительством под немецкими военными знаменами".

Пфальцская почта в Людвигсгаффене от того же числа:

"Вот положение, которое высказал наш незабвенный Август Бебель. Здесь идет борьба культуры против некультурности, и пролетариат выставляет также своих людей".

Мюнхенская почта от 1-го августа:

"При исполнении своего долга против кровавого царизма, мы не позволим сделать из себя граждан второго разряда".

Галицийский Фольксблат. (Народный листок) от 5-го августа:

"Если верно то, что на нас напала Россия — а все предыдущие сообщения сделали это очевидным, — то само собой понятно, что социал-демократия одобряет все средства, годные для защиты; мы должны приложить все силы, чтобы выкинуть царизм из нашей страны".

И 18 августа:

"Железные суставы пришли в движение. Не только долг защиты отечества, национального самосохранения заставляет нас, как и всех остальных немцев, взять оружие в руки, но также и сознание того, что в лице врага, с которым мы боремся на востоке, мы боремся с врагом всякого прогресса и всякой культуры... Поражение России есть вместе с тем победа свободы в Европе"...

Брауншвейгский Фольксфрейнд (Друг народа) писал 5-го августа:

"Непреодолимое давление военной силы все увлекает за собой. Но сознательные рабочие повинуются не только силе, они подчиняются собственному своему убеждению, защищая от нападения Востока землю, на которой они стоят".

Эссе некая рабочая газета восклицает уже 3-го августа:

"Если этой стране угрожает опасность русского вторжения, то перед наличием факта борьбы с русским кровавым царизмом, совершавшим бесчисленные преступления против свободы и культуры, социал-демократы не позволят никому в стране превзойти себя в самопожертвовании и выполнении

своего долга... Долой царизм! Долой варварство! Вот лозунг, который должен быть дан!"

Точно также Бильфельдерский «Фольксмахт» (Народная власть) 4-го августа:

"Лозунг везде один и тот же: против русской деспотии и отсталости".

Эльберфельдский партийный листок от 5-го августа:

"Вся Западная Европа кровно заинтересована в том, чтобы уничтожить гнусный разбойнический царизм. Это высоко-человеческое стремление еще более возрастает, вследствие алчности капиталистических классов Англии и Франции, стремящихся воспользоваться теми источниками дохода, которыми до сих пор пользовался немецкий капитал".

Рейнская газета в Кельне:

"Исполняйте ваш долг, друзья, везде, куда бы ни бросила вас судьба! Вы боретесь за культуру Европы, за свободу вашего отечества и за ваше собственное благополучие".

Шлезвиг — Гольштинская «Фольксцейтунг» (Народная газета) от 7 августа писала:

"Само собой понятно, что мы живем в стране капитализма, и несомненно, что и после великой войны мы будем еще вести классовую борьбу, но эта борьба будет вестись в таком же свободном государстве, как и сейчас; эти классовые столкновения будут в гораздо большей степени ограничиваться экономическими рамками, и третирование социал-демократов, как отверженных, как граждан второго разряда, как

лишенных политических прав, будет совершенно немыслимо, если исчезнет царизм".

11 августа "Гамбургское Эхо" восклицало:

"Мы не только должны вести оборонительную борьбу против Англии и Франции, но прежде всего мы должны вести борьбу против царизма, и мы ведем ее с большим воодушевлением, так как это есть война за культуру.

Люксембургский партийный орган объявил 4-го сентября:

"Если свобода Европы будет спасена, то этим Европа будет обязана, — конечно, когда война уже будет закончена, — силе немецкого оружия. Враг, против которого главным образом направлена наша борьба, является смертельным врагом всякой свободы и всякой демократии".

Так звучал многоголосный хор партийной прессы. С самого начала немецкое правительство стало оказывать просимую у него помощь: с недовольным видом оно нацепило на свой шлем лавровый венок освободителя европейской культуры. Да. Оно уступало необходимости, с видимым нежеланием и довольно тяжелой грацией принимая на себя роль "освободителя наций". Главное командование обеих грозных армий «научилось» уже своему — "нужда не знает запрета" и начало уже в русской Польше делать реверансы перед вчерашними "предателями и заговорщиками". Полякам тотчас был выдан вексель на царство небесное, вексель в надежде на то, что они совершат такую же "государственную измену" против своего царского правительства, за попытку к которой был повешен в Камеруне под шумок войны без всякой обременительной процедуры

Дуала-Менга-Белль. И все эти медвежьи прыжки угнетенного немецкого империализма поддерживала социал- демократическая партийная пресса. В то время, как фракция рейхстага прикрывала таинственным молчанием убийство предводителя — Дуала, социал-демократическая пресса наполняла воздух ликующими песнопениями свободы, которую дадут несчастным жертвам царизма "немецкие приклады".

Теоретический орган партии "Нейе Цейт" (Новое время) писал в номере от 28 августа:

"Пограничное население империи "двоюродного братца" встретило немецкие передовые отряды с ликующей радостью, так как польское и еврейское население этих местностей, если и имело какое-либо представление об отечестве, то лишь в образе кнута и подкупа. Нищие не имеющие отечества, замученные поданные Николая Кровавого, если бы даже и хотели, не могут защищать ничего, кроме своих цепей, и поэтому они живут сейчас лишь одной надеждой, одной мечтой, чтобы немецкие приклады, зажатые в немецких кулаках, поскорее разбили бы вдребезги всю царскую систему... Ясное политическое стремление живет в груди немецкого рабочего класса, над головой которого проносятся громы мировой войны отбиться от союзников восточного варварства на западе, заключить с ними почетный мир и со всеми силами, до последнего издыхания броситься на уничтожение царизма".

Если социал-демократическая фракция придала войне характер защиты немецкой нации и культуры, то социал-демократическая пресса наделила ее атрибутом освобождения всех наций. Гинденбург стал исполнителем завещания Маркса и Энгельса.

Памятная книжка нашей партии сыграла с ней в этой войне роковую шутку. Забыв все основные положения, заветы и решения интернациональных конгрессов, как раз в тот момент, когда они должны были быть применены на практике, она, к своему несчастью, вспомнила о завещании Маркса и извлекла его из пыли истории, как раз для того, чтобы украсить им прусский милитаризм, на борьбу с которым Маркс готов бы отдать все "до последнего издыхания". Потрясающие раскаты Ново-Рейнской газеты и немецкой мартовской революции против крепостнической России Николая 1-го неожиданно зазвучали в ушах немецкой социал-демократии в 1914 году, принуждая ее, рука об руку с прусским юнкерством, взять в руки приклады против России, где готовилась великая революция.

Как раз здесь следует сделать «ревизию» и обследовать лозунги мартовской революции при свете исторического почти семидесятилетнего опыта.

В 1848 году Россия действительно была «опорой» европейской реакции: абсолютизм, защитник и в то же время могучий руководитель потрясенной и ослабленной малыми государствами, монархической реакции в Германии, являлся порождением русских социальных отношений, глубоко укоренившись на допотопном, натурально-хозяйственном базисе. Еще в 1851 г. Николай I мог дать понять в Берлине через прусского посланника Рохова, что он с большим удовольствием следил за тем, как в ноябре 1848 г. под руководством генерала фон-Врангеля, была "с корнем подавлена революция в Берлине", что "и в другие, более ранние моменты, не следовало давать плохой конституции". Или в другой раз в своем обращении к Мантейффелю, он говорил, что "с уверенностью рассчитывает на то, что королевское

министерство, под руководством его светлости, будет с возможной решительностью защищать перед нижней палатой права короны и добьется признания консервативных принципов". Тот же Николай I мог еще прусскому президенту министров пожаловать орден Александра Невского в знак его "постоянных стремлений" к "укреплению законного порядка в Пруссии".

Но уже крымская война пробила здесь большую брешь. Она привела к военному и политическому банкротству старой системы. Русский абсолютизм увидел себя вынужденным вступить на дорогу реформ, модернизироваться, приноровиться к буржуазным условиям; таким образом он протянул мизинец черту, который крепко держит его теперь за руку, а скоро и совсем приберет к рукам. События Крымской войны были весьма поучительной пробой того убеждения, что освобождение поработанного народа можно произвести «прикладками». Военное банкротство под Седаном подарило Франции республику, но эта республика не была подарком Бисмарковской солдатчины; Пруссия как и теперь не могла подарить другим народам ничего, кроме своего юнкерского режима. Республика во Франции была уже давно созревшим плодом трех революций, внутренних социальных войн, происходивших с 1789 года. Крах под Севастополем оказал такое же действие, как и крах под Иеной: при отсутствии революционного движения внутри страны он привел к внешнему обновлению и к новому укреплению старого режима.

Но реформы 60-тых годов в России, пролагавшие дорогу для буржуазно-капиталистического развития, могли быть осуществлены лишь при помощи денежных средств буржуазно-капиталистического хозяйства. Эти

средства были предоставлены западно-европейским капиталом Франции и Германии. С тех пор завязались новые отношения, продолжающиеся еще и до сегодняшнего дня: русский абсолютизм поступил на содержание западной европейской буржуазии. "Русский рубль" не только не катится более в дипломатические чуланы, но не докатывается даже "до передней короля", как горько жаловался принц Вильгельм прусский в 1854 году; как раз, наоборот, немецкое и французское золото катится в Петербург, чтобы содержать там царизм, миссия которого была бы давно закончена без этого живительного источника. С тех пор царизм не является уже продуктом только русских взаимоотношений: его вторым корнем являются капиталистические отношения западной Европы, и это положение становится ясней с каждым годом. В той же степени, в какой ослабляются с развитием русского капитализма внутренние корни русского самодержавия, в такой же степени увеличиваются другие его корни — западно-европейские. К финансовой поддержке прибавилось, вследствие соперничества Франции с Германией со времени войны 1870 года, также и политическая поддержка. Чем сильнее возрастали возникшие из недр русского народа самостоятельные, революционные силы, направленные против абсолютизма, тем сильнее наталкивались они на сопротивление западной Европы, доставлявшей атакованному царизму моральное и политическое подкрепление. Когда в начале 80-х годов террористическое движение русских социалистов нанесло тяжелый удар старому русскому режиму и уничтожило его авторитет, как внутри, так и вне страны, как раз в этот момент Бисмарк заключил с Россией свое, предохранительное соглашение и таким образом создал

ей тыловое прикрытие в международной политике. С другой стороны, чем больше Россия склонялась к немецкой политике, тем безграничней открывала ей свои кошельки — французская буржуазия. Черпая из обоих источников, абсолютизм тянул свое существование, борясь со все возрастающим потоком революционного движения внутри страны.

Капиталистическое развитие, которое царизм своими собственными руками вспоил и вскормил, принесло, наконец, свои плоды: с 90-х годов началось массовое движение русского пролетариата. Под царизмом заколебался фундамент в его собственной стране; бывший когда-то "опорой для европейской реакции", он видит себя вынужденным дать собственную «плохенькую» конституцию и искать спасительную опору перед поднимающимся потоком на своей собственной родине, и он нашел эту опору в Германии. Германия Бюлова возвратила с благодарностью долг, полученный Германией Врангеля и Мантейффеля. Соотношение получилось обратное: русское вспомоществование против немецкой революции превратилось в немецкое вспомоществование против русской революции. Против русских революционеров начались преследования, ссылки, высылки, регулярная демагогическая травля блаженной памяти тройственного союза, продолжавшаяся в Германии против русских революционеров до самой русской революции. Кенигсбергский процесс в 1904 году не только не явился завершением этой травли, но осветил, как свет молнии, весь период исторического развития с 1848 года — полное изменение отношений между русским абсолютизмом и европейской реакцией. "Tua res agitur" (о тебе идет дело) призывает один прусский министр

юстиции господствующие классы Германии, показывая пальцем на колеблющийся фундамент царского режима в России. "Введение демократической республики в России отразится очень чувствительным образом на Германии", заявляет в Кенигсберге первый государственный прокурор Шульце, — "если горит дом моего соседа, то это угрожает опасностью и моему дому", а его помощник Гаспар подчеркивает: "конечно, для германского общественного мнения имеет большое значение, — удержится ли твердыня абсолютизма или нет, несомненно пламя революционного движения легко может перекинуться и в Германию...". Здесь можно видеть воочию, что крот исторического развития, подкапываясь под существующее и переворачивая его вверх ногами, похоронил навсегда старую фразу об "опоре европейской реакции". Теперь европейская реакция, прусско-юнкерская главным образом, является опорой абсолютизма; благодаря ей он еще держится в ней, и через нее он может быть смертельно ранен. Это доказала судьба русской революции.

Революция была подавлена. Но именно причины ее головокружительного крушения, если их рассмотреть глубже, являются весьма поучительными для позиции немецкой социал-демократии в настоящей войне. Поражение русской революции в 1905–1906 гг., несмотря на проявленную ею беспримерную революционную силу, мужество и понимание своих целей, могут объяснить нам две причины; первая кроется во внутреннем характере самой революции, в ее громадной исторической программе, в массе экономических и политических задач, которые она нагромодила, подобно французской революции столетие тому назад, и из которых некоторые, как, например, аграрный вопрос, вообще, не может быть

разрешен в рамках существующего общественного порядка; в невозможности создать современную государственную форму для классового господства буржуазии против контрреволюционного сопротивления самой русской буржуазии в целом.

Если смотреть с этой точки зрения, то революция потерпела крушение, потому что она представляла из себя пролетарскую революцию с буржуазными задачами, или, если угодно, буржуазную революцию с пролетарско-социалистическими средствами борьбы, столкновением в грозе и буре двух эпох, плодом запоздавшего развития классовых отношений в России, с одной стороны, и чрезмерной зрелости их в западной Европе с другой. С этой точки зрения ее поражение в 1906 году является не банкротством, но естественным заключением первой главы, из которой следующие вытекают с необходимостью закона природы. Вторая причина была скорее внешнего характера, она скрывалась в западной Европе. Европейская реакция снова поспешила на помощь к своему любимцу, но не с порохом и свинцом, несмотря на то, что приклады, зажатые в немецких кулаках, уже ожидали знака из Петербурга, чтобы вступить в соседнюю Польшу, но другими средствами, которые были в такой же степени действительны: царизм был поддержан под руки финансовыми субсидиями и политическим союзом. На французские деньги он сделал картечь, при помощи которой расстрелял русскую революцию, а из Германии он получил моральное подкрепление, чтобы выкарабкаться из глубины позора, в который он попал благодаря японским торпедам и кулакам русского пролетариата. В 1910 году официальная Германия приняла Россию с распростертыми объятиями. Встреча

русских кровопийц перед воротами немецкой столицы, была благословением Германии не только на удушение Персии, но, прежде всего, также и благословением кровавой работы русской контр-революции, это был официальный пир немецкой и европейской «культуры» над мнимой могилой русской революции. И замечательно. Присутствуя при этом вызывающем смрадном пиршестве на гекатомбах русской революции, устроенном на ее родине, немецкая социал-демократия молчала, забыв "завещание нашего старого учителя" 1848 года. В начале войны, с тех пор, как это позволяет полиция, мелкая партийная пресса захлебывается в кровавых выкриках против палачей русской революции, в 1910 же году, когда в Потсдаме чествовали этих палачей — не было проронено ни звука, ни протеста, ни признака солидарности с русской революцией, ничего, что налагало бы вето против поддержки русской контрреволюции; и как раз триумфальная поездка царя в 1910 г. по Европе лучше, чем что-либо другое, доказало, что побежденные русские рабочие являются жертвой не только своей реакции, но и западно-европейской, что, так же, как и мартовские бойцы 1848 года, они сложили свои головы не только против реакции в своей собственной стране, но также и против ее «опоры» за границей.

Но живой источник революционной энергии не иссяк в русском пролетариате, как не иссякла и чаша его страданий под режимом двойного кнута царизма и капитала. После периода чудовищного крестового похода контрреволюции — началось снова назревание революции. С 1912 года, со времени ленских расстрелов, рабочая масса снова бросилась на борьбу; поток снова начал подниматься и пениться. Экономические

забастовки в России по официальным сведениям охватили в 1910-46.623 рабочих и 256.385 дней, в 1911-96.730 рабочих и 768.556 дней. В первые пять месяцев в 1912 году-98.771 рабочих и 1.214.881 день. Политические массовые стачки, выступления протеста, демонстрации охватывали в 1912 г.- 1.005.000 рабочих, в 1913 г.- 1.272.000 рабочих. В январе 1914 года революционный поток поднимался с глухим ворчанием все выше и все более угрожающе. 22-го января состоялась массовая демонстративная забастовка 200.000 рабочих, в память начала революции. В июне так же, как и перед началом революции 1905 года, вспыхнуло пламя восстания на Кавказе; в Баку бастовало 40.000 рабочих. Пламя тотчас же перекинулось в Петербург; 17-го июля здесь бастовало 80.000 рабочих, 20-го июля 200.000 рабочих, 23-го июля — по всей Российской империи начала распространяться всеобщая стачка; были уже построены баррикады, начались уличные столкновения, еще несколько месяцев и революция уверенно шла бы под развевающимся парусом, еще несколько месяцев — и она бы смогла, быть может, парализовать царизм, сделать его неспособным принять участие в намеченном империалистическом танце 1916 года вместе с другими государствами. Может быть, все международное положение изменилось бы вследствие этого, и над расчетами империализм был бы поставлен крест.

Но, наоборот, немецкая буржуазия снова поставил крест над революционными расчетами русского движения. Разразилась война с Берлином и Веней, и она временно погребла русскую революцию под развалинами — может быть, снова на целые годы. "Немецкие приклады" раздробили не царизм, но его противников. Они помогли царизму начать войну, наиболее

популярную из всех войн последнего столетия. Все содействовало созданию морального ореола вокруг русского правительства: явная для всякого, находящегося вне Германии, провокация Берлина и Вены, гражданский мир в Берлине и разразившееся вследствие этого националистическое неистовство, судьба Бельгии, необходимость защищать республику во Франции. Никогда еще у абсолютизма не было такого поразительно благоприятного положения при европейской войне. С горячей надеждой взвившееся знамя революции поникло в диком урагане войны; но оно пало с честью, и оно снова еще поднимется из жестокой резни, несмотря на немецкие «приклады», несмотря на победу или поражение царизма на поле битвы.

Национальные восстания в России также прекратились. Очевидно, угнетенные нации не так легко поймать на удочку освободительной миссии Гинденбургских когорт, как немецкую социал-демократию. Такой практический народ, как евреи, мог просто рассчитать по пальцам, что немецкие кулаки, которые до сих пор не сумели уничтожить своей собственной прусской реакции, в лице хотя бы трехклассной избирательной системы, очень мало годны для того, чтобы уничтожить русский абсолютизм. Поляки, переносящие на себе тройные тяготы войны, вряд ли могли радостно отозваться на заманчивый зов своих освободителей, вбивавших в головы польских детей кровавыми рубцами на теле немецкий "Отче наш", хорошо знакомый им по прусским колонизационным комиссиям. Они должны были немецкий национальный Гетц-фон-Берлихинген перевести потихоньку на еще более национальный польский язык. Все поляки и евреи так же, как и русские, очень скоро открыли, что

"немецкие приклады", которыми им разбивают черепа, принесут им не освобождение, а смерть.

Легенда об освобождении, выдуманная немецкой социал-демократией, и завещание Маркса в применении к этой войне — более чем глупая шутка — это бессмыслица. Для Маркса все было обусловлено русской революцией. Все его исторические и политические перспективы были связаны одной оговоркой: "если тем временем не произойдет революция в России". Маркс верил в русскую революцию и ждал ее даже тогда, когда он видел перед собой крепостническую Россию. А теперь русская революция пришла. Она не победила с одного приема, но и ее уже нельзя уничтожить; она стоит в порядке дня, она понемногу крепнет снова. И вдруг неожиданно появляются немецкие социал-демократы с немецкими «прикладами», объявляют русскую революцию несуществующей, вычеркивают ее из истории. Они неожиданно вытащили старый счет 1848 года: "Да здравствует война против России!". Но в 1848 году в Германии была революция, в России же царила беспросветная реакция. В 1914 году, наоборот, Россия была революционна в своей глубине, тогда как в Германии царило прусское юнкерство. Не от немецких баррикад, как в 1848 году во времена Маркса, но из драгунских казарм, где их держал взаперти младший лейтенант, бросились немецкие "освободители Европы" к выполнению своей культурной миссии против России. Они бросились, сплотившись в единый народ вместе с прусским юнкерством, являющимся самой сильной поддержкой русского царизма. Дружески обнявшись с министрами и кенигсбергским прокурором — бросились они против царизма и стали разбивать «прикладами» черепа русских рабочих.

Не может быть более грубого издевательства над русской революцией и над завещанием Маркса, более кровавой шутки истории. Это наиболее темный эпизод политической тактики социал-демократии за время войны.

Один эпизод должен был особенно уяснить смысл освобождения европейской культуры. Неудобная маска очень быстро спала с лица империализма, фронт открыто повернулся против Франции и Англии. Одна часть партийной прессы также быстро проделала этот поворот. Она начала предавать всеобщему презрению вместо кровавого царизма-коварный Альбион с его духом наживы и освобождать культуру Европы уже не от царского, но от английского абсолютизма. Безнадёжно-запутанное положение, в которое поставила себя партия, резче всего проявилось в том, что лучшая часть партийной прессы, напуганная реакционным фронтом, старалась сдерживать войну и связать главную ее цель с "завещанием нашего учителя"- т. е. с той фантазией, которую создала себе сама социал-демократия. "С тяжелым сердцем я должен был мобилизовать свою армию против соседа, с которым она так часто билась вместе на одном поле сражения. С глубоким, прискорбием я вижу разбитой дружбу, так верно хранимую Германией". Это было удобно, открыто и благородно. Социал-демократическая фракция и пресса перелицевали это в статью для Ново- Рейнской газеты. Но когда на смену риторики первых дней пришла грубая проза империализма, последняя слабая опора тактики немецкой социал-демократии распалась в прах.

VI

Другой стороной тактики немецкой социал-демократии было открытое признание гражданского мира, т. е., прекращение классовой борьбы на время войны. Прочитанная в рейхстаге 4-го августа декларация фракции, была, собственно, первым актом этого жертвоприношения классовой борьбы. Все основные положения были заранее согласованы с представителями правительства и буржуазных партий. Торжественный акт 4 августа был подготовленным за кулисами патриотическим зрелищем для народа и заграницы, в котором социал-демократия на ряду с другими участниками играла заранее предназначенную ей роль.

Вотирование фракцией кредитов дало тон всем руководящим инстанциям рабочего движения. Профессиональные союзы тотчас же объявили о прекращении всех забастовок за повышение заработной платы и официально довели об этом до сведения предпринимателей, ссылаясь исключительно на патриотический долг по отношению к гражданскому миру. Борьба против капиталистической эксплуатации была добровольно приостановлена на время войны. Те же самые руководители профессиональных союзов предоставили аграриям рабочую силу из города для обеспечения им своевременной уборки хлеба. Правление социал-демократического женского движения объявило о своем объединении с буржуазными женщинами для общей "национальной службы женщин", и, вместо социал-демократической агитации, направило, таким образом, единственную оставшуюся серьезную рабочую

силу на национальную благотворительность-вроде разливания супа, разделения пайка и т. д. Во времена законов, против социалистов партия старалась возможно больше использовать выборы в парламент, чтобы вопреки всем осадным положениям и всем преследованиям давать свои разъяснения и укреплять свои позиции. Сейчас социал-демократия официально отказалась при парламентских выборах в рейхстаг, при выборах в ландтаги и коммунальные советы, от всякой

избирательной борьбы, т. е., от всякой агитации и выступлений в духе пролетарской классовой борьбы и, таким образом, свела парламентские выборы к их чисто буржуазному содержанию: к собиранию мандатов, на чем она мирно объединилась с буржуазными партиями. Единомыслие социал-демократических представителей с существующим положением в ландтагах и коммунальных советах-за исключением Прусского и Эльзас-Лотаринского ландтагов-вследствие торжественного призыва к гражданскому миру, являлось резким противоречием со старой тактикой до начала войны. Социал-демократическая пресса, самое большое за двумя исключениями, громко подхватила принцип национального единства ради сохранения жизненных интересов германского народа. Перед началом войны она предостерегала рабочих от вынимания вкладов из сберегательных касс, вследствие чего она обеспечила, по мере возможности, чрезмерное вовлечение сберегательных касс в военный заем и предотвратила нарушение экономической жизни страны; она советовала работницам не сообщать своим мужьям на поле битвы о своей нужде, о нужде своих детей и о недостаточном снабжении в городе, но, наоборот, описывать свое безоблачное семейное счастье, давая "радостные

представления о полученной уже ими помощи, и действовать на воюющих успокаивающим и ободряющим образом"^[10]. Воспитательную работу современного рабочего движения она прежде всего расценивала, как прекрасное средство для ведения войны, как это видно, например, из следующего классического образчика:

"Истинные друзья познаются только в нужде. Эта старая пословица становится в настоящее время истиной. Гонимые, хулимые и преследуемые полицейскими сыщиками социал-демократы выступили, как один человек, на защиту родины, и центральные органы профессиональных союзов, жизнь которых была часто так горька в Германии, единодушно сообщают, что лучшие их люди находятся под знаменами; даже предпринимательские листки от имени генерального агентства сообщают эти факты и выражают уверенность, что "эти люди" будут исполнять свой долг так же, как и другие, и там, где они стоят, удары, быть может, будут падать чаще".

"Мы убеждены, однако, что наши дисциплинированные члены союзов могут сделать больше, чем «драться». Командование современным массовым войском для генералов не облегчилось. Вооружение современной пехоты может сразить наступающего врага на расстоянии 3.000 метров и уже наверное на расстоянии 2.000 метров, а потому для командующего делается совершенно невозможным двигать вперед большие военные части сомкнутыми походными колоннами. Предварительно должен быть образован "рассыпной строй", а развертывание в

---

¹⁰ См. статью из Нюрнбергского партийного органа, перепечатанную и "Гамбургском Эхо" от 6 октября 1914 г.

рассыпной строй требует большого количества патрулей и такой дисциплины и ясности понимания не только у отдельных отрядов, но и у каждого человека, что в этой войне, действительно, выяснится, какое большое воспитательное значение имеют союзы и как спокойно можно положиться на это воспитание в такое трудное время, какое мы переживаем сейчас. Какие бы чудеса храбрости ни проявлял русский или английский солдат, немецкий рабочий-член профсоюза-всегда превзойдет его своей смелой и спокойной находчивостью; к тому же люди из организаций часто знают дороги в пограничных областях, как свой карман, а многие члены союзов знают также и языки. Если 1866 г. показал, что победа немецких войск есть победа школьного учителя, то на этот раз можно будет говорить о победе профессионального организованного рабочего. (Франкфуртский Фольксштимме от 18 августа 1914 г.)".

Теоретический орган партии-"Нейе Цейт" (№ 23 от 25 сентября 1914 года) писал: "пока стоит вопрос — победа или поражение — все остальные вопросы отодвигаются на задний план и даже вопрос о целях войны. А также всякое различие в партиях, классах и национальностях исчезает в войске и народонаселении", а в № 8 от 27 ноября 1914 г. то же самое Нейе Цейт сообщало в статье "Границы Интернационала": "мировая война разбивает социалистов на лагеря и преимущественно на различные национальные лагеря. Интернационал не в состоянии помешать этому. Это потому, что во время войны он является плохим орудием, представляя собой, главным образом, инструмент мирного времени. — Главной исторической задачей его является борьба за мир, классовая борьба в мирное время".

Таким образом, социал-демократия объявила классовую борьбу несуществующей, начиная с 4 августа и до будущего заключения мира. С первым громом Крупповских пушек в Бельгии, Германия превратилась в волшебную страну классовой солидарности и общественной гармонии.

Но как же можно представить себе это чудо? Классовая борьба, как известно, не является изобретением или же творением социал-демократии, которое может создаваться ею в известные периоды в каких угодно дозах.

Пролетарская классовая борьба старше социал-демократии; она бродит по Европе с возникновения капитала, являясь неизбежным продуктом классового общества. Не социал-демократия толкала с самого начала пролетариат к его классовой борьбе, она была скорее сама вызвана им к жизни для того, чтобы внести сознание и единство в различные по времени и месту проявления классовой борьбы.

Что же произошло с начала войны? Разве перестала существовать частная собственность, капиталистическая эксплуатация, классовое господство? Может быть, имущие классы объявили в припадке патриотического воодушевления, что теперь перед лицом войны они уступают на все время ее продолжения средства производства, землю, фабрики, орудия производства в общее пользование, отказываются от единоличного пользования именьями, от всех политических привилегий и приносят все это на алтарь отечества, пока оно находится в опасности? Гипотеза совершенно нелепая, граничащая с ребячеством. И, однако, это единственная предпосылка, какая могла бы логически вызвать

заявление от имени рабочего класса, что классовая борьба приостановлена. Но, конечно, ничего подобного не было. Наоборот, все имущественные отношения, эксплуатация, классовое господство и даже политическое бесправие в его сложном прусско- немецком виде остались нетронутыми. В экономической, социальной и политической структуре Германии гром пушек в Бельгии и Восточной Пруссии ничего не изменил.

Прекращение классовой борьбы было, таким образом, совершенно односторонним мероприятием. В то время, как "внутренние враги" рабочего класса- капиталистическая эксплуатация и угнетение — остались, вожди рабочего класса, социал-демократия и профессиональные союзы в пылу патриотизма обезоружили рабочий класс перед лицом этих врагов на все время войны. В то время, как господствующие классы остались во всеоружии своих прав владельцев и господ, рабочий класс был призван социал-демократией "к разоружению".

Чудо классовой гармонии и объединение всех слоев народа в одно новое буржуазное общество мы видели уже однажды во Франции 1848 года.

"В воззрениях рабочих, — писал Маркс в своей книге "Классовая борьба во Франции"-которые, вообще, смешивали финансовую аристократию с буржуазией, в представлении честных республиканцев, отрицавших самое существование классовой борьбы или, уж в крайнем случае, допускавших ее, как следствие конституционной монархии, в презрительных фразах буржуазных фракций, до тех пор не допускавших к правлению — было видно господство буржуазии, создавшееся вследствие учреждения республики. Все

роялисты превратились тогда в республиканцев и все парижские миллионеры в рабочих. Лозунгом, соответствующим образовавшемуся сглаживанию классовых взаимоотношений, было Fraternite — всеобщий братский союз и братство. Эта простодушная абстракция от классовых противоречий, это сентиментальное уравнивание сталкивающихся классовых интересов, это мечтательное витание над классовой борьбой, — Fraternite было единственным лозунгом февральской революции. Парижский пролетариат витал в этом великодушном тумане братства... Парижский пролетариат, считавший республику делом своих рук, естественно одобрял каждое действие временного правительства, которое определило и его место в буржуазном обществе. Он охотно позволял Коссидьеру употреблять себя для полицейской службы, чтобы охранять собственность в Париже, и позволял Луи-Блану улаживать споры из-за заработной платы между рабочими и хозяевами. Он считал долгом своей чести сохранить незапятнанной в глазах Европы буржуазную честь республики".

В феврале 1848 года парижский пролетариат имел наивность приостановить классовую борьбу; но, надо заметить, что это было после революционного действия, разбившего июльскую монархию и учредившего республику. То, что произошло 4-го августа 1914 года, было как раз обратным февральской революции: это был отказ от классовых противоречий не под властью республики, но под властью военной монархии, не после победы народа над реакцией, но после победы реакции над народом, не после провозглашения свободы, равенства и братства, но после провозглашения осадного положения, удушения печати и приостановления

конституции. Вместе с гражданским миром и военными кредитами социал- демократия также молчаливо приняла и осадное положение, которое ее самое, связанную по рукам и ногам, положило под ноги господствующих классов. Этим она признала, что для защиты отечества необходимы осадное положение, оковы для народа и военная диктатура. Но осадное положение было направлено не против кого-нибудь другого, а против самой социал-демократии. Только с ее стороны можно было ожидать сопротивления или протестов против войны. После провозглашения, с согласия социал-демократии, гражданского мира, т.-е. прекращения классовых противоречий, тут же сама социал-демократия была объявлена на осадном положении, была объявлена война рабочему классу в самой острой форме — в форме военной диктатуры. В результате своей капитуляции социал-демократия получила то, что она получила бы в самом худшем случае своего поражения при организованном сопротивлении: осадное положение." Торжественное заявление фракции рейхстага взывает для обоснования своего вотирования кредитов к социалистическому принципу: праву на самоопределение наций. Первым шагом самоопределения немецкой нации в этой войне была смиренная рубашка осадного положения, в которую впихнули социал- демократию. Большого самоунижения партии вряд-ли запомнила история.

Приняв гражданский мир, социал-демократия отказалась от классовой борьбы на все время войны, но вместе с тем она отказалась и от базиса своего собственного существования, своей политики. Разве каждое ее дыхание не является классовой борьбой? Какую, роль может она играть теперь в течение войны,

отказавшись от смысла своего существования, пожертвовав классовой борьбой?.. Отказавшись от классовой борьбы, социал-демократия дала себе отставку на все время войны. Этим же она вырвала из своих рук самое сильное свое оружие: критику войны с точки зрения преимущественно рабочего класса. Она предоставила господствующим классам "защиту отечества" и удовлетворялась обязанностью поставлять под их команду рабочий класс и заботиться о сохранении спокойствия при осадном положении, т. е. взяла на себя роль жандарма по отношению к рабочему классу.

Своей тактикой социал-демократия тяжело повредила на гораздо более продолжительное время, чем на период настоящей войны, делу немецкой свободы, о которой по фракционной декларации должны теперь заботиться крупповские пушки. В руководящих кругах социал-демократии многое строилось на том предположении, что после войны будут дарованы рабочему классу значительные расширения демократических свобод, гражданское равноправие, в награду за его патриотическое поведение во время войны; но история еще не знает примеров, чтобы поработанные классы получали политические права "на чай" от господствующих классов за свое хорошее поведение; наоборот, история усеяна примерами возмутительных обманов господствующих классов, даже и в тех случаях, когда даются торжественные обещания перед началом войны. В действительности, социал-демократия не только не обеспечила своим поведением расширения политических свобод Германии, но, наоборот, ослабила и те свободы, которые существовали до войны. Та манера, с какой в Германии

переносилось в течение многих месяцев запрещение свободы печати, свободы собраний и общественной жизни, а также осадное положение, — без всякого протеста и даже с частичным одобрением как раз со стороны социал-демократов, не имеет ничего равного себе в истории современного общества^[11]. В Англии господствовала полная свобода прессы. Во Франции пресса далеко не была так скручена, как в Германии. Даже в России знают лишь опустошительный красный карандаш цензора, вычеркивающий оппозиционные мнения, и совершенно не знают таких приемов, чтобы оппозиционная пресса помещала готовые статьи правительства, чтобы она в собственных своих статьях защищала определенные воззрения, которые ей диктуются представителями правительства "в интимных беседах с прессой". Даже в самой Германии в течение войны 1870 года не было ничего подобного настоящему положению. Пресса пользовалась известной свободой, сопровождая военные события к сильному неудовольствию Бисмарка, довольно резкой критикой, а также оживленной борьбой мнений относительно условий войны, вопросов аннексий, конституции и т. д. Когда Иоганн Якоби был арестован, поднялось шумное негодование во всей Германии, и сам Бисмарк вынужден был признать это преступление реакции досадным недоразумением. Таково было положение Германии после того, как Бебель и Либкнехт от имени рабочего

---

¹¹ Хемницкий «Фольксштимме» писал 21 Октября 1914 года: "военная цензура в Германии гораздо приличнее и разумнее, чем в Англии; жалобы на цензуру, под которыми вероятнее всего скрывается недостаток твердой позиции по отношению к военной проблеме, лишь помогают врагам Германии распространять ложь, что Германия является второй Россией; тот, кто серьезно думает, что при существующей цензуре он не может писать по своей совести, пусть положит перо и молчит".

класса резко отклонили возможности всякого соглашения с господствующими ура-патриотами. Для того, чтобы над Германией воцарилась строжайшая военная диктатура, которая когда-либо существовала хоть у одного народа в мире, было необходимо, чтобы отечественная социал-демократия с ее четырьмя с половиной миллионами избирателей пришла к трогательному заключению гражданского мира. Тот факт, что нечто подобное возможно сейчас в Германии, что это переносится не только буржуазной, но и наиболее развитой, влиятельной социал-демократической прессой без малейшей попытки к сопротивлению, этот факт имеет громадное значение для судьбы немецкой свободы, он доказывает, что немецкое общество не имеет в себе сейчас никакой почвы для политических свобод, отдавая свою свободу так легко и без всяких возражений. Не надо забывать, что та жалкая доля политических прав, которая существовала в Германии перед началом войны, не имела крепких традиций в жизни народа, как в Англии и Франции, где политическая свобода была получена в результате большой и упорной революционной борьбы, — она являлась подарком Бисмарковской политики, после царствовавшей в течение более, чем двух столетий, контр-революции. Немецкая конституция созрела не на полях революции, но в дипломатической игре прусской военной монархии; она послужила цементом, при помощи которого эта монархия была перестроена в существующую немецкую империю. Опасности для свободного развития Германии лежат не в России, как думает фракция рейхстага, но в самой Германии. Они кроются в этом исключительно контр-революционном происхождении немецкой конституции; они лежат в тех реакционных силах

немецкого общества, которые с самого основания империи ведут борьбу против несчастной немецкой свободы. Эти силы — ост-эльбское дворянство, крупноиндустриальные дельцы, реакционный центр, огрызки немецкого либерализма, личное управление и вытекающее из всех этих фактов господство сабли и Цаберновский курс, который как раз перед началом войны праздновал свой триумф в Германии. Здесь кроется истинная опасность для культуры и "свободного развития" Германии, и все эти факторы теперь укрепляются в высшей степени вследствие войны, осадного положения и тактики социал-демократии. Правда, имеется либеральное оправдание для настоящего мертвого спокойствия Германии: ведь это только «временный» отказ в течение войны. Но политически созревший народ так же может, временно отказавшись от политических прав, вести свое существование, как живой человек может отказаться от дыхания. Народ, который всем своим поведением признает, что во время войны необходимо военное положение, выражает этим свое согласие на то, что политические свободы, вообще, могут быть отняты. Терпеливое соизволение социал-демократии на сегодняшнее осадное положение, ее вотирование без всякой оговорки кредитов и приятие гражданского мира должно действовать деморализующим образом на народные массы, являющиеся единственной поддержкой конституции; и одобряюще и укрепляюще должно оно подействовать на господствующую реакцию.

Своим отказом от классовой борьбы наша партия отрезала себе возможность действительного влияния как на ведение войны, так и на заключение мира; она бьет по лицу свою собственную официальную декларацию.

Партия, которая торжественно предостерегала от всяких аннексий т.-е. от неизбежных логических последствий всякой империалистической войны, если она окажется удачной, — одновременно с этим принимая гражданский мир, отбрасывает главные средства, при помощи которых можно мобилизовать в необходимом направлении народные массы и общественное мнение, чтобы использовать их, как действительную силу для осуществления контроля над войной и влияния, на мир. Наоборот, обеспечив гражданским миром покой в тылу у милитаризма, социал-демократия позволила ему идти своим путем, не обращая никакого внимания на чьи-либо интересы, кроме интересов господствующих классов; она освободила его необузданные внутренние империалистические тенденции, которые стремятся и должны привести к аннексиям. Другими словами, своим приятием гражданского мира и политическим разоружением рабочего класса, социал-демократия сделало свое прежнее предостережение против аннексий пустой фразой.

Это влечет за собой еще и другое следствие-удлинение войны; здесь можно прямо осязать руками те опасные сети, в которые запутывает пролетарскую политику эта распространенная сейчас догма: наше сопротивление против войны может продолжаться до тех пор, пока не наступит первая военная опасность. Как только началась война, роль социал-демократической политики сыграна и остается лишь одно:-поражение или победа, т.-е. классовая борьба приостанавливается на все время войны. В действительности же, после объявления войны, для политики социал-демократии начинается величайшая задача. Резолюция, принятая при единодушном согласии

немецкой партии и представителей профессиональных союзов Штутгартским национальным конгрессом в 1897 году и еще раз подтвержденная в Базеле в 1912 году гласит:

"Если война все же начнется, обязанностью социал-демократии является- выступить в целях скорейшего, ее окончания и, стремясь всеми силами к тому, чтобы использовать вызванный войной хозяйственный и политический кризис для пробуждения народного сознания, ускорить тем падение капиталистического классового господства".

Что делала и делает социал-демократия в этой войне? Как раз обратное постановлению Штутгартского и Базельского конгрессов: своим вотированием кредитов и приятием буржуазного гражданского мира она содействует всеми силами тому, чтобы предотвратить политический кризис и возбуждение масс против войны. Она стремится всеми силами к тому, чтобы спасти капиталистическое общество от его собственной анархии, вызванной войной, и этим она содействует беспрепятственному удлинению войны и увеличению ее жертв. Сомнительно, чтобы количество солдат, павших на поле битвы, — как не раз можно было слышать от уполномоченных рейхстага-нисколько не изменилось бы вследствие принятия или не принятия социал-демократической фракцией военных кредитов. Наша пресса защищала повсюду мнение, что мы должны открыто принять участие в "защите страны", чтобы возможно уменьшить для нашего народа его жертвы: но проводимая политика привела как раз к обратному: только вследствие патриотического поведения социал-демократии, благодаря гражданскому миру в тылу, империалистическая война смогла

беспрепятственно выпустить всех своих фурий. До этих пор страх перед внутренними беспорядками, перед недовольством бедствующего народа был постоянным кошмаром и вместе с тем хорошей уздой для господствующих классов в их завоевательных стремлениях. Известны слова Бюлова, что теперь, главным образом из страха перед социал-демократией, нужно возможно дольше избегать всякой войны. Рорбах в своей книге "Война и немецкая политика" стр. 7 говорит: "если не произойдет какой-нибудь стихийной катастрофы, то единственное, что может принудить Германию к миру, это голод из-за отсутствия хлеба". Он открыто говорит о голоде, который все более чувствительно и более заметно оповещал о себе, чтобы заставить господствующие классы принять какие-нибудь предохраняющие меры. Наконец, послушаем, что говорит выдающийся военный авторитет и теоретик войны, генерал фон-Бернгарди. В своем большом сочинении о нынешней войне он пишет:

"Итак, современное массовое войско во многих отношениях усложняет ведение войны; и кроме того, само по себе оно представляет некоторые опасные моменты, которые не следует недооценивать. Механизм такого войска настолько могуч и так сложен, что оно может быть боеспособным и исполнительным лишь тогда, когда все колесики в общем и целом работают согласованно и когда не происходит сильных и моральных потрясений в большом объеме; думать, что такие явления при постоянно изменяющейся военной обстановке не произойдут, так же трудно как и рассчитывать на исключительно удачные бои. Они, однако, могут быть преодолены, когда они происходят в ограниченном объеме. Если большие, скученные в одном

месте, массы выйдут из-под власти командования, они неизбежно впадают в паническое состояние, при котором обслуживание их в большом масштабе становится невозможным. Войсками овладевает дух анархии; такие войска не только теряют свою боеспособность по отношению к врагу, но становятся опасными для своего собственного командования и, разбивая дисциплину, нарушая ход операции, ставят таким образом командование в безвыходное положение.

Война при современном массовом войске при всех обстоятельствах является отважной игрой, предъявляющей большие требования к финансовым и материальным силам государства. При этих условиях вполне естественно, что повсюду делаются распоряжения, которые могли бы в случае начала войны содействовать ее скорейшему окончанию и прекращению того чудовищного напряжения, которое создается благодаря призыву целых наций".

Таким образом, буржуазные политики, так же, как и военные авторитеты, считают войну при современном массовом войске рискованной игрой. Это было важнейшим соображением, посредством которого можно было удержать современных властителей от начала войны, а в случае уже ее неизбежности ускорить ее окончание. Поведение социал-демократии в этой войне, которое во всяком случае было направлено к тому, чтобы смягчить "чудовищное напряжение", рассеивало эти заботы и уничтожило единственную плотину, которая могла бы противостоять бурному потоку милитаризма. Произошло нечто такое, что ни Бернгарди, ни один из буржуазных министров не могли представить себе даже в мечтах: из лагеря социал-демократии раздался лозунг «воздержания», что означало продолжение человеческой

бойни. Итак, тысячи жертв, в течение многих лет покрывавшие поля битвы, лежат на нашей совести.

VII

Но как же, несмотря на все — когда нельзя помешать объявлению войны, когда война уже началась, когда стране угрожает вражеское нашествие — как можем мы оставить без защиты нашу собственную страну и отдать ее врагу: немцев-русским, французов и бельгийцев-немцам, сербов-австрийцам? Разве социалистический принцип не провозглашает права самоопределения наций, не говорит, что каждый народ имеет право и обязан защищать свою свободу и независимость? Когда горит дом, разве не нужно сперва потушить пожар, а потом искать того, кто поджег дом? Этот аргумент о "горящем доме" сыграл в поведении социал-демократии как в Германии, так и во Франции, большую роль, он употребляется также и в нейтральных странах: в Голландии он звучит так: "когда корабль течет разве не нужно прежде всего думать о том, чтобы его законопатить".

Конечно, плох тот народ, который капитулирует перед внешним врагом, как плоха и партия, капитулирующая перед внутренним врагом. Лишь одно забыли пожарные горящего дома, что в устах социал-демократии "защита отечества" означает нечто другое, чем роль пушечного мяса под командой империалистической буржуазии. Что касается иноземного вторжения, действительно ли оно представляет из себя такое страшное явление, при котором совершенно парализуется и исчезает всякая классовая борьба внутри страны из-за опасности порабощения? По полицейским теориям буржуазного патриотизма и осадного положения, всякая классовая борьба является

преступлением против защиты страны, так как она неизбежно вызывает ослабление и разделение вооруженных сил нации. Этой бессмыслицей и позволила одурачить себя официальная социал- демократия. Однако, современная история буржуазного общества показывает на каждом шагу, что для нее чужеземное вторжение совсем не является таким страшилищем, каким она сейчас его рисует, но, наоборот, является испытанным и охотно употребляемым средством против "внутреннего врага". Разве не призывали Бурбоны и аристократы Франции к вторжению в страну против якобинцев? Разве австрийская и церковно-государственная контр-революция не призывала в 1849 году французского нашествия против Рима и русского против Будапешта? Разве партия «порядка» не грозила открыто во Франции в 1850 году нашествием казаков, чтобы сделать покорным Национальное собрание? Разве не было заключено известное соглашение 18 мая 1871 года между Жюлем Фабром, Тьером и К° и Бисмарком, по которому отпускалась в распоряжение версальского правительства пленная бонапартистская армия и оказывалась прямая поддержка прусским войскам, в целях удушения Парижской Коммуны? Для Маркса было достаточно этого исторического опыта еще за 45 лет до "национальной войны", чтобы разоблачить национальные войны современного буржуазного государства, как мошенничество. В своем известном адресе Генеральному Совету Интернационал по поводу падения Парижской Коммуны он говорит:

"То, что после самой упорной войны последнего времени побежденная и победившая армии объединились для совместного удушения

пролетариата-это неслыханное явление показывает не окончательное угнетение, как думает Бисмарк, развивающегося нового общества, но полное распадение старого буржуазного общества. Национальная война, представлявшая собой высочайший героический подъем, на которое было еще способно старое общество, является сейчас чисто правительственным обманом, который не имеет никакой другой цели, кроме сглаживания классовой борьбы и который прекращается, как только классовая война переходит в гражданскую войну. Классовое господство уже не в состоянии больше скрывать себя под национальным мундиром. Национальные правительства объединяются против пролетариата".

Вторжение и классовая борьба не являются, таким образом, в буржуазном обществе противоречием, как можно было бы заключить из официальной легенды, но первое является средством и выразителем второй; и если для господствующих классов иностранная интервенция является испробованным средством против классовой борьбы, то, наоборот, у развивающихся классов обостренная классовая борьба является чуть ли не лучшим средством против интервенции. Уже на пороге новой истории бурная, полная внутренних переворотов и внешних столкновений, история итальянских городов, история Флоренции, Милана с их вековой борьбой против Гогенштауфенов, показывает, что напряжение и острота внутренней классовой борьбы не только не ослабляет силу сопротивления целого внешнему врагу, но, наоборот, загоревшееся на почве этой вражды пламя достаточно сильно, чтобы оказать сопротивление каждому вражескому нашествию извне. Классическим примером для всех времен является Великая

французская революция. Слова "враг кругом" никогда не были так справедливы, как во Франции в 1793 году по отношению к сердцу "Франции-Парижу. Если Париж и Франция не были тогда задавлены бурным потоком коалированной Европы, вторжениями со всех сторон, но, наоборот, с развитием беспримерной борьбы, с возрастанием опасностей и вражеских нападений, продолжали оказывать им все более и более возрастающее сопротивление, разбивая на голову новые коалиции врага своим неисчерпаемым мужеством, то это могло происходить лишь благодаря безграничному развитию внутренних сил общества при резких классовых противоречиях. Сейчас из перспективы целого столетия становится ясным, что только обостренные проявления этих противоречий, только диктатура Парижского народа и его беспощадный радикализм были в состоянии вызвать из недр нации те средства и силы, которые были необходимы, чтобы укрепить и защитить зародившееся буржуазное общество против бесчисленных врагов: против интриг династии, против изменнических махинаций аристократов, воззваний духовенства, восстания в Вандее, предательства генералов и сопротивления шести департаментов и провинциальных крупных городов, а также против объединенных войск и флотов монархической Европы. Столетия свидетельствуют, что не осадное положение, но беспощадная классовая борьба, заставляющая бодрствовать в народных массах чувства собственного достоинства, самопожертвования и нравственной силы, являются лучшей защитой и лучшим оружием страны против внешнего врага.

Такое же трагическое *qui pro quo* происходите социал-демократией, когда она для обоснования своей

позиции в этой войне взывает к праву самоопределения наций. Правда: социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу на самостоятельное определение своей собственной судьбы, но было бы настоящей насмешкой над социализмом, если бы теперешние капиталистические государства выступили, как выразители этого права на самоопределение. В каком же из этих государств нация до сих пор определяла форму и условия своего национального политического и социального существования?

Что представляет собой самоопределение немецкого народа и чего он хочет — об этом заявили, за это боролись демократы 1848 года и передовые борцы немецкого пролетариата — Маркс, Энгельс, Лассаль, Бебель и Либкнехт:—велико-германская республика. За этот идеал, пролили свою кровь мартовские борцы в Вене и Берлине; для осуществления этой программы желали Маркс и Энгельс в 1848 году войны с русским царизмом. Первым требованием для выполнения этой национальной программы была бы ликвидация "кучи гнилья", называемой Габсбургской монархией, и исчезновение прусской военной монархии вместе с двумя дюжинами карликовых германских монархий. Поражение немецкой революции и предательство, немецким бюргерством своих собственных демократических, идеалов привели к господству Бисмарка и его творению—современной великой Пруссии с двадцатью маленькими, отечествами под одной каской, называющей себя германской империей. Настоящая Германия возникла на могиле мартовской революции, на развалинах национального права самоопределения немецкого народа. Настоящая война имеющая своей целью, на ряду с сохранением Турции, также и сохранение Габсбургской

монархии и укрепление Прусской военной монархии, является вторичными похоронами как павших в мартовской революции, так и национальной немецкой программы. И действительно, чертовски ядовитой насмешкой истории является то, что социал-демократы, наследники немецких патриотов 1848 года, выступают в этой войне со знаменем права самоопределения нации в руках. А разве Третья республика с ее колониальными владениями в четырех странах и колониальными трениями в двух других частях света, представляет собой самоопределение французской нации? Или же им является Британская империя с ее Индией и господством миллиона белых над пятью миллионами черных в южной Африке? Может быть это царизм или Турция? Только у буржуазных политиков для которых господствующие расы составляют человечество а господствующие классы-нацию, может, вообще, идти речь о национальном самоопределении колониального государства. В социалистическом смысле этого понятия одна нация не может быть названа свободной, если ее государственное основание покоится на порабощении других народов, т. к. колониальные народы тоже считаются за народы и тоже состоят членами государства. Интернациональный международный социализм признает право на самоопределение свободных независимых равноправных наций, но только он сам может создать эти нации, только он может осуществить право на самоопределение народов. Лозунг социализма является, как и все другие лозунги, не обожествлением существующего, но путеводителем и двигателем революционной творческой активной политики пролетариата. Пока существуют капиталистические государства и пока империалистическая мировая политика определяет и

создает внутреннюю и внешнюю жизнь государств, право наций на самоопределение не имеет ничего общего ни с военной ни с мирной практикой этих государств.

И даже более: при современном империалистическом строе не может быть более национальных оборонительных войн, а потому и всякая социалистическая политика, которая, не обращая внимания на определенную историческую обстановку, хочет исходить в мировом вихре от изолированной точки зрения какой-нибудь страны, строится заведомо на песке.

Мы уже пытались показать оборотную сторону настоящего столкновения Германии с ее противниками. Было необходимо ярче осветить отдельные пружины и внутренние сцепления настоящей войны, т. к. в позиции нашей фракции рейхстага и нашей прессы решающую роль играла защита свободы и культуры Германии. Поэтому на фактах истории нужно было установить, что дело идет о превентивной войне, в течение многих лет подготовлявшейся немецким империализмом и сознательно вызванной немецкими и австрийскими дипломатами летом 1914 года; и поэтому при общей оценке мировой войны и ее значения для классовой политики пролетариата-вопрос защиты или нападения, вопрос о виновных совершенно не имеет значения; если относительно Германии можно еще кое-как говорить о самозащите, то этого ни в коем случае нельзя сказать о Франции и Англии, они защищают не свои национальные, но свои мировые позиции, защищают свое империалистическое достояние от нападков немецкого выскочки. Если патрули немецкого и австрийского империализма на востоке несомненно зажгли мировой пожар, то французский империализм, проглотивший

Марокко, английский, подготовлявший грабеж в Месопотамии и Аравии, а также все условия для обеспечения своего насильнического господства в Индии, русский, направлявший свою балканскую политику на Константинополь, шаг за шагом собирали и нагромождали со своей стороны горючий материал для этого пожара. Если военные вооружения и играли какую-нибудь существенную роль, как пружины развивавшейся катастрофы, то они обуславливались соревнованием всех государств в вооружении. И если Германия своей Бисмарковской политикой 1870 года положила первый камень в борьбе вооружений, то эта политика была вдохновлена двумя империями и вызвана военными колониальными авантюрами Третьей республики при расширениях в восточной Азии и Африке.

Французские социалисты, вследствие своих иллюзий о национальном освобождении, а также на основании самих фактов были убеждены что французское правительство так же, как и весь народ, не имело никаких военных поползновений в июле 1914 года. "Во Франции сейчас все честно и прямо, безоговорочно и открыто за мир", свидетельствовал Жорес накануне войны в своей последней речи в Брюссельском народном доме. Этот факт совершенно правилен и делает совершенно понятным то негодование, которым разразились французские социалисты, когда их отечеству была навязана преступная война. Но для объяснения мировой войны, как исторического явления, и для определения отношения к ней пролетарской политики, этот факт недостаточен. История возникновения настоящей войны началась не с июля 1914 года, но десятки лет тому назад, в течение которых с необходимостью естественного закона связывались нити

за нитями, пока густая сеть империалистической мировой политики не опутала пять частей света, пока не создан могучий исторический комплекс явлений, корни которого коренятся в пучинах экономического существования, верхние же ветви которого простираются в неясно брезжущий новый мир, — явлений, в грандиозности которых растворяются понятия о вине и искуплении, о защите и нападении.

Империалистическая политика не является делом какого-нибудь одного или же нескольких государств; она есть продукт определенной степени зрелости мирового развития капитала, одним из международных явлений, неделимым целым, которое можно познать только во всех его переменчивых взаимоотношениях и избежать которого не может ни одно отдельное государство.

Только с этой точки зрения может быть правильно оценен вопрос "национальной самообороны" в теперешней войне. Национальное государство, национальное единство и независимость были идеологическим щитом, под которым организовались в прошлом столетии буржуазные великие державы средней Европы. Капитализм не мог удовольствоваться малыми государствами при их хозяйственном и политическом разграничении; он нуждался для своего развития в возможно большей внутренне замкнутой области и в духовной культуре, без чего нельзя было ни поднять общественные потребности на уровень, соответствующий капиталистическому производству, ни заставить правильно функционировать механизм современного буржуазного классового господства. Прежде чем капитализм сумел вырости для мирового хозяйства, он пытался создать себе такую замкнутую область в национальных государственных границах. Эту программу,

осуществить которую на политической и национальной арене, занятой средневековым феодализмом можно было только революционным путем, осуществила одна Франция своей великой революцией; в остальной Европе она, как и вообще все буржуазные революции, осталась незаконченной, остановилась на полуслове... Немецкая Империя и сегодняшняя Италия, состояние Турции и Австро- Венгрии в настоящее время, русская Империя и британская мировая Империя, являются живым доказательством этого. Национальная программа играла историческую роль, лишь как идеологическое выражение развивающейся и стремящейся к государственной власти буржуазии, пока буржуазное классовое господство, еще не достаточно укрепившееся в великих державах средней Европы, не создало на ее основе необходимых для себя условий и орудий.

С тех пор империализм похоронил старую буржуазную демократическую программу, возведя в программу буржуазии всех стран расширение за национальные границы и независимо от национальных отношений. Националистические фразы, конечно, остались, но их реальное содержание и их функции превратились в свою противоположность; они еще служили прикрытием для империалистических стремлений, как боевой клич империалистического соперничества, как единственное оставшееся идеологическое средство, при помощи которого народные массы могут быть принуждены к их роли пушечного мяса в империалистической войне. Общая тенденция современной капиталистической политики господствует, как могучий слепой закон над политикой отдельных государств, так же, как закон хозяйственной

конкуренции властно определяет условия производства отдельных предпринимателей.

Если мы хоть на минуту допустим, — чтобы исследовать фетиш национальной войны, господствующий сейчас над политикой социал-демократии-что в каком-нибудь из существующих государств война, действительно, имеет своим исходным пунктом чисто национальную самозащиту, то мы должны будем признать, что военный успех прежде всего должен привести к занятию чужой области. При существовании высоко-развитых капиталистических групп, заинтересованных в империалистических завоеваниях, в ходе войны сам собой развивается аппетит к расширению; империалистическая тенденция в начале войны, находившаяся в зародыше или же дремавшая, становится сама двигающей пружиной и определяет характер войны, ее цели и ее следствия; система военных союзов, практикуемая в течение столетий в политических взаимоотношениях государств, приводит к тому, что в ходе войны каждая борющаяся сторона старается привлечь на свою сторону-в целях защиты-своих союзников. Вследствие этого все большее количество стран втягивается в войну и этим неизбежно создается и поддерживается империалистический кризис мировой политики. Так, с одной стороны, Англия поставила перед Японией вопросы Китая, вызвала соперничество между ними, перекинула войну из Европы в восточную Азию и, раздув огонь в С. Штатах и Японии, подготовила материал для будущих конфликтов. С другой стороны, Германия втянула в войну Турцию, вследствие чего поставила непосредственно перед ликвидацией вопросы о Константинополе, о всех Балканах и Малой Азии. Кто не понял, что мировая война

в своих основаниях и исходных пунктах была чисто империалистической, тот должен убедиться теперь в процессе ее развития, что война при настоящих условиях неизбежно должна превратиться в процесс империалистического мирового раздела. Да так и должно было бы быть с самого первого момента ее существования. Постоянно колеблющееся равновесие сил между борющимися сторонами заставило каждую из них, уже из чисто военных соображений, чтобы укрепить свои позиции и избежать новых врагов, стремиться взять в свои руки нейтральные державы, обещая крупные барыши, как для народов, так и для государств. Посмотрите, с одной стороны, немецко-австрийские, с другой англо-русские «воззвания» в Италии, Румынии, Греции и Болгарии. Якобы "национальная оборонительная война" приводит к таким поразительным результатам, что даже незаинтересованным государствам дает возможность получить всеобщее расширение владений и влияния, и даже в определенном направлении; наконец, тот факт, что все капиталистические государства имеют колониальные владения, которые втягиваются в войну-пусть даже она будет начата, как "национальная оборонительная война" — уже исключительно из военных соображений, и что каждое воюющее государства старается оккупировать колонии противника, или по крайней мере, возбудить там восстание; например, захват немецких колоний Англией и попытка возбудить "священную войну" в английских и французских колониях; этот факт превращает немедленно и автоматически каждую современную войну в империалистический мировой пожар.

Таким образом, само понятие о скромной, добродетельной, оборонительной, отечественной войне,

парящее перед глазами наших парламентариев и редакторов, является чистой фикцией, которую должно отбросить всякое историческое понимание существующего в совокупности его мировых взаимоотношений. Характер войны определяется не торжественными декларациями, и не добрыми намерениями руководящих политиков, но соответствующим историческим положением общества и его военных организаций.

Схема чисто — национальной оборонительной войны была бы возможна на первый взгляд в такой стране, как Швейцария. Но Швейцария не является национальным государством и поэтому не может служить примером современных государств. Как раз ее "нейтральное существование" и роскошь милиционной системы, которую она себе позволяет, являются отражением того военного состояния, в котором находятся окружающие ее великие державы, и может существовать лишь до тех пор, пока она примиряется с этим состоянием. Пример Бельгии показывает, насколько легко может быть такой нейтралитет в мировой войне растоптан сапогом империализма. Теперь мы специально остановимся на положении малых государств. Классический пример национальной борьбы представляет сейчас Сербия. Если какое-нибудь государство, по всем формальным признакам, имеет право на национальную самозащиту, то это Сербия. Австрийская аннексия нарушила ее национальное единство, Австрия угрожает ее национальному существованию, Австрия вовлекла ее в войну, а потому Сербия со всех точек зрения ведет истинную оборонительную войну за существование, свободу и культуру своей нации, и если права немецкая

социал-демократическая фракция с ее точкой зрения, то сербские социал-демократы, протестуя в Белградском парламенте против войны и отвергая военные кредиты, явились как будто бы предателями жизненных интересов своей собственной страны. В действительности сербы, Лапшевич и Кацлеролич не только вписали свои имена золотыми буквами в историю международного социализма, но вместе с тем проявили ясное историческое понимание истинных взаимоотношений войны, вследствие чего они оказали лучшую услугу своей стране и пробуждению сознания своего народа. Сербия во всяком случае ведет формально национально-оборонительную войну, но тенденции к расширению ее монархии и ее господствующих классов, подобно стремлениям господствующих классов других современных государств, выходят за пределы национальных границ и приобретают вследствие этого наступательный характер. Тенденции Сербии направляются на берега Адриатики, где она завела с Италией чисто империалистическое соревнование за спиной Албании, исход которого, помимо Сербии, зависит от великих держав. Суть в том, что позади сербского национализма стоит русский империализм. Сама Сербия есть шахматная фигура на доске мировой политики, и осуждение войны в Сербии, пренебрегающее этими взаимоотношениями за кулисами общей мировой истории, должно было повиснуть в воздухе. Как раз то же самое относится к последней балканской войне. С формальной изолированной точки зрения, балканские государства защищали свои исторические права и проводили старую демократическую программу своего государства. С точки же зрения реальных исторических взаимоотношений война на Балканах, превратившихся в

фокус и спорный пункт империалистической мировой политики, была лишь частью целого, звеном в последовательной цепи тех событий, которые с фатальной необходимостью подготовляли настоящую мировую войну. Международная социал-демократия устроила балканским социалистам горячую овацию в Базеле за их решительный отказ от морального и политического содействия в балканской войне и за разоблачение ее истинной физиономии, и тем заранее осудила поведение французских и немецких социалистов в настоящей войне.

В таком же положении, как балканские государства, находятся сейчас все малые государства, например, хотя бы Голландия. "Когда корабль дал течь, нужно прежде всего думать о том, чтобы его законопатить". В самом деле, о чем может быть речь в маленькой Голландии, как не о чисто национальной самозащите, о защите существования и независимости страны? Если рассматривать лишь намерения голландского народа и даже его господствующих классов, то, действительно, вопрос идет о чисто-национальной самозащите, но пролетарская политика, основанная на историческом понимании, не может удовлетворяться лишь субъективными намерениями отдельной страны; она должна ориентироваться в общем комплексе мирового политического положения. Также и Голландия, хочет она этого или нет, является лишь маленьким колесиком во всем механизме теперешней мировой политики и дипломатии. Это станет тотчас же ясно, если Голландия будет вовлечена в поток мировой войны. Во-первых, ее противники постараются направить первый удар на ее колонии; вследствие этого военные действия Голландии, направленные на со хранение существующих владений,

на ряду с защитой национальной независимости коренного населения на Северном море, направляются также и на защиту эксплуатируемых ею областей на Малайском и Остиндском Архипелаге. Но этого недостаточно; предоставленный самому себе милитаризм Голландии был бы разбит в потоке мировой войны, как ореховая скорлупа. Голландия должна будет- хочет она этого или не хочет — стать членом одной из, борющихся коалиций и сделаться орудием и носительницей чисто империалистических тенденций этой страны.

Таким образом, характер войны в отдельных странах определяет все та же историческая обстановка современного империализма, и эта обстановка такова, что она делает совершенно невозможными в настоящее время исключительно оборонительные войны.

Еще несколько лет тому назад Каутский писал в своей брошюре: "Патриотизм и социал-демократия", Лейпциг 1907 г.

"Если патриотизм буржуазии и патриотизм пролетариата являются понятиями совершенно различными и даже противоположными, то все-же бывают положения, при которых и тот и другой патриотизм могут объединиться для общего действия, даже оставаясь враждебными друг другу. Буржуазия и пролетариат одной и той же нации имеют одинаковые интересы в сохранении их независимости, в устранении и предупреждении всяких попыток подавления и эксплуатации со стороны чужой нации. При национальных войнах, которые вытекают из подобных побуждений, патриотизм пролетариата всегда объединяется с патриотизмом буржуазии. Однако, с тех пор, как пролетариат стал силой, представляющей

опасность для господствующих классов при каждом серьезном потрясении государства, с тех пор, как в конце каждой войны может разразиться революция, как это доказала Парижская Коммуна 1871 г. и русский терроризм после русско-турецкой войны, с тех пор буржуазия даже тех наций, которые недостаточно самостоятельны или совсем не самостоятельны, фактически отказывается от национальных целей, если их можно достигнуть только свержением правительства, так как она больше боится и ненавидит революцию, чем любит и ценит самостоятельность и величие нации. Поэтому буржуазия отказалась от самостоятельности Польши и позволяет существовать таким прогнившим насквозь государственным образованиям, как Австрия и Турция, которые должны были бы исчезнуть уже поколение тому назад. Поэтому существующие в цивилизованных странах Европы национальные проблемы, которые сейчас могут разрешиться лишь войной или революцией, могут быть окончательно устранены лишь после победы пролетариата. Тогда, благодаря интернациональной солидарности, они примут совсем другой вид, чем они имеют сейчас в обществе эксплуатации и угнетения. Пролетариат капиталистических государств в своей практической борьбе не должен более ими заниматься и должен посвятить свои силы другим задачам". (Стр. 12–14).

"Между тем возможность того, что патриотизм пролетариата и буржуазии когда-либо объединятся для защиты свободы народа, исчезает все более и более. Французская буржуазия соединилась бы с царизмом. Россия, ослабленная революцией, не представляла бы более опасности для свободы Западной Европы. При таких обстоятельствах нигде нельзя ожидать войны,

защищающей свою национальную свободу, в которой соединились бы пролетарский и буржуазный патриотизм". (Стр. 16).

"Мы уже видели, что противоречия, которые в 19-м столетии могли заставить еще многие свободные народы выступить с войной против своих соседей, перестали существовать. Мы видели, что современный милитаризм даже и в отдаленной степени, является уже не защитником народных интересов, но защитником прибыли, — не гарантией независимости и неприкосновенности собственного своего народа, на которые никто не покушается, но гарантией для расширения заморских завоеваний, которые отвечают лишь требованиям капиталистической при-были. Нынешние противоречия между государствами уже не могут более вызвать войны, которой не противостоял бы самым решительным образом пролетарский патриотизм". (Стр. 23).

Почему же от всего этого отказалась социал-демократия в своем отношении к настоящей войне. Но могла ли она, однако, заявить: раз эта война является империалистической войной, раз это государство не имеет ничего общего с правом на самоопределение и идеальной национальностью, то мы им совершенно не интересуемся и готовы отдать его в руки врагу? Пассивное отношение к происходящему не может определять собой тактику такой революционной партии, как социал-демократия. Роль социал-демократии, как передового авангарда борющегося пролетариата, заключается не в том, чтобы выступать на защиту существующего классового государства, и не в том, чтобы молчаливо отойти в сторону, пережидая окончания бури, но в том, чтобы проводить

самостоятельную классовую политику, которая при каждом крупном кризисе буржуазного общества толкает вперед господствующие классы и доводит кризис до его крайних границ; следовательно, вместо того, чтобы прикрывать империалистическую войну плащом национальной самообороны, следовало серьезно отнестись к праву самоопределения народов и выступить с этим лозунгом, как с революционным рычагом, против империалистической войны. Элементарнейшим требованием национальной защиты является ведение войны самим народом; первый шаг к этому — народная милиция, т. е. не только немедленное вооружение всего взрослого мужского народонаселения, но прежде всего право решения народом вопросов войны и мира т. е., как основа для национальной самозащиты — необходима политическая свобода. Первой задачей социал-демократии было провозглашение этого действительного способа самозащиты и настаивание на его осуществлении. В течение сорока лет мы доказываем господствующим классам и народным массам, что только народная милиция в состоянии защищать наше отечество и сделать его непобедимым; а теперь, когда впервые наступило большое испытание, мы передаем защиту нашей страны, как нечто само собой разумеющееся, в руки постоянного войска, представляющего из себя пушечное мясо под командой господствующих классов. Наши парламентарии, очевидно, совсем не заметили, что, провозглашая в поле это пушечное мясо "горячими пожеланиями", как истинную защиту отечества, уступая без всяких оговорок королевско-прусскому войску роль действительного спасителя отечества в час величайшей опасности, они отказываются от главного пункта нашей программы: от народной милиции; превращают в

прах фактическое значение нашей сорокалетней антимилитаристской агитации, делают его доктринерской утопией, в которую не будет верить ни один человек^[12].

Иначе понимали защиту отечества учителя международного пролетариата. Когда пролетариат в осажденном Пруссией Париже взял в 1871 г. власть в свои руки. Маркс писал, воодушевленный этим событием:

"Париж-центр и столица старой монархии и исторический центр французского рабочего класса. Париж поднял оружие против попытки г-на Тьера и поддерживающего его дворянства установить и увековечить старую правительственную власть, перешедшую к ним от империи. Париж мог лишь оказать сопротивление, так как, вследствие осады, армия была распущена и вместо нее была создана национальная гвардия, составленная, главным образом, из рабочих. Эта реформа сейчас же была закреплена официально. Первый декрет Коммуны был об упразднении постоянного войска и о замене его вооруженным народом... Если Коммуна была истинной защитницей всех здоровых элементов французского общества и к тому же действительно — национальным правительством, то

---

¹² "Если несмотря на это социал-демократическая фракция рейхстага единогласно одобрила сейчас военные кредиты", — писал Мюнхенский партийный орган от 6 августа-если она проводила горячими пожеланиями успеха всех отправлявшихся на защиту немецкой империи, то это не был тактический ход, это было вполне естественное следствие поведения партии, которая всегда была готова поставить народное войско в целях обороны страны на место старой системы, которая казалась ей скорее выразительницей классового господства, чем защитницей нации против дерзких нападений.

Казалась... В "Нейе Цейт" эту войну называют открыто народной войной, возводя постоянное войско в "народное войско" (№ 20–25 авг. — сент. 1914 г.) — Социал- демократический военный журналист Гуго Шульц прославляет в военном отчете от 74 августа "сильный милиционный дух", который "живет в Гогенцоллернской армии".

одновременно она была, защитницей рабочего класса и смелым борцом за освобождение труда, а потому она была в полном смысле слова международна. На глазах прусской армии, аннексировавшей в интересах Германии две французские провинции, аннексировала Коммуна симпатии рабочих всего мира в интересах Франции". (Адрес Генерального Совета Интернационала).

А как думали наши старые учителя о роли социал-демократии в такой войне, как настоящая? Фридрих Энгельс так писал в 1892 году относительно основной линии политики, которую должны проводить пролетарские партии в большой войне:

"Война, при которой русские и французы могли бы вторгнуться в Германию, явилась бы для Германии войной на жизнь и смерть, и она могла бы обеспечить свое национальное существование лишь применением революционных методов.

Теперешнее правительство, если оно не будет к этому вынуждено, вряд-ли даст выход для революции, но мы имеем сильную партию, которая может его к этому принудить, или же в случае необходимости его низложить — социал — демократическую партию.

Мы не забыли великого примера, который нам дала Франция в 1793 г. Столетний юбилей 1793 г. приближается. Если завоевательный пыл царя и шовинистическое нетерпение французской буржуазии задержат победоносное, но миролюбивое шествие вперед немецких социалистов, то последние-будьте в этом уверены-готовы доказать миру, что современные немецкие пролетарии не уступят французским санкюлотам и что 1893 год может стать рядом с 1793 г.,

и если иноземные солдаты поставят ногу на немецкую землю, их встретят словами марсельезы:

Quoi, ces cohortes etrangeres

Feraient la loi dans nos foy

Как эти чужие когорты

Будут писать нам законы у наших очагов?

Коротко и ясно. Мир обеспечивает победу немецкой социал-демократии приблизительно в течение 10 лет. Война принесет ей или победу в течение 2–3 лет, или полное разрушение по крайней мере на 15–20 лет".

Энгельс, когда писал, представлял себе дело совсем иначе, чем оно сложилось сейчас. Перед его глазами еще стояла царская империя, тогда как мы пережили с тех пор большую русскую революцию. Он думал о действительной национальной оборонительной войне Германии, на которую нападают одновременно с востока и запада; он, наконец, переоценил зрелость общественных взаимоотношений Германии и возможность социальной революции, как вообще истинные бойцы имеют привычку переоценивать темп развития. Из всех его положений явствует, что Энгельс под национальной защитой, в смысле социал-демократической политики, понимал не поддержку прусско-юнкерского военного правительства и его генерального штаба, но революционные действия по примеру французских якобинцев.

Да, социал-демократы обязаны защищать свою страну в момент большого исторического кризиса. И тяжкая вина социал-демократической фракции рейхстага заключается в том, что, заявив торжественно в своей

декларации от 4 августа 1914 г.: "мы не оставим под ударами наше отечество в час опасности", они тотчас же нарушили свое слово.

Они в час величайшей опасности оставили под ударами свое отечество. Первым их долгом по отношению к отечеству в тот час было: показать истинную подоплеку этой империалистической войны, разорвать сеть патриотической, империалистической лжи, при помощи которой опутывали обманом отечество; громко и внятно заявить, что для немецкого народа в этой войне равнозначущи и война и поражение; самым решительным образом противиться зажатию отечества в тиски осадного положения, провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и участия народа в решении вопросов войны и мира; требовать со всей настойчивостью продления заседания народных представителей на время всей войны, чтобы обеспечить контроль народных представителей над правительством и контроль народа над народными представителями; требовать немедленного устранения всех ограничений политических прав, так как только свободный народ может защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе, направленной на сохранение Австрии и Турции, т. е. реакции в Европе и в Германии, старую действительно национальную программу патриотов и демократов 1848 года, программу Маркса, Энгельса и Лассаля — лозунг единой великой немецкой республики. Это знамя должно было быть выдвинуто впереди страны, действительно национальное, действительно свободное, отвечающее как лучшим традициям Германии, так и международной классовой политике пролетариата.

Великий исторический час мировой войны решительно требовал политического руководства, дальновидной и широкой политики, превосходного ориентирования в стране, что способна была выполнить лишь одна социал- демократия. Вместо этого последовала печальная, беспримерная капитуляция парламентских представителей рабочего класса, имевших слово в этот момент. Благодаря своим руководителям социал-демократия не проводила даже дурной политики, она просто не проводила никакой политики, она просто вычеркнула себя, как классовую партию, имеющую собственные воззрения, предала без всякой критики страну на волю ужасающих случайностей империалистической войны извне и военной диктатуры внутри и, кроме того, взвалила на себя ответственность за войну. Декларация фракции рейхстага говорит, что она лишь согласилась отпустить средства для защиты страны, отклонив от себя ответственность за войну. Но это противоречит правде: средства для этой «защиты», т. е. для империалистической бойни, производимой войсками империалистической монархии, социал-демократия совсем не должна была вотировать, так как ассигнование этих средств ми в коем случае не зависело от согласия социал- демократии. Ей, как меньшинству, противостояло компактное большинство, составлявшее три четверти буржуазного парламента. Своим добровольным соглашением социал-демократическая фракция достигла лишь одного: демонстрации единства всего народа в войне, провозглашения буржуазного мира, т.- е. прекращения классовой борьбы, прекращения оппозиционной борьбы социал- демократии по отношению к войне, т.-е. участия в Моральной ответственности за войну. Своим

добровольным вотированием средств она наложила на эти военные действия штемпель демократической защиты отечества и таким образом поддерживала обман и выдавала неправильное руководство массами за истинно необходимые условия и задачи отечественной самозащиты.

Таким образом, трудная дилемма между интересами отечества и между народной солидарностью, тот трагический конфликт, который наши парламентарии с "тяжелым сердцем" разрешили в пользу империалистической войны, был лишь простым воображением, буржуазной националистической фикцией. Отечественные и классовые интересы пролетарского Интернационала находятся как при войне, так и при мире в полной гармонии. Те и другие требуют энергичного развертывания классовой борьбы и упорной защиты социал-демократической программы.

Что же должна была сделать наша партия, чтобы выразить свою оппозицию против войны и свои требования? Должна ли она была провозгласить всеобщую стачку или же призвать солдат к отказу от службы? Так обыкновенно ставится вопрос. Утвердительный ответ на эти вопросы был бы так же забавен, как если бы партия решила: когда начнется война, мы сделаем «революцию». Революции не «делаются», и большие народные движения не вынимаются из кармана по техническим рецептам партийных инстанций. Маленькие кружки заговорщиков могут в определенный день и час «подготовить» выступление, могут дать сигнал двум дюжинам своих последователей «выступить» в определенный момент. Массовые движения в великие исторические моменты не могут быть руководимы подобными примитивными

способами. Хорошо «подготовленная» массовая стачка может при известных обстоятельствах, когда партийные руководители дают ей сигнал, жалко провалиться или распаться при первой же попытке провести ее в жизнь. Наступление больших народных движений и массовых действий в той или другой форме может быть вызвано лишь совокупностью экономических, политических и психических факторов: существующим напряжением классовых противоречий, степенью сознательности, зрелостью боевого настроения масс, т.-е. факторами, которых невозможно перечислить, и которые ни одна партия не может вызвать искусственно. Здесь лежит разница между крупными кризисами истории и маленькими народными выступлениями, которые хорошо дисциплинированная партия может легко проводить в мирное время под дирижерскую палочку «инстанций». Исторический момент вызывает каждый раз соответствующую форму народного движения и сам создает себе новые, изобретает неизвестные до сих пор средства борьбы, определяет и обогащает арсенал народа, не заботясь о всевозможных предписаниях партий.

Вожди социал-демократии, как передового авангарда классово-сознательного пролетариата, должны были давать не смешные предписания или рецепты технического характера, но политические лозунги, вносить ясность в понимание политических задач и интересов пролетариата во время войны. О каждом массовом движении можно сказать то же самое, что было сказано о массовых забастовках в России.

"Если руководство массовыми забастовками в смысле определения их начала, — есть дело самого революционного периода, то социал-демократии в лице

ее руководящих органов принадлежит руководство совсем иного характера. Вместо того, чтобы ломать голову над механизмом массового движения, социал-демократия призвана вести политическое руководство даже и в периоды исторических кризисов. Давать лозунги, направляющие борьбу, определять тактику политической борьбы таким образом, чтобы в каждой фазе, в каждый момент вся сумма имеющихся и уже свободно-действующих сил пролетариата была бы реализована и находила бы свое выражение в боевой позиции партии; чтобы тактика социал- демократии по своей решительности и своей резкости не только не стояла бы ниже уровня существующего взаимоотношения сил, но значительно превышала бы его- вот важнейшая задача «руководства» в большие исторические кризисы. Это руководство само собой превращается до известной степени в руководство техническое. Последовательная, решительная, стремительная тактика социал- демократии вызывает в массах чувство уверенности, доверия, жажду, борьбы; колеблющаяся, слабая, основанная на недооценке сил пролетариата, тактика парализует массы и приводит их в замешательство. В первом случае массовые действия происходят "сами собой" и всегда во-время, во втором-прямые приказания руководящих организаций к массовым выступлениям часто остаются безрезультатными"^[13].

Что дело не во внешней, технической форме действия, но в его политическом содержании, видно хотя бы из того примера, что парламентская трибуна, единственно свободное, далеко слышное, имеющее

---

¹³ Р. Люксембург. Массовые стачки, партия и профессиональные союзы. Гамбург, 1907 г.

мировое значение, средство агитации, лишь тогда превратилась бы в могучее орудие народного пробуждения, если бы она была использована социал-демократическими представителями для того, чтобы громко и внятно формулировать интересы, задачи и требования рабочего класса в этом кризисе.

Осуществят ли массы своей энергией эти лозунги социал-демократии? Никто не может сказать этого наверное. Но это также-не самое главное. Ведь отпустили же наши парламентарии "с полным доверием" генералов прусско-германского войска на войну, не требуя от них перед разрешением кредитов никакого обеспечения в том, что они непременно победят, и что не будет никаких поражений. То, что верно для военных армий, то верно и для революционных армий: они принимают битву там, где она им предоставляется, не зная заранее ее результатов. В самом худшем случае призыв партии не произвел бы никакого видимого действия. Да, наградой за мужественное поведение нашей партии были бы, вероятнее всего, новые преследования, бывшие также наградой для Бебеля и Либкнехта в 1870 году. "Но какое это имеет значение"? — простодушно сказал Игнац Ауер в своей речи о праздновании Седана в 1895. — "Партия, которая хочет завоевать мир, должна высоко держать свои принципы, без оглядки на то, какие опасности это повлечет за собой; если бы она поступила иначе-она бы погибла".

"Плыть против течения всегда нелегко", — писал старый Либкнехт-"когда же поток несется с бешеной быстротой и яростью Ниагары, тогда это тем более нелегко".

"Старые товарищи еще помнят травлю социалистов в год величайшего национального позора-позора закона против социалистов-1878 год. Миллионы видели тогда в каждом социал-демократе убийцу и преступника, как в 1870 году- смертельного врага и предателя отечества. Такие проявления "народной души" имеют в себе нечто смущающее, поражающее, давящее. Чувствуешь себя бессильным против какой-то высшей силы, осуждающей и исключаящей всякие сомнения. Нет никакого видимого соперника. Есть что-то в роде эпидемии-в людях, в воздухе, везде.

Это явление в 1878 году по своей силе и злобности далеко не может сравниться с 1870 годом. К урагану человеческой ненависти, который ломал, валил и разбивал все, до чего он дотрагивался, присоединялась еще жестокая механика милитаризма в его полной, ужасающей деятельности. Мы находились в круговороте железных колес, прикосновение которых было смертью, и-между железными руками, которые искали нас и могли ежеминутно схватить. Рядом со стихийной силой освобожденных фурий-самый совершенный механизм убийства, который когда-либо существовал на свете! Что могла сделать отдельная воля. Особенно, когда чувствуешь себя в ничтожном меньшинстве и не имеешь никакой надежной поддержки в народе.

Наша партия была еще в процессе образования. Мы были поставлены пред величайшим испытанием, прежде чем была создана необходимая организация, Когда же началась травля социалистов в позорный для наших врагов год и в славный год для социал-демократии, мы уже имели такую сильную и разветвленную организацию, что каждый чувствовал себя сильнее, сознавая могучую

поддержку, и никто, способный мыслить, не мог поверить в возможность уничтожения партии.

Да, тогда было нелегко плыть против течения. Но что же оставалось делать? Надо было приспособляться. Это значило: сжать зубы и терпеть то что должно было произойти. Для страха не было времени... И вот Бебель и я...ни минуты не тратили на размышления. Уступать поле битвы мы не хотели, мы должны были оставаться на своем посту, что бы ни произошло".

Они остались на посту, и немецкая социал-демократия жила в течение 40 лет за счет этой моральной силы, которую они противопоставили тогда бесчисленным врагам.

Так должно было быть и на этот раз. В первый момент, возможно, было бы достигнуто лишь то, что была бы спасена честь немецкого пролетариата, что тысячи и тысячи пролетариев, которые гибнут сейчас в окопах днем и ночью, не с мрачным душевным смятением, но с пламенем в душе умерли бы с сознанием, что самое святое в их жизни — освобождающая социал-демократия не пустая мечта. Мужественный голос нашей партии подействовал бы на бессознательные массы, как могучий вентилятор в создавшемся шовинистическом угаре, предохранил бы от обмана сознательные круги, затруднил бы для империалистов дело затемнения и обмана народа. Как раз поход против социалистов мог бы скорее всего расшевелить массы. В дальнейшем ходе войны, по мере того, как возрастали бы ужасы бесконечно жестокой человеческой бойни во всех странах, как все ясней и ясней выступал бы империалистический фундамент войны, по мере того, как все преступнее становилось бы

торгашество кровавой спекуляции, тем более и более стекалось бы под знамена социал-демократии все живое, честное, гуманное, прогрессивное. И прежде всего-во всеобщем смятении, распадении и крушении, немецкая социал- демократия стояла бы, как скала в бушующем море, как высокий маяк Интернационала, по которому вскоре ориентировались бы и все другие рабочие партии. Громадный моральный авторитет, которым немецкая социал-демократия пользовалась до 4-го августа 1917 года во всем рабочем мире, несомненно в ближайшем времени произвел бы переворот в этом всеобщем смятении. Вследствие этого, во всех странах усилилось бы мирное настроение и давление масс к миру. Немецкий пролетариат остался бы дозорным социализма и освобождения человечества. Это был тот патриотический долг, которого не выполнили ученики Маркса, Энгельса и Лассалья.

VIII

Несмотря на военную диктатуру, цензуру и воздержание социал-демократии, несмотря на братоубийственную войну, из гражданского мира, в кровавых сумерках полей сражения возникла международная солидарность рабочего класса. Не из слабых попыток искусственно гальванизировать старый Интернационал, не из обещаний возобновляемых то там, то здесь снова объединиться тотчас же после войны. Нет, в войне и из войны с новой силой и убедительностью обнаружился тот факт, что пролетарии всех стран имеют одни и те же интересы. Мировая война сама опровергла созданные ей заблуждения.

Победа или поражение? Таков лозунг воюющего милитаризма в каждой стране, который повторили, как эхо, социал-демократические вожди. Для пролетариев Германии, Франции, Англии, а также России вопрос должен был идти, как и для господствующих классов этих стран, о войне или поражении на поле битвы. С тех пор, как гремят пушки, каждый пролетарий должен быть заинтересован в победе своей страны и в поражении других стран. Посмотрим, что может принести пролетариату победа.

По официальной версии, принятой без всякой критики вождями социал-демократии, победа для Германии означает возможность беспрепятственного свободного хозяйственного развития, поражение же-хозяйственное разорение. Это представление основывается приблизительно на схеме 1870 г. Но капиталистический расцвет, последовавший в Германии после войны 1870 года, был результатом не войны, а

политического объединения, хотя и в уродливом виде созданной Бисмарком Германской Империи. Хозяйственный расцвет появился в результате объединения, несмотря на войну и вытекающие из нее многочисленные задерживающие факторы. Победоносная война сама по себе вызвала лишь укрепление в Германии военной монархии и прусского юнкерства, тогда как поражение Франции вызвало ликвидацию империи и содействовало учреждению республики. В настоящее время положение вещей во всех принимающих участие в войне государствах совсем иное. Сейчас война не является лишь династическим средством доставить развивающемуся молодому капитализму предпосылки беспрепятственного национального его развития. Исключением из общего правила можно бы было считать только Сербию, и то только в том случае, если ее рассматривать, как изолированную единицу. Приведенная к своему объективному историческому значению, нынешняя мировая война есть конкуренция уже вполне развившегося капитализма за мировое господство и эксплуатацию последних остатков некапиталистических еще частей света. Отсюда происходит совершенно изменившийся характер самой войны и ее значения. Высокая степень хозяйственно-мирового развития капиталистической продукции проявляется здесь, как в исключительно высокой технике, т.-е. в разрушительной силе орудий войны, так в приблизительно равном уровне хозяйственного развития всех участвующих в войне стран. Международная организация военной индустрии проявляется в военном равновесии, которое после всех частичных успехов и колебаний неизбежно устанавливается снова и все более отодвигает окончательное разрешение войны.

Неопределенность военных действий с своей стороны приводит к тому, что в огонь бросаются все новые и новые народные массы, как из стран воюющих, так и из стран, остававшихся до сих пор нейтральными. В империалистических поползновениях и противоречиях война находит повсюду горючий материал, и, прибавляя к нему свой собственный, распространяется, как степной пожар. Чем большие массы и чем больше стран вовлекаются в войну с обеих сторон, тем больше времени будет тянуться война. Все это вместе вызывает в результате войны, — задолго до военного ее окончания победой или поражением-такие явления, которые не были знакомы ни одной из войн последнего времени: хозяйственное разорение всех участвующих стран, а также все возрастающее разорение и стран, не участвующих официально в войне. Каждый новый месяц войны увеличивает это разорение и поэтому заранее удаляет на целое десятилетие тщетно ожидаемые выгоды военного успеха. В конечном счете ни победа, ни поражение здесь ничего не изменяют. Наоборот, чисто военное разрешение становится, вообще, сомнительным, и со все большей вероятностью окончательное прекращение войны становится в зависимость от всеобщего истощения. При таких обстоятельствах даже победа Германии-если даже воинствующим ее империалистическим кликам удастся довести массовое убийство до полного уничтожения всех соперников, если только эти мечты смогут осуществиться- будет Пирровой победой.

Ее трофеями будут несколько доведенных до нищеты, опустошенных аннексированных областей и ужасающее разрушение внутри ее собственных границ, которое тотчас же обнаружится, когда будут отодвинуты

пестрые декорации финансовой политики с ее военными займами, декорации Потемкинских деревень с их "незыблемым народным благополучием", приобретенным в течение войны. Для самого поверхностного наблюдателя ясно, что даже победившее государство не может рассчитывать в настоящее время ни на какое "военное удовлетворение", которое смогло бы залечить раны, нанесенные ему этой войной. Возмездием за это и завершением «победы» могло бы быть разве лишь еще большее разорение побежденного соперника: Франции и Англии, т. е. тех самых стран, с которыми Германия самым тесным образом связана хозяйственными взаимоотношениями, от благосостояния которых, главным образом, зависит восстановление ее собственного благосостояния. Вот те рамки, в которых для немецкого народа после войны-надо заметить после победной войны-встанет вопрос о том, чтобы действительно покрыть военные издержки, «вотированные» в виде ссуды патриотическим народным представительством, т. е. в том, чтобы взвалить на свои плечи единственный плод победы-непосильную тяжесть налогов вместе с усилившейся военной реакцией.

Если же представить себе худшие последствия поражения, то они-за исключением империалистической аннексии-будут точь-в-точь похожи на ту же картину, которая является неизбежным следствием победы: результаты военных действий в настоящее время так велики и всеобъемлющи, что тот или иной военный исход очень мало может их изменить.

Но допустим на минуту, что победившему государству удастся избежать большого разорения и сосредоточить его, главным образом, у своего противника, связав его хозяйственное развитие

всевозможными затруднениями. Сможет ли немецкий рабочий класс после войны успешно вести свою профессиональную борьбу, если профессиональная борьба французских, английских, бельгийских, итальянских рабочих будет подавлена хозяйственным регрессом? До 1870 года рабочее движение во всех странах шло по отдельным руслам. Лишь на мостовой Парижа велись и решались битвы пролетариата. Современное рабочее движение с его неустанной экономической борьбой, с его массовой организацией, основано на взаимодействии всех стран капиталистического производства. Если верно положение, что дело рабочих может развиваться лишь на почве здоровой интенсивно-развивающейся экономической жизни, то оно верно не только для Германии, но и для Франции, Англии, Бельгии, Италии, России. Если же все рабочее движение во всех капиталистических странах задерживается, если там устанавливаются низкие цены, слабые профессиональные организации, ничтожное сопротивление эксплуатации, — тогда не может процветать рабочее движение и в Германии. С точки зрения положения пролетариата в экономической борьбе, усиление немецкого империализма за счет французского является, в конечном счете, такой же потерей, как и усиление английского за счет немецкого.

Но вернемся к политическим последствиям войны. Здесь легче разобраться, чем в области экономической. С давних пор симпатии и партийные мероприятия социалистов склонялись на ту сторону, которая защищала исторический прогресс против реакции. Какая же сторона защищает в настоящей войне прогресс и какая реакцию? Ясно, что об этом можно судить не по

внешним признакам ведущего войну государства, как, например, «демократия» или «абсолютизм», но исключительно по объективным тенденциям мировых позиций, занимаемых каждой стороной. Прежде, чем уяснить себе, что даст немецкая победа немецкому народу, бросим взгляд на то, каково будет ее действие на общее состояние политических отношений в Европе. Решительная победа Германии вызвала бы, ближайшим своим следствием, аннексию Бельгии, возможно также аннексию областей на востоке и западе, а также части французских колоний, а вместе с этим сохранение Габсбургской монархии и ее обогащение новыми областями, наконец, она вызвала бы сохранение фиктивной неделимости Турции под немецким протекторатом, что означает фактическое превращение Малой Азии и Месопотамии под той или иной формой в немецкие провинции. В дальнейшем последовала бы фактическая политическая и экономическая гегемония Германии над Европой. Этих следствий решительной военной победы Германии можно ожидать не потому, что они соответствуют желаниям империалистических крикунов в этой войне, но потому, что они являются совершенно неизбежными следствиями мировой позиции Германии, тех противоречий с Англией, Францией и Россией, в которые вступила Германия и которые в ходе войны выросли далеко за свои первоначальные границы. Достаточно представить себе эти результаты, чтобы убедиться, что они ни при каких обстоятельствах не могут привести хоть к сколько-нибудь устойчивому мировому равновесию. Как бы ни было велико разорение, которое война причиняет всем принимающим в ней участие, а тем более побежденным, на другой же день по заключении мира начнутся приготовления к

новой мировой войне под предводительством Англии, чтобы сбросить ярмо прусско-немецкого милитаризма, который будет тяготеть над Европой и Малой Азией. Победа Германии будет лишь прологом для следующей мировой войны, лишь сигналом к новым лихорадочным военным вооружениям, а также к расцвету самой черной реакции во всех странах и в первую голову в самой Германии. С другой стороны, победа Англии и Франции приведет Германию, вероятнее всего, к потере, по крайней мере, части ее колоний и имперской земли и уж несомненно к банкротству мировой позиции немецкого империализма. Это же означает: распад Австро-Венгрии и полную ликвидацию Турции. Оба эти государства так реакционны и их распадение настолько соответствует требованиям прогрессивного развития, что в современной конкретной мировой обстановке распадение Габсбургской монархии и Турции не может привести ни к чему другому, как к передаче их земель и народов России, Англии, Франции и Италии. За этим грандиозным разделом и переменой власти на Балканах и Средиземном море последует неотвратимо другой раздел-в Азии. Ликвидация Персии и новое раздробление Китая. Вследствие этого на первый план мировой политики выдвинутся противоречия англорусские и англо-японские, что, возможно, тотчас же непосредственно вслед за ликвидацией сегодняшней мировой войны вызовет новую мировую войну, хотя бы за Константинополь и уж, во всяком случае, сделает ее неизбежной в дальнейшей перспективе. Также и с этой стороны победа приведет лишь к началу новых лихорадочных вооружений во всех государствах-понятно, с побежденной Германией во главе-и вместе с тем к эре

неограниченного господства милитаризма и реакции во всей Европе, с конечной целью-новой мировой войны.

Таким образом, пролетарская политика от точки зрения прогресса и демократии перейдет на точку зрения той или другой партии в настоящей войне; приняв в целом ее мировую политику и дальнейшие ее перспективы, она окажется между Сциллой и Харибдой, и вопрос-победа или поражение-при этих условиях превращается, как в политическом так и в экономическом отношении, в безнадежный выбор между двумя порциями палок. Поэтому является совершеннейшим безумием предположение французских социалистов, что, вследствие военного поражения Германии, милитаризм и даже империализм будут разбиты на голову и будет проложена мировая дорога для мирной демократии. Империализм и обслуживающий его милитаризм сведут великолепно свои счета при всякой победе и при всяком поражении, исключая единственного случая: если международный пролетариат своим революционным вмешательством проведет жирную черту на его счете.

Важнейшим выводом для политики пролетариата из настоящей войны является поэтому неоспоримый факт-что ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии, ни в России не следует без всякой критики быть эхом лозунга: победа или поражение; лозунга, который с точки зрения империализма имеет своим реальным содержанием приобретение или потерю в мировом значении, в аннексиях, колониях и военном господстве. Для европейского пролетариата в целом, с его классовой точки зрения сейчас совершенно безразлично-победа или поражение любой воюющей стороны. Война, как таковая, каков бы ни был ее военный исход, является самым крупным поражением для европейского

пролетариата, и лишь преодоление войны и принуждение к миру международной борьбой пролетариата-является единственной победой для дела пролетариата. Только эта победа и даст истинное спасение Бельгии и европейской демократии.

В настоящей войне сознательный пролетариат не может солидаризироваться ни с одной борющейся стороной. Следует ли из этого, что пролетарская политика требует сейчас сохранения существующего положения (*status quo*), что у нас нет другой программы, кроме желания оставить все так, как было перед войной. Но существовавшее положение никогда не было нашим идеалом, не было выражением самоопределения народов-и даже более: прежнее положение нельзя уже сохранить, оно более не существует, если даже и сохранились бы прежние границы, Война до формального своего окончания вызвала громадные изменения в соотношении сил, во взаимной оценке сил, в союзах и антагонизмах; она подвергла такой строгой переоценке отношения государств друг к другу и классов внутри общества, до такой степени уничтожила старые иллюзии и возможности, создала так много новых задач и стремлений, что возврат к прежней Европе, существовавшей до 4 августа 1914 года, — стал так же невозможен, как невозможен возврат к дореволюционным отношениям даже после поражения революции. Политика пролетариата не знает слова «назад» — она может стремиться лишь вперед, она вечно должна исходить из существующего и вновь создаваемого. В этом смысле может она противопоставить обоим лагерям империалистической мировой войны свою собственную политику.

Но эта политика должна состоять не в том, чтобы каждая партия для себя, или же все вместе взапуски строили на международной конференции проекты и выдумывали бы рецепты для буржуазной дипломатии, как лучше заключить мир, чтобы облегчить дальнейшее мирное и демократическое развитие. Все требования о полном или частичном «разоружении», об уничтожении тайной дипломатии, о распадении всех великих держав на национальные малые государства и т. п., все вместе и каждое в отдельности утопичны, пока капиталистическое классовое господство держит управление в своих руках. При теперешнем империалистическом курсе это последнее не может отказаться от существующего милитаризма, от тайной дипломатии, от больших многонациональных государств, так как все указанные требования в своей последовательности сводятся к простому требованию: уничтожению классового капиталистического государства. Не утопическими советами и проектами-как можно частичными реформами, в рамках буржуазного государства, смягчить, приручить, подавить империализм-может пролетарская партия отвоевать принадлежащее ей по праву место. Истинной задачей, которую поставила мировая война перед социалистическими партиями и от разрешения которой зависит дальнейшая судьба рабочего движения, является готовность к действию пролетарских масс в борьбе против империализма. Международный пролетариат ощущает недостаток не в тезисах, программах, лозунгах, но в поступках, в действительном сопротивлении, в умении напасть на империализм в решительный момент, как раз во время войны, и осуществить на практике старый лозунг: «война-войне». Вот та река, которую надо перепрыгнуть, вот где

основной пункт пролетарской политики и ее дальнейшего будущего.

Империализм, со всей своей зверской насильнической политикой и цепью вызываемых им непрерывных социальных катастроф, действительно, является для господствующих классов современного капиталистического мира исторической необходимостью. Самое ужасное было бы, если бы пролетариат сам сохранил бы в этой войне хоть малейшую иллюзию и надежду на возможность дальнейшего мирного, идиллического развития капитализма. Вывод о неизбежности империализма совсем не обязывает пролетарскую политику капитулировать перед империализмом, чтобы затем в тени его питаться милостыней его победы.

Историческая диалектика движется противоречиями и вместе с каждой необходимостью порождает также и ее противоположность. Буржуазное классовое общество, несомненно, является исторической необходимостью, так же как и восстание рабочего класса против него: капитал является исторической необходимостью, так же, как и его могильщик-социалистический пролетариат; мировое господство империализма есть историческая необходимость так же, как и его низвержение пролетарским Интернационалом. На каждом шагу существуют исторические необходимости, стоящие в противоречии друг с другом, и из них наша историческая необходимость социализма-самая жизненная. Она вступает в свои права с того момента, как ее противоположность-буржуазное классовое господство — перестает быть носителем исторического прогресса и превращается в тиски, в опасность для дальнейшего развития общества. Это сделала для капиталистического

общественного порядка как раз настоящая мировая война.

Империалистическое стремление к расширению хозяйственной территории капитализма, являющееся последней ступенью его зрелости, последним периодом его существования имеет своей экономической тенденцией вовлечение всего мира в капиталистическое производство, уничтожение всех докапиталистических производственных и общественных форм, превращение всех богатств мира в капитал, а рабочих масс всех частей света в наемных рабов. В Африке и в Азии, с Северного моря до южного мыса Америки и до Южного моря, уничтожает и разрушает капитал все остатки первобытного коммунизма, феодальных взаимоотношений патриархального крестьянского хозяйства, старого ремесленничества, вырывая с корнем целые народы, стирая с лица земли старые культуры и воздвигав на их место выжимание капиталистической прибыли в его новейшей форме. Это безжалостное шествие капитала по свету, сопровождающееся всевозможными способами насилия, грабежа и подлости, имеет одну светлую сторону: оно подготавливает условия для собственной гибели, оно устанавливает капиталистическое мировое господство, за которым лишь может последовать социалистическая мировая революция. Это-единственная культурная прогрессивная сторона в так-называемой цивилизаторской миссии в диких странах. Для буржуазно-либеральных экономистов и политиков железные дороги, шведские спички, канализация и таможни и есть "прогресс и культура". Сами по себе все эти продукты капитализма в применении к первобытным народам, конечно, не прогресс и не культура, так как их применение

покупается таким хозяйственным культурным разорением народов, которое равняется всем ужасам и несчастьям двух веков: века традиционного господства натурального хозяйства и века современной усовершенствованной капиталистической эксплуатации. Только как материальные предпосылки для уничтожения господства капитала и прежде всего классового общества несут на себе продукты мирового капиталистического шествия штемпель прогресса, в историческом значении этого слова. В этом смысле империализм работает, в последнем счете, для нас. Настоящая мировая война является поворотным пунктом на его пути. Впервые злобные фурии, выпускавшиеся капиталом до сих пор на другие части света, одним прыжком перепрыгнули в Европу. Крик ужаса прокатился по Европе, когда под напором слепой разрушительной силы распалось в куски драгоценное маленькое сокровище европейской культуры-Бельгия и замечательнейшие памятники культуры в Северной Франции. "Культурный мир", спокойно смотревший на то, как тот же самый империализм предавал жестокому уничтожению десятки тысяч на Гереросе и наполнял берега Калагари воплями жаждущих и хрипом умирающих, как в Путумайо банда европейских индустриальных рыцарей в течение 10-ти лет замучила до смерти сорок тысяч человек, превратив остатки целого народа в калек, как старая культура Китая в огне и пожаре европейской солдатчины была предана всем ужасам уничтожения и анархии, как Персия беспомощно задыхалась в сжимающихся кольцах чуждого господства, как арабы в Триполи загонялись огнем и мечем под ярмо капитала, а их культура, их города сравнивались с землей, — этот "культурный мир" только сегодня увидел, что укусы империалистических фурий

смертельны, что их дыхание губительно. Он заметил это тогда, когда эти бестии вонзили свои острые когти в материнскую грудь буржуазной культуры Европы. И даже это признание проявляется в форме буржуазного лицемерия, видящего позорное лишь в чужом национальном мундире. "Немецкие варвары"-как будто бы каждый народ, призванный к организованному убийству, не превращается в этот момент в орду варваров. "Казацкие зверства"-как будто бы война сама по себе не является зверством из зверств, как будто бы восхваление человеческой бойни, как героических поступков, в социалистическом юношеском органе не является духовным казачеством в чистом виде!

Сегодняшнее бешенство империалистических бестий на полях Европы влечет за собой еще одно следствие, которое не ужасает и не вызывает сострадания «культурного» мира: это массовое уничтожение европейского пролетариата. Никогда еще ни одна война не уничтожала в такой степени целые слои населения, никогда в течение целого столетия не захватывала она такие большие и старые культурные государства Европы. Миллионы уничтожены в Вогезах, в Арденнах, в Бельгии и Польше, в Карпатах, на Саве; миллионы превращены в калек. Но среди этих миллионов девять десятых составляет рабочий народ города и деревни. Наша сила, наши надежды падают там рядами, как трава, под косой ежедневного уничтожения; лучшие, наиболее обученные силы международного социализма, носители заветных традиций и мужества современного рабочего движения, передовые отряды всего мирового пролетариата — рабочие Англии, Франции, Бельгии, Германии, России — массами избиваются и уничтожаются. Эти рабочие великих капиталистических держав Европы — как раз

предназначены к исторической миссии социалистического переворота. Только из Европы, только из старейших капиталистических стран в назначенный час мог быть дан сигнал к освобождающей человечество социальной революции. Только английские, французские, бельгийские, немецкие, русские, итальянские рабочие вместе могут вести вперед армию эксплуатируемых и поработанных пяти частей света. Лишь они смогут, когда придет время, потребовать отмщения и возмездия за столетия старых преступлений капитализма во всех первобытных странах. Но для наступления и победы социализма нужен сильный, активный, обученный пролетариат, нужны массы, сила которых лежит в их духовной культуре и в их количестве. И эти массы как раз уничтожаются мировой войной. В цвете молодости и юношеской силы гибнут тысячи тех, чье социалистическое воспитание в Англии и Франции, в Бельгии, Германии и России было результатом десятилетней пропагандистской и агитационной работы; сотни тысяч других, которые могли бы быть завтра завербованы для социализма, гибнут и умерщвляются на полях битвы! Плоды десятилетних жертв и усилий целых поколений уничтожаются в течение недель, отборное войско международного пролетариата подкашивается под самый корень! Кровопропускание июньской бойни парализовало рабочее движение Франции на полтора столетия. Кровопропускание, умертвившее коммуны, отодвинуло его снова более, чем на десятилетие. Происходящее сейчас беспримерное массовое избиение все более и более сводящее разросшееся рабочее народонаселение всех передовых культурных стран к женщинам, старикам и калекам, является кровопропусканием, которое грозит обескровить

европейское рабочее движение. Еще одна такая мировая война и перспективы социализма будут погребены под нагроможденными империалистическим варварством развалинами. Это нечто большее, чем отвратительное разорение Лувена и Реймского собора. Это умерщвление не только буржуазной культуры прошлого, но и социалистической культуры будущего, смертельный удар по силе, несущей в себе будущее всего человечества, которая одна лишь способна передать будущему обществу драгоценные сокровища прошлого. Здесь открывает капитализм свой мертвый череп, здесь обнаруживается, что его право на существование кончилось; что его дальнейшее господство не совместимо с прогрессом человечества.

Здесь обнаруживает себя настоящая мировая война не только, как грандиозное убийство, но и как самоубийство европейского рабочего класса, ведь это же сами солдаты социализма-пролетарии Англии, Франции, Германии, России, Бельгии убивают друг друга в течение месяцев в угоду капиталу, втыкают друг в друга холодное оружие смерти и, сжимая друг друга в смертельных объятиях, вместе скатываются в общую могилу.

"Германия, Германия-прежде всего! Да здравствует демократия! Да здравствует царь и славянство! Десять тысяч полотнищ для палаток, гарантированных по предписанию! Сто тысяч кило сала, кофе-суррогат могут быть немедленно доставлены!" Дивиденды растут, а пролетарии гибнут и с каждым вместе сходит в могилу борец за будущее, солдат революции, спаситель человечества от ига капитала.

Безумие прекратится лишь тогда, лишь тогда замолкнет кровавый гвалт преисподней, когда рабочие Германии и Франции, Англии и России пробудятся от своего угара, протянут дружески друг другу руки и покроют алчный хор империалистических гиен старым, мощным боевым криком труда: Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Приложение

Тезисы о задачах международной социал-демократии

Большое число товарищей из всех частей Германии приняло следующие тезисы, представляющие собой применение Эрфуртской программы к настоящим задачам международного социализма.

1. Мировая война уничтожила результаты сорокалетней работы европейского социализма, уничтожив значение революционного рабочего класса, как могучей политической силы и морального предвозвестника социализма; она вызвала распадение пролетарского Интернационала; привела секции его к братоубийственной междуусобной войне, и приковала желанья и надежды народных масс важнейших капиталистически-развитых стран к кораблю империализма.

2. Своим вотированием военных кредитов и провозглашением гражданского мира официальные вожди социал-демократических партий в Германии, Франции и Англии (за исключением независимой рабочей партии) усилили тыл империализма, принудили массы терпеливо переносить нужду и ужасы войны и, таким образом, содействовали необузданному проявлению империалистического неистовства, удлинению кровавой борьбы и увеличению числа ее жертв, взяв на себя ответственность за войну и ее последствия.

3. Эта тактика руководящих партийных инстанций в воюющих странах, особенно же в Германии, бывшей до

сих пор передовой страной Интернационала, является предательством элементарнейших принципов международного пролетариата, насущных интересов рабочего класса и демократических интересов всего народа. Благодаря этому социалистическая политика осуждена на бездействие так же и в тех странах, где партийные вожди остались верны своему долгу: в России, Сербии, Италии — с некоторыми исключениями, Болгарии.

4. Пожертвовав ради войны классовой борьбой и приостановив ее на время войны, официальная социал-демократия руководящих стран дала передышку всем господствующим классам во всех странах и чудовищно укрепила их позиции за счет пролетариата в хозяйственном, политическом и моральном отношении.

5. Мировая война не служит ни интересам самозащиты, ни хозяйственным или политическим интересам какого-нибудь народа, она является лишь порождением империалистического соперничества между капиталистическими классами различных стран за мировое господство и за монополию эксплуатации и угнетения свободных еще от капиталистического господства областей. В период господства этого разнузданного империализма не может уже более происходить национальных войн. Национальные интересы лишь средство обмана, чтобы заставить трудовые рабочие массы служить смертельному своему врагу-империализму.

6. Политикой империалистических государств и империалистической войны не может быть достигнута свобода и независимость ни для одной угнетенной нации. Малые национальности, господствующие классы которых

являются игрушкой и помощниками своих классовых товарищей в больших государствах, представляют из себя лишь шахматные фигуры в империалистической игре великих держав, и так же, как рабочие массы, употребляются, как орудие во время войны, для того, чтобы после войны быть пожертвованными капиталистическим интересам.

7. Настоящая мировая война означает при этих условиях при всех возможных победах и при всех возможных поражениях-поражение социализма и демократии. Каков бы ни был ее исход, она неизбежно приводит-если только не произойдет революционного вмешательства международного пролетариата, — к укреплению милитаризма и международных противоречий, к соперничеству за мировое хозяйство. Она усиливает капиталистическую эксплуатацию и внутреннюю политическую реакцию, ослабляет общественный контроль и низводит парламенты на роль послушного орудия милитаризма. Настоящая мировая война подготавливает, таким образом, все предпосылки для новой войны.

8. Война не может быть предотвращена никакими утопическими или реакционными в своей основе планами-как например, международные третейские суды капиталистических дипломатов, дипломатические сделки о «разоружении», о "свободе морей, уничтожении права использования морей и "европейские союзы государств", "средне-европейские таможенные союзы", национальные карманные государства и пр. Империализм, милитаризм и война не могут быть устранены или сдержаны, пока капиталистические классы безнаказанно пользуются своим классовым господством. Единственное средство оказать им успешное сопротивление и единственное

обеспечение для всеобщего мира-способность к политическому действию и революционная воля международного пролетариата бросить свою силу на противоположную чашу весов (противопоставить империализму свою силу).

9. Империализм, как последняя фаза существования и высшая ступень развития политического господства капитализма, является общим смертельным" врагом пролетариата всех стран. Но он разделяет общую судьбу со всеми предыдущими фазами капитализма-способность увеличивать своих смертельных врагов в таком же размере, в каком он увеличивается сам; он ускоряет концентрацию капитала, расслоение среднего сословия, увеличение пролетариата, пробуждает все возрастающее сопротивление масс и приводит к интенсивному обострению классовых противоречий. Как в мирное, так и в военное время классовая борьба пролетариата должна быть направлена прежде всего против империализма. Борьба против него для международного пролетариата есть одновременно и борьба за свою политическую власть в государстве, решительное размежевание капитализма и социализма. Конечная цель социализма будет осуществлена международным пролетариатом лишь тогда, когда он создаст по всей линии фронт против империализма и, собрав все свои силы и все самоотвержение, выкинет, как руководящую нить своей практической политики, лозунг: "война-войне".

10. В этих целях главная задача социализма направлена сейчас на то, чтобы собрать пролетариат всех стран в живую революционную силу, при помощи сильной международной организации-имеющей единые интересы и задачи, единую тактику и готовность к

политическим действиям как во время войны, так и во время мира, — превратить его в решающий фактор политической жизни, к чему он призван историческим развитием.

11. Второй Интернационал распался вследствие войны. Его негодность проявилась в его неспособности создать действительное препятствие для национального расщепления в войне и провести для всего пролетариата во всех странах общность тактики и общность действия.

12. Перед лицом предательства целей и интересов рабочего класса официальными представителями социалистических партий руководящих стран, перед лицом их эволюции из лагеря пролетарского Интернационала в лагерь буржуазно-империалистических политиков, жизненной необходимостью для социализма является создание нового рабочего Интернационала, который взял бы в свои руки объединение и руководство объединенной революционной классовой борьбой против, империализма во всех странах.

Чтобы выполнить свои исторические задачи, он должен покоиться на следующих основаниях:

1. Классовая борьба внутри буржуазного государства против господствующих классов и международная солидарность пролетариев всех стран—две неотделимые друг от друга основные задачи рабочего класса в мировой истории его освободительной борьбы. Не может быть социализма вне международной солидарности пролетариата, социалистический пролетариат ни в войне, ни в мире не может отказываться от классовой борьбы и международной солидарности, не осуждая себя на самоубийство.

2. Классовое действие пролетариата всех стран, как во время мира, так и во время войны, должно быть направлено на борьбу с империализмом, на парламентскую работу, так же как — и, главным образом, — на организованное сопротивление войне. Партии рабочего движения должны быть подчинены цели- противопоставить пролетариат каждой страны самым решительным образом его национальной буржуазии, шаг за шагом углубляя политическое и идеологическое противоречия между ними, одновременно организуя и выдвигая на первый план сплоченность пролетариев всех стран.

3. В Интернационале лежит центр тяжести классовой организации пролетариата. Интернационал определяет в мирное время тактику национальных секций в вопросах милитаризма, колониальной политики, торговой политики, празднования первого мая, в дальнейшем, общую тактику в войне.

4. Обязанность исполнения постановлений Интернационала стоит впереди всех других организационных обязанностей. Национальные секции не выполняющие постановлений Интернационала ставят себя вне Интернационала.

5. В борьбе против империализма и против войны решительную силу представляют собой лишь компактные массы пролетариата всех стран. Главной задачей тактики национальных секций, следовательно, является воспитание в широких массах способности к политическому действию, к твердой инициативе, обеспечение международной сплоченности массовым действием, создание таких политических и профессиональных организации, посредством которых

было бы возможно в любой момент вызвать быстрое и мощное общее выступление всей секций и претворить, таким образом, волю Интернационала в дело широчайших рабочих масс всех стран.

6. Ближайшей задачей социализма является духовное раскрепощение пролетариата от опекунов буржуазии, которое выражается в господстве националистической идеологии. Национальные секции должны направить свою агитацию в парламенте и в прессе на разоблачение притворной фразеологии национализма, как средства господства буржуазии. Единственный путь защиты всякой истинно-национальной свободы-это революционная классовая борьба против империализма. Отечеством для пролетария" отечеством, для защиты которого он должен пожертвовать всем, — является социалистический Интернационал.

Н. Ленин

О брошюре Юниуса

Наконец-то, в Германии вышла нелегально, без приспособления к подлой юнкерской цензуре, соц. — дем. брошюра, посвященная вопросам войны! Автор, принадлежащий, очевидно, к «лево-радикальному» крылу партии, подписался Юниус (что значит по-латыни: младший) и назвал свою брошюру: "Кризис социал-демократии." В приложении напечатаны те "тезисы о задачах международной с.-д.", которые были уже внесены в Бернскую И.С.К. (Интернац. Соц. Комиссию) и напечатаны в ном. 3-м ее бюллетеня; они принадлежат группе «Интернационал», издавшей весной

1915 г. один номер журнала под этим заглавием (со статьями Цеткиной, Меринга, Р. Люксембург, Тальгеймера, Дункер, Штребеля, и др.) и устроившей зимой 1915-16 г. совещание с.-д. из всех частей Германии, принявшее эти тезисы.

Брошюра написана в апреле 1915 г., как говорит автор во введении, помеченном 2 января 1916 г., и печаталась "без всяких изменений". Издать ее раньше помешали "внешние обстоятельства". Посвящена она не столько "кризису с.-д.", сколько анализу войны, опровержению легенды о ее освободительном, национальном характере, доказательству того, что это-империалистская, и со стороны Германии и со стороны других великих держав, война, затем, революционной критике поведения официальной партии. Написанная чрезвычайно живо, брошюра Юниуса, несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей с.-д. партии Германии, и мы от всей души приветствуем автора.

Русскому читателю, который знаком с с.-д. литературой, напечатанной по-русски за границей в 1914-16 гг., брошюра Юниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь, эту брошюру, сопоставляя с аргументами немецкого революционного марксиста то, что было изложено, например, в манифесте Ц.К. нашей партии (сент., ноябрь 1914 г.), в бернских резолюциях (март 1915 г.) и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неполноте аргументов Юниуса и двух ошибках его. Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и

всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала, Брошюра Юниуса в общем и целом — прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер.

Главным недостатком брошюры Юниуса и прямым шагом назад по сравнению с легальным (хотя и запрещенным тотчас после выхода) журналом «Интернационал» является умолчание о связи социал-шовинизма (автор не употребляет ни этого термина, ни менее точного выражения-социал-патриотизм) с оппортунизмом. Автор вполне правильно говорит о «капитуляции» и крахе германской с.-д. партии, об «измене» официальных вождей ее, но далее не идет. А между тем уже журнал «Интернационал» дал критику «центра», т.-е. каутскианства, вполне справедливо осыпав насмешками его бесхарактерность, проституирование им марксизма, лакейство перед оппортунистами. И тот же журнал начал разоблачение действительной роли оппортунистов, опубликовав, напр., важнейший факт, что 4 го августа 1914 года оппортунисты явились с ультиматумом, с готовым решением голосовать во всяком случае за кредиты. Ни в брошюре Юниуса, ни в тезисах не говорится ни об оппортунизме, ни о каутскианстве. Это теоретически неверно, ибо нельзя объяснить «измены», не поставив ее в связь с оппортунизмом, как направлением, име-ющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала, Это практически — политически ошибочно, ибо нельзя ни понять "кризиса с.-д.", ни преодолеть его, не выяснив значения и роли двух направлений: открыто-оппортунистического (Легин, Давид и т. д.) и прикрито-оппортунистического (Каутский

и К-о). Это шаг назад по сравнению, напр., с исторической статьей Отто Рюллэ в "Vorwarts'e" от 12 января 1916 г., где он прямо, открыто доказывает неизбежность раскола с.-д. партии Германии (редакция "Vorwarts'a" ответила ему повторением слащавых и лицемерных каутскианских фраз, не найдя ни единого аргумента по существу против того, что налицо уже две партии и что примирить их нельзя). Это-поразительно непоследовательно, ибо в 12-м тезисе «Интернационала» говорится прямо о необходимости создать «новый» Интернационал в виду «измены» и "перехода на почву буржуазно-империалистской политики" "официальных представительств социалистических партий руководящих стран". Ясно, что говорить об участии в «новом» Интернационале старой с.-д. партии Германии или партии, мирящейся с Легином, Давидом и К-о., просто смешно.

Чем объясняется этот шаг назад группы «Интернационал», мы не знаем. Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству. Это тем более необходимо, что у немецких революционных с.-д. отняты теперь две последних ежедневных газеты: бременская (Bremer Burger-Zeitung) и брауншвейгская (Folks-freund), которые обе перешли к каутскианцам. Только группа: "Интернацион. Социалисты Германии" (J. S. D.) остается на своем посту — ясно и определенно для всех.

Некоторые члены группы «Интернационала», видимо, скатились опять в болото беспринципного каутскианства. Напр., Штребель дошел до того, что в "Neue Zeit" расшаркивался перед Бернштейном и Каутским. А совсем на днях, 15 августа 1916 года он поместил в газетах статью "Пацифизм и с.-д." с защитой пошлейшего каутскианского пацифизма. Что касается Юниуса, он восстает против каутскианского прожектерства в духе «разоружения», "уничтожения тайной дипломатии" и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе «Интернационал» есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства. Из ошибочных положений Юниуса первое закреплено в 5-м тезисе группы «Интернационал»... В эпоху (эру) этого разнузданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу «империализму»... Начало 5-го тезиса, который оканчивается этим положением, посвящено характеристике данной войны, как империалистской. Возможно, что отрицание национальных войн, вообще, есть либо недосмотр, либо случайное увлечение при подчеркивании совершенно правильной мысли, что данная война есть империалистская, а не национальная. Но, так как возможно и обратное, так как ошибочное отрицание всяких национальных войн, по случаю облыжного представления данной войны в виде национальной, замечается у различных с.-д., то на этой ошибке нельзя не остановиться.

Юниус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние "империалистской обстановки" в данной войне, когда он говорит, что за Сербией стоит

Россия, "за сербским национализмом стоит русский империализм", что участие, напр., Голландии в войне было бы тоже империалистским, ибо она, во-первых, защищала бы свои колонии, а, во-вторых, была бы союзницей одной из империалистских коалиций. Это бесспорно — по отношению к данной войне. И когда Юниус подчеркивает при этом особенно то, что для него в первую голову важно: борьбу с "фантомом национальной войны", "который в настоящее время господствует над с.-д. политикой" (стр. 81), то нельзя не признать рассуждения его и правильными и вполне уместными.

Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений против империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: "национальных войн больше быть не может" является тот, что мир поделен между горсткой «великих» империалистских держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была в начале национальной, превращается в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций (стр. 81, у Юниуса).

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях; превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно, Пример: войны Великой французской революции начались, как национальные и были таковыми. Эти войны были

революционны: защита Великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие, в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила-и в истории греческой философии-мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война 1914-16 гг. превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие вперед, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а, затем, еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно, и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но невозможным такое превращение объявить нельзя: если бы пролетариат Европы оказался лет на 20 бессильным; если бы данная война кончилась победами в роде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; если бы внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20

продержался, не переходя в социализм, напр., в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно.

Далее. Не только вероятны, но неизбежны эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полукolonий. В колониях и полу-колониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т.-е. больше половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и созревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма. Такие войны могут повести к империалистской войне теперешних «великих» империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств.

Пример: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.-е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высокоразвитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних С.-Штатов, из вражды к Англии, т.-е. из своих империалистских интересов, заключают

дружественный договор с восставшими против Англии Штатами. Французские войска вместе с американскими б ь ю т а н г л и ч а н . П е р е д н а м и национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения элементом, — обратное тому, что мы видим в войне 1914-16 гг. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализма шаблонным образом, выводя из него «невозможность» национальных войн. Национально-освободительная война, напр., союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, при чем превращение такой войны в империалистскую войну между теперешними империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. "Эпоха империализма" сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта «эпоха» нисколько не исключает национальных войн, напр., со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально-угнетенных) государств против

империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы. Про Австрию, напр., Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только «экономическое», а и своеобразно — политическое, отмечая "внутреннюю нежизнеспособность Австрии", признавая, что "Габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов", и что "ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития". С некоторыми балканскими государствами и с Россией дело обстоит не лучше. И при условии сильного истощения (великих) держав в данной войне или при условиях победы революции в России вполне возможны национальные войны даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике не при всех условиях, это с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают "с кондачка": война маленького государства против гиганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а, затем, известные явления внутри «гигантов», напр., начало революции — могут «безнадежную» войну сделать очень "надежной".

Мы остановились подробно на неверности положения, будто "больше не может быть национальных войн", не только потому, что оно явно ошибочно теоретически. Было бы, конечно, глубоко печально, если бы «левые» стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе невульгаризованного марксизма, Но и в

практически-политическом отношении эта ошибка очень вредна: из нее выводят нелепую пропаганду «разоружения», ибо будто-бы никаких войн, кроме реакционных, быть не может; из нее выводят еще более нелепое и прямо реакционное равнодушие к национальным движениям. Такое равнодушие становится шовинизмом, когда члены европейских «великих» наций, т.-е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы ученым видом: "национальных войн более быть не может". Национальные войны против империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны, и прогрессивны, и революционны, хотя, конечно, для успеха их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов во взятом нами примере Индии и Китая), либо особо благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр., парализованность вмешательства империалистских держав их обессилием, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо одновременное восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата).

Надо заметить, однако, что было бы несправедливо обвинять Юниуса в равнодушии к национальным движениям. Он отмечает, по крайней мере, в числе грехов с.-д. фракции ее молчание по поводу казни "за измену" (очевидно, за попытку восстания по случаю войны) одного вождя туземцев в Камеруне, подчеркивая в другом месте специально (для гг. Легинов, Ленчей и т. п. негодяев, числящихся "социал — демократами"), что колониальные нации суть тоже нации. Он заявляет с

полнейшей определенностью: "социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими судьбами"; международный социализм признает право свободных, независимых, равноправных наций но только он может создать такие наций, только он может осуществить право наций на самоопределение. И этот лозунг социализма-справедливо замечает автор- служит, как и все остальные, не к оправданию существующего, а как указатель пути, как стимул к революционной, преобразующей, активной политике пролетариата" (стр. 77 и 78). Глубоко ошиблись бы, следовательно, те, кто подумал бы, что все левые немецкие с.-д. впали в ту узость и карикатуру на марксизм, до которой дошли некоторые голландские и польские с.-д., отрицая самоопределение наций даже при социализме. Впрочем, о социальных голландско-польских источниках этой ошибки мы говорим в другом месте.

Другое ошибочное рассуждение Юниуса связано с вопросом о защите отечества. Это — кардинальный политический вопрос во время империалистской войны. И Юниус подкрепил нас в том убеждении, что наша партия дала единственно правильную постановку этого вопроса: пролетариат против защиты отечества в этой империалистской войне в виду ее грабительского, рабовладельческого, реакционного характера, в виду возможности и необходимости противопоставить ей (и стремиться превратить ее в) гражданскую войну за социализм. Юниус же, с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистский характер данной войны, в отличие национально, а с другой стороны, впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к данной, не

национальной войне. Это звучит почти невероятно, но это факт.

Казенные с.-д., как легиновского, так и каутскианского оттенка, лакействуя перед буржуазией, которая всего более кричала об иностранном «нашествии», чтобы обмануть народные массы насчет империалистского характера войны, повторяют с особенным усердием этот довод о «нашествии». Каутский, уверяющий теперь наивных и доверчивых людей (между прочим через российского окиста^[14], Спектатора), что он с конца 1914 года перешел к оппозиции, продолжает ссылаться на этот «довод». Стараясь опровергнуть этот довод, Юниус приводит поучительнейшие исторические примеры, чтобы доказать, что "нашествие и классовая борьба в буржуазной истории являются не противоречием, как гласит официальная легенда, а одно является средством и проявлением другого". Примеры: Бурбоны во Франции вызывали иностранное нашествие против якобинцев, буржуа в 1871 г. против Коммуны. Маркс писал в "Гражданской войне во Франции":

"Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах".

---

¹⁴ Стронника организационного комитета (так назывался руководящий центр меньшевиков).

"Классическим примером всех времен является, — пишет Юниус, ссылаясь на 1793 г., - Великая французская революция". Из всего этого делается вывод: "Вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороной страны против внешнего врага".

Практический вывод Юниуса. Да, с.-д. обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина с.-д. фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 г.: "В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины", а в то же самое время отреклась от своих слов. Она оставила родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа и поражение одинаково губительны; сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью перманентного (бесперывного) заседания народного представительства на все время войны, чтобы обеспечить бдительный контроль народного представительства за правительством и народа за народным представительством; требовать

немедленной отмены всех политических правоограничений, ибо только свободный народ может с успехом защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе войны, — программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т.-е. к сохранению реакции в Европе и в Германии, — старую истинно национальную программу патриотов и демократов 1848 года, программу Маркса, Энгельса и Лассалья, лозунг единой великой немецкой республики. Таково было знамя, которое следовало бы развернуть перед страной, которое было бы истинно национальным, истинно освободительным, находилось бы в соответствии с лучшими традициями Германии и международной классовой политики пролетариата"... "Таким образом, тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата, трагический конфликт, который побудил наших парламентариев "с тяжким сердцем" встать на сторону империалистской войны есть чистое воображение буржуазно-националистической фракции. Напротив, между интересами страны и классовыми интересами пролетарского Интернационала существует и во время войны и во время мира полная гармония; и война, и мир требуют самого энергичного развития классовой борьбы, самого решительного отстаивания с.-д. программы".

Так рассуждает Юниус. Ошибочность его рассуждений бьет в глаза, и если наши открытые и прикрытые лакеи царизма, господя Плеханов и Чхенкели, а может быть даже гг. Мартов и Чхеидзе, с злорадством ухватятся за слова Юниуса, помышляя не о теоретической истине, а о том, чтобы вывернуться, замести следы, набросать песку в глаза рабочим, то нам

надо остановиться подробнее на выяснении теоретических источников ошибки Юниуса.

Империалистской войне он предлагает «противопоставить» национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему. В 1793 и 1848 гг. и во Франции, и в Германии, и во всей Европе объективно стояла на очереди буржуазно- демократическая революция. Этому объективному историческому положению вещей соответствовала "истинно- национальная", т.-е. национально-буржуазная программа тогдашней демократии, которую в 1793 году осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодално-династическим войнам противопоставлялись тогда, объективно, революционно демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы объективное положение-иное. Развитие вперед — если не иметь ввиду возможных, временных, шагов назад-осуществимо лишь к социалистическому обществу, к социалистической революции. Империалистски-буржуазной войне, войне высоко развитого капитализма объективно может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война против буржуазии, т.-е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, война, без которой серьезного движения вперед быть не может, а затем-лишь при известных, особых условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных

государств. Поэтому те большевики (к счастью, совсем единичные и немедленно сданные нами призывцам), которые готовы были стать на точку зрения условной обороны, обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России, оставались верны букве большевизма, но изменяли духу его; ибо, втянутая в империалистскую войну передовых европейских держав, Россия и в республиканской форме вела бы тоже империалистскую войну.

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юниус применил Марксову диалектику лишь наполовину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия-это верно и по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, и по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко всякому классовому угнетению, это слишком обще и потому недостаточно по отношению к данному особому случаю. Гражданская война против буржуазии есть тоже один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествий. "Великогерманская республика", если бы она существовала в 1914-16 гг., вела бы, такую же империалистскую войну.

Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии за социализм, и точно побоявшись сказать всю правду до конца, повернул назад, к фантазии "национальной войны" в 1914, 15, 16 годах. Если взглянуть на вопрос не с теоретической, а с

чисто-практической стороны, то ошибка Юниуса станет не менее ясна. Все буржуазное общество, все классы Германии, вплоть до крестьянства, стояли за войну (в России, по всей вероятности, тоже — по крайней мере, большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма). Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении «провозгласить» программу республики, перманентного парламента, выборы офицеров народом ("вооружение народа") и пр. значило бы на практике — «провозгласить» революцию (с неверной революционной программой).

Юниус говорит здесь же, вполне правильно, что революцию «сделать» нельзя. Революция стояла на очереди в 1914-16 гг., таясь в недрах войны, вырастая из войны. Надо было «провозгласить» это от имени революционного класса, указать до конца, безбоязненно, его программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архи — реакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, безусловно осуществимые при всяком темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв "гражданского мира"; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс. Успех всех этих шагов неминуемо ведет к гражданской войне.

Провозглашение великой исторической программы имело, несомненно, гигантское значение; только не

старой и устаревшей для 1914-16 гг. национально-германской программы, а пролетарски — интернациональной и социалистической. Вы, буржуа, воюете для грабежа; мы, рабочие, всех воюющих стран, объявляем войну вам, войну за социализм, — вот содержание речи, с которой должны были выступить 4 августа 1914 г. в парламентах социалисты, не изменившие пролетариату, как Легины, Давиды, Каутские, Плехановы, Гэды, Самба и т. д.

По видимому, двоякого рода ошибочные соображения могли вызвать ошибку Юниуса. Несомненно, Юниус решительно против империалистической войны и решительно за революционную тактику: этого факта не устроят никакие злорадства гг. Плехановых по поводу «оборончества» Юниуса. На возможные и вероятные клеветы этого рода необходимо ответить сразу и прямо.

Но Юниус, во-первых, не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых с.-д., боящихся раскола боящихся договаривать до конца революционные лозунги^[15]. Это — ошибочная боязнь, и левые с. — д, Германии будут избавиться и избавятся от не. Ход их борьбы с социал-шовинистами приведет к этому. А они борются с своими социал-шовинистами решительно,

---

¹⁵ Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему, что лучше победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа. Если говорить о "революционном вмешательстве" пролетариата-а об этом, хотя к сожалению, слишком обще, говорит и Юниус и тезисы группы "Интернационала", — то обязательно было поставить вопрос с иной точки зрения: 1) возможно ли "революционное вмешательство" без риска поражения? 2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство своей страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?

твердо, искренне, в этом их громадное, принципиальное, коренное отличие от гг. Мартовых и Чхеидзе, которые одной рукой (а-ля Скобелев) разворачивают знамя с приветом "Либкнехтам всех стран", а другой рукой нежно обнимают Чхенкели и Потресова?

Во-вторых, Юниус хотел, повидимому, осуществить нечто в роде меньшевистской, печальной памяти, "теории стадий", хотел начать проводить революционную программу с ее "наиболее удобного", «популярного» приемлемого для мелкой буржуазии конца. Нечто в роде плана "перехитрить историю", перехитрить филистеров. Дескать, против лучшей обороны истинного отечества никто не может быть, а истинное отечество есть велико-германская республика, лучшая оборона есть милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз принята, такая программа сама собою повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции.

Вероятно, подобные рассуждения сознательно или полусознательно определили тактику Юниуса. Нечего и говорить, что они ошибочны. В брошюре Юниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток — было бы глубоко неправильно забывать это, — не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, несмотря на свое одиночество, приступить к изданию нелегальных

листочков и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути.

Октябрь 1916 г.

Примечания

1

Агадир — мароккский порт, куда в 1911-м году был демонстративно послан германский крейсер "Пантера".

2

3 декабря 1912 года, после первой Балканской войны, социал-демократический фракционный оратор Давид, выступая в рейхстаге, закончил свою речь следующим образом: "Вчера здесь говорилось, что немецкая восточная политика была хорошая политика. Господин рейхсканцлер думает, что мы оказали Турции много ценных услуг, а господин Бассерманн сказал, что мы заставили Турцию предпринять разумнейшие реформы. О последних мне ничего не известно (одобрении на скамьях социал-демократов), что же касается ценных услуг, то я мог бы поставить о последних вопросительный знак. Почему Турция пала? То, что там пало — это было юнкерское правительство, подобное тому, которое мы имеем в Остэльбии, ("правильно!" на скамьях социал-демократов. Смех справа). Падение Турции подобно падению манджурского аристократического правительства в Китае. С помещичьими правительствами, кажется, вообще, повсюду дело идет к концу (крики на скамьях социал-демократов: "верно!"). Они не отвечают более современным потребностям.

Я говорю, положение в Турции до известной степени подобно положению в Остэльбии. Турки —

правлящая кучка завоевателей, лишь незначительное меньшинство. Среди них есть и не турки, принявшие магометанскую религию; истинные природные турки — ничтожное меньшинство, каста завоевателей, которые обыкновенно занимают руководящие должности, — как и в Пруссии юнкера в правительстве, в дипломатии, в войске; это-каста, экономическое положение которой опирается на крупное землевладение; на возможность распоряжаться зависящими от нее крестьянами, как раз, как в Остэльбии: каста, которая по отношению к этим последним, принадлежащим к другой нации и религии, по отношению к болгарским и сербским крестьянам проводила такую же беспощадную помещичью политику, как в Остэльбии наши сияги (смех). Пока Турция имела натуральное хозяйство-это еще куда ни шло; тогда этот полк земельных владельцев еще кое-как можно было терпеть, т. к. тогда землевладелец не так еще стремится к эксплуатации подвластных ему. Он доволен, если может хорошо пожить и хорошо поесть. Но по мере того, как Турция, благодаря соприкосновению с Европой, переходила к современному денежному хозяйству, давление турецкого юнкерства на своих крестьян становилось все невыносимей. Оно довело крестьянство наконец до истощения, и значительная часть крестьянства обратилось в нищих. Многие сделались разбойниками — это комитатчи (смех справа). Турецкое юнкерство не только вело войну против внешнего врага, нет, в обстановке этой войны против внешнего врага происходила в Турции крестьянская революция. Вот что и переломило туркам позвоночник, и вот причина крушения их юнкерской системы.

Говорят, что в то время немецкое правительство оказало Турции большие услуги — но лучшей услуги,

которую оно могло оказать Турции и младо-турецкой системе, оно все же не оказало. Оно должно было посоветовать туркам провести те реформы, провести которые Турция была обязана по Берлинскому протоколу, действительно освободить своих крестьян, как это сделала Болгария и Сербия. Но как же могла это сделать немецкая прусская юнкерская дипломатия?

Инструкции, полученные г. Маршалль из Берлина, во всяком случае не были таковы, чтобы можно было оказать младотуркам действительную хорошую услугу. То, что могли дать эти инструкции — я совсем не говорю о военных делах — это гот известный дух, который они внесли в турецкий офицерский корпус, дух "элегантного, лощеного офицерства" (одобрения на скамьях социал-демократов), дух, оказавшийся в высшей степени губительным для турецкой армии в течение этой войны. Говорят, что на полях сражения находили трупы офицеров в лакированных башмаках и т. д. Привилегированное положение по отношению к народным массам и, в первую голову, по отношению к солдатской массе, надменность и фанаберия офицеров в конце подорвали доверие к нам в турецкой армии, и вполне понятно, что этот дух вызвал, в конце концов, внутреннее разложение армии.

Милостивые государи, в вопросе о том, кто виноват в крушении Турции, мы, очевидно, придерживаемся различных мнений. Конечно, пресловутый прусский дух не всецело виновен в этом крушении, он лишь содействовал ему и его ускорял. Главной причиной были экономические условия, как я уже это изложил".

В течение многих лет производившаяся в кругах немецкого империализма шумная травля Франции по поводу Марокко, также не могла ослабить беспокойства Франции. Старо-немецкий союз громко защищал план аннексии Марокко, конечно исходя из названных интересов Германии, и распространял прокламацию, написанную его председателем-Генрихом Классом под заголовком "Западное Марокко- немецкое!". Когда после торговли за Конго, профес. Шимам выступил в Крейцейтунг с оправданием сделок министерства иностранных дел и отказа от Марокко, «Почта» напала на него следующим образом:

"Г. профессор Шиман, по происхождению русский, во всяком случае не чисто немецкого происхождения. Его нельзя осуждать за то, что он холодно и насмешливо относится к тем вопросам, которые затрагивают самым чувствительным образом патриотическую гордость и национальное сознание в груди каждого истинного немца. Суждение чужестранца, который говорит о патриотическом биении сердца, о мучительном сжимании души немецкого народа, как о пустой политической фантазии, как о каком то забавном недоразумении, должно тем более вызывать наш справедливый гнев и презрение, что тот чужестранец пользуется гостеприимством немецкого государства, как преподаватель Берлинского университета. Мы преисполняем глубокой скорбью, при мысли о том, что этот человек, который осмеливается так оскорблять в руководящем органе немецкой консервативной партии чувства немецкого народа, и вместе с тем является учителем и советчиком нашего кайзера в политических

вопросах-с правом или без права считается как бы говорящим от имени кайзера.

4

В январе 1908 г., по сообщению немецкой прессы, русский либеральный политик Петр — фон — Струве писал: "Теперь можно сказать, что нас существует лишь одна дорога для создания великой России эта дорога следующая: направление всех сил в ту область, которая доступна для реального влияния русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, имеющие выход к Черному морю. Здесь мы имеем истинный базис для нашего неоспоримого хозяйственного господства — людей, каменный уголь и железо. На этом реальном базисе и только на нем может быть создана путем неустанной культурной работы, поддерживаемой во всех направлениях государством, действительно хозяйственно сильная Россия.

В начале настоящей войны, еще до выступления турок, Струве писал: "У немецких политиков имеется оригинальная турецкая политика, на которой они строят свои идеи и планы — "египтизирование Турции" под защитой Германии. Босфор и Дарданеллы должны сделаться немецким Суэцким каналом. Уже перед турецко-итальянской войной, вытеснившей турок из Африки, и перед балканской войной, которая выкинула турок из Европы, у Германии определено имелось намерение сохранить Турцию и ее независимость в интересах хозяйственного и политического укрепления Германии. После упомянутых войн ее намерение изменились лишь постольку, поскольку обнаружилась крайняя слабость Турции. При таких обстоятельствах

союз фактически должен был превратиться в протекторат или же в опеку, которая окончательно должна была низвести Оттоманскую империю на уровень Египта. Совершенно ясно, что с русской точки зрения немецкий Египет на берегах Черного и Мраморного морей являлся совершенно недопустимым. Нет ничего удивительного, что русское правительство немедленно выступило с протестом против первых шагов этой политики; против миссии генерала Лимана фон-Сандерса, который должен был не только реорганизовать турецкую армию, но стать во главе армейского корпуса в Константинополе. Формально Россия получила в этом вопросе удовлетворение, фактически же положение ничуть не изменилось. При таких обстоятельствах в декабре 1913 г. война между Россией и Германией была весьма возможна. Происшествие с военной миссией Лимана фон-Сандерса обнаружило политику Германии, направленную к «египтизированию» Турции.

Уже этого нового направления германской политики было бы достаточно, чтобы вызвать вооруженный конфликт между Германией и Россией. Таким образом, уже в декабре 1913 г. мы вступили в эпоху назревания конфликта, который неизбежно должен был принять характер мирового конфликта".

5

В империалистическом листке "Почему возникла война" мы читаем: "Россия уже значительно ранее соблазняла нас, предлагая нам немецкую Австрию — те десять миллионов немцев, которые при нашем национальном объединении 1866 г. и 1870-71 гг.

остались за бортом. Если мы ей выдадим старую монархию Габсбургов, то мы получим награду измену"

6

Кельнская газета писала после убийства в Сараеве, т. е. накануне войны, когда карты немецкой политики не были еще открыты: "У непосвященных в настоящее положение может возникнуть вопрос, почему Австрия, несмотря на все благодеяния, оказанные ею Боснии, не только не любима в стране, но как раз наоборот, встречает сильную ненависть со стороны сербов, которые составляют 42 % народонаселения? Ответ может быть понятен только тому, кто действительно знает этот народ и существующие там взаимоотношения; чужой человек, привыкший к европейским понятиям и отношениям, вряд ли его поймет. Ответ прост и ясен: управление Боснии по своей конструкции и по своим основным идеям было совершенно не годным и в этом виновато, действительно достойное наказания, непонимание истинного состояния страны, которое наблюдается еще и сейчас по прошествии целого поколения со времени оккупации".

7

"Почему возникла немецкая война" стр. 21. Орган клики эрцгерцога "Великая Австрия" неделя за неделей писал зажигательные статьи в таком духе; "Смерть наследника престола, эрцгерцога Франца Фердинанда может быть достойным и соответствующим образом отомщена лишь выполнением политического завещания этой невинной жертвы так несчастно сложившихся обстоятельств на юге империи.

В течении 6 лет мы ожидали окончательных разрешений тех тягостных осложнении, которые так мучительно давали себя чувствовать в нашей политике.

Мы знаем, что новая великая Австрия, счастливая, освобождающая свои народы, великая Австрия может возродиться только после войны, и потому мы хотим войны.

Мы хотим войны, так как убеждены, что только через войну возможно радикальное и быстрое осуществление нашего идеала: сильная великая Австрия, где при солнечном свете великого и радостного будущего расцветет, даря свободу и культуру балканским народам, австрийская государственная идея и сознание ее высокого призвания.

С тех пор как умер Великий, сильная рука и непреклонная воля которого бодрствовали над великой Австрией, с тех пор мы все более и более возлагали надежду только на войну.

Это последняя карта, на которую мы все ставим.

Возможно, что возбуждение, вспыхнувшее в Австрии и Венгрии, против Сербии, вследствие этого убийства, поведет к выступлению против Сербии, а впоследствии и против России.

Эрцгерцог Франц Фердинанд, как один из немногих, мог только подготовить, но не провести это выступление. Можно надеяться, что его смерть будет кровавой жертвой, необходимой для того, чтобы империалистическое воодушевление охватило всю Австрию.

8

Что касается немецких политиков, то им, конечно, было известно о том, что должно было произойти, и в настоящее время, конечно, не является тайной, что немецкий флот, как и все европейские флоты, находился тогда в состоянии боевой готовности. «Робах» "Война и немецкая политика" стр. 32.

9

Рорбах "Война и немецкая политика", стр. 41.

10

См. статью из Нюрнбергского партийного органа, перепечатанную и "Гамбургском Эхо" от 6 октября 1914 г.

11

Хемницкий «Фольксштимме» писал 21 Октября 1914 года: "военная цензура в Германии гораздо приличнее и разумнее, чем в Англии; жалобы на цензуру, под которыми вероятнее всего скрывается недостаток твердой позиции по отношению к военной проблеме, лишь помогают врагам Германии распространять ложь, что Германия является второй Россией; тот, кто серьезно думает, что при существующей цензуре он не может писать по своей совести, пусть положит перо и молчит".

12

"Если несмотря на это социал-демократическая фракция рейхстага единогласно одобрила сейчас военные кредиты", — писал Мюнхенский партийный орган от 6 августа-если она провожала горячими пожеланиями успеха всех отправлявшихся на защиту

немецкой империи, то это не был тактический ход, это было вполне естественное следствие поведения партии, которая всегда была готова поставить народное войско в целях обороны страны на место старой системы, которая казалась ей скорее выразительницей классового господства, чем защитницей нации против дерзких нападений.

Казалась... В "Нее Цейт" эту войну называют открыто народной войной, возводя постоянное войско в "народное войско" (№ 20–25 авг. — сент. 1914 г.) — Социал- демократический военный журналист Гуго Шульц прославляет в военном отчете от 74 августа "сильный милиционный дух", который "живет в Гогенцоллернской армии".

13

Р. Люксембург. Массовые стачки, партия и профессиональные союзы. Гамбург, 1907 г.

14

Сторонника организационного комитета (так назывался руководящий центр меньшевиков).

15

Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему, что лучше победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа. Если говорить о "революционном вмешательстве" пролетариата-а об этом, хотя к сожалению, слишком обще, говорит и Юниус и тезисы группы "Интернационала", — то обязательно было поставить вопрос с иной точки зрения: 1) возможно ли

"революционное вмешательство" без риска поражения?
2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство своей страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?